This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

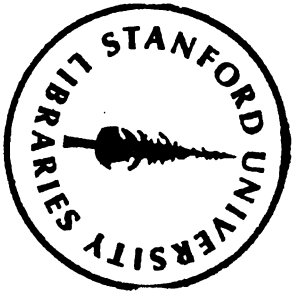
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG
3467
N28S5
v.3

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES


STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

А. А. НАВРОЦКІЙ (Н. А. ВРОЦКІЙ).

СКАЗАНІЯ МИНУВШАГО.

РУССКІЯ

БЫЛИНЫ И ПРЕДАНІЯ

ВЪ СТИХАХЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ
БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОБРАНІЯ
5го
ФИНЛЯНДСКАГО
СТРѢЛКОВАГО ПОЛКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.

HOOVER

PG 3467
N28 S5
v. 3

Типографія В. Безобразова и К°.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Гостомысловъ курганъ	1
Князь Владимірко Галицкій	2
Великій князь Всеволодъ Ольговичъ	7
Епископъ Кириллъ	10
Посадникъ Твердиславъ	12
Князь Михаилъ Черниговскій	16
Вѣщаніе	20
Король Магнусъ	23
Знаменіе	28
Свѣтильники	31
Инокъ Пересвѣтъ	35
Великая княгиня Евдокія	37
Игуменъ Мартиніанъ	41
Убѣжище	45
Варлаамова могила	48
Страдная ночь	51
Ушкуйникъ	54
Затворникъ Арсеній	56
Царь Борисъ	61
Димитрій самозванецъ	65

стр.

Судный день 68
Игрушка 71
Царица 75
Артемій Волынскій 78
Чудо-богатырь 80
Русская держава 81
На Волгѣ 88

Иванъ разбойникъ, или грѣхамъ не съѣсть, пока совѣсть есть — драматическая быль для народнаго театра въ 5-ти дѣйствіяхъ 1

Приложеніе.

Патріархъ Никонъ 55
Иванъ Грозный подъ Псковомъ 71

Гостомысловъ курганъ.

Гостомысловъ курганъ не высокъ, но великъ
Для Россіи въ завѣтѣ своемъ;
Стародавняя рознь приильменскихъ славянъ
Опочила, кровавая, въ немъ.

Тотъ курганъ былъ насыпанъ народной рукой —
Дань любви и ограда могилъ.
Притекалъ къ ней народъ, и пригоршней земли
Каждый память усопшаго чтилъ.

И возвысился холмъ надъ могилой того,
Кто далъ мудрый, чреватый совѣтъ
Подчиниться варягу, чтобъ властью одной
Оградить безначалія вредъ.

Съ той поры началась, зародилася Русь
Подъ державствомъ варяжскихъ князей,
И пошла она крестнымъ, тернистымъ путемъ,
Укрѣпляяся въ силѣ своей.

И все шире и шире порфира ея;
Мечъ въ рукѣ, но въ устахъ ея миръ.
Необъятна ты, Русь! и предъ мощью твоей,
Озираясь, склоняется міръ.

Гостомысловъ курганъ или холмъ находится на Волотовѣ полѣ, въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, на правомъ берегу Волхова, саженяхъ въ двадцати отъ Успенской церкви. Онъ, по преданію, насыпанъ пригоршнями новгородцевъ надъ могилою ихъ послѣдняго старѣйшины Гостомысла, сына Буривоя, прахъ котораго, по сказанію лѣтописи, «проводиша честно всѣмъ Великимъ Новоградомъ до мѣста нарицаемаго Волоты, и ту погребоша его». Волоты — значитъ исполины, богатыри. Сыновья Гостомысла умерли при его жизни, а средняя его дочь Умила вышла замужъ за варяжскаго князя Діона и, по преданію, была мать Рюрика. Гостомыслу однажды приснилось, что изъ чрева его дочери Умилы произрастало огромное плодоносное дерево, покрывавшее вѣтвями своими какой-то обширный городъ и плодами насыщавшее людей всей земли. По разъясненію прорицателей это обозначало благословенное державное потомство отъ Умилы, что, можетъ быть, послужило одною изъ причинъ призванія именно Рюрика на княженіе въ Новгородъ.

Князь Владимірко Галицкій.

(† 1152 г.).

Князь Владимірко въ Галичѣ стольномъ своемъ
Принимаетъ съ дружиной посла
Отъ великаго князя. Покорность его
Отъ разгрома и плѣна спасла.

3

И посолъ ведетъ рѣчь: — «Возврати города,
Что́ коварствомъ присвоилъ себѣ,
И не могъ удержать силой властной меча,
Побѣжденный въ неправой борьбѣ.

Вотъ и крестная грамота. Княжьей рукой
Приложилъ ты свою къ ней печать;
Клялся старшему князю и венгровъ послу
Ты по чести ее соблюдать.

А теперь ты не хочешь исполнить ее.
Возврати — иль желаешь войны?
Цѣлованьемъ креста клятву мира твою
Утвердилъ ты съ своей стороны.

Безразсудно не рви, на погибель души,
Тѣмъ крестомъ укрѣпленную связь».
— «Крестъ-то былъ не великъ», — Изяслава послу
Отвѣчалъ, усмѣхаючись, князь.

— «Не великъ; но властительна сила его.
Чудотворенъ онъ, вѣдаешь самъ.
Онъ носимъ былъ Стефаномъ святымъ на груди;
Страшенъ вѣры и правды врагамъ.

Кто его цѣловалъ, кѣмъ, предъ Господомъ силъ,
Онъ въ свидѣтели клятвы былъ взятъ, —
Съ того дня, какъ дерзалъ не исполнить ее,
Не видать ему солнца закатъ».

— «Не пророчь! Не пугай!» — «Не пророчу я, князь;
Молвлю то, что извѣстно давно.

И не будь ты изъ тѣхъ, кому силу его
Испытать на себѣ суждено».

— «Уходи!» Клятву лжи, свитокъ козни людской
Положилъ передъ княземъ на столъ
Изяслава бояринъ. — «Разсудитъ Господь» —
Онъ промолвилъ въ отвѣтъ и ушелъ.

Князь былъ веселъ. Обманомъ ему удалось
Удержать свой неправый захватъ,
И хоть клялся онъ точно вернуть города,
Но на дѣлѣ не такъ простоватъ.

«Изяславу теперь воевать не съ руки:
Удалилися венгры домой,
Разбрелась по степи половецкая рать —
Одному не сразиться со мной».

Пообѣдалъ князь сытно; спокойно соснулъ;
Освѣжился студенымъ медкомъ
И на вышку пошелъ. Разстилался предъ нимъ
Его Галичъ, добытый мечомъ.

«Удалось, думалъ князь, послѣ долгихъ трудовъ
Основать свое княжество мнѣ
На границѣ Руси; но не мало еще
Супротивныхъ внутри и извнѣ.

Надо мудро вести. Окруженъ я кольцомъ
И могучихъ, и жадныхъ враговъ:
Ляхи, венгры, Черниговъ и кіевскій князь.
Какъ овца среди стаи волковъ.

Надо ссорить ихъ всѣхъ и къ сильнѣйшему льнуть,
Лишь о пользѣ радѣя своей;
Такъ ужъ гдѣ тутъ мнѣ клятву мою соблюдать.
Поневолѣ забудешь о ней.

Ну, нарушилъ; сойдетъ! Прикажу замолить
Я ее мнѣ подвластнымъ попамъ.
Дамъ богатый имъ вкладъ; монастырь осную;
Въ немъ воздвигну я каменный храмъ.

И проститъ мнѣ Господь. Грѣшенъ каждый изъ насъ;
Но безмѣрна Его благодать.
Намъ, властителямъ, трудно всѣ клятвы блюсти:
Безъ уловки, чѣмъ слабому взять?»

День былъ солнечный. Близилось лѣто къ концу.
Легкій вѣтеръ прохладу давалъ;
Назрѣвали плоды; колосились поля;
Лѣсъ осенній уборъ надѣвалъ.

Солнце тихо склонялось къ далекимъ горамъ;
Крестъ на храмѣ соборномъ блестѣлъ.
«Чудотворенъ, — припомнилось князю: — закатъ
Не увижу. Пугнуть захотѣлъ».

Зазвонили къ вечернѣ. Задумался князь
И пошелъ помолиться во храмъ.
Что-то смутное вдругъ шевельнулось въ душѣ
И росло, расширялося тамъ.

Служба шла. На амвонѣ сѣдой іерей
Предъ вратами беззвучно шепталъ

Повечерья молитвы; лишь голосъ чтеца
Мѣрно въ храмѣ соборномъ звучалъ.

Князь прошелъ на обычное мѣсто свое
Предъ иконой въ кіотѣ златомъ,
Осѣненномъ въ вершинѣ работы рѣзной
Небольшимъ золоченымъ крестомъ.

«Не великъ», — ему вспомнилось. Страхомъ душа
Вдругъ объялась. Занѣли канонъ.
И молитву съ поклономъ земнымъ сотворилъ
Князь усердно, встревоженъ... смущенъ.

Всталъ. Ударило въ голову сильно ему.
«Это кровь. Гдѣ воды бы испить?
Пообѣдалъ я сытно; теперь тяжело
Мнѣ поклоны земные творить».

Отлегло. Князь вздохнулъ. «Что со мной? Нездоровъ.
Вотъ опять! Голова, какъ въ огнѣ».
Поглядѣлъ: — крестъ какъ будто сталъ больше, чѣмъ былъ.
«Такъ, пустое! Почудилось мнѣ».

Нѣтъ, не чудится. Выше онъ, шире, растетъ.
Засверкалъ, сталъ, какъ солнце, сіять;
Раскалился — и полымемъ пышетъ и жжетъ;
Надвигается — трудно дышать.

Отшатнулся князь въ ужасѣ; хочетъ уйти
И не можетъ... туманится взоръ...

Захрипѣлъ... покачнулся всѣмъ тѣломъ назадъ
И упалъ на церковный коверъ.

. . . . . .

Загоралися окна кровавымъ огнемъ;
Въ немъ тонулъ свѣтъ церковныхъ лампадъ;
Протянулися пряди багряныхъ лучей,
Словно лезвія неба огнистыхъ мечей —
То былъ солнца вечерній закатъ.

1900 г.

Великій князь Всеволодъ Ольговичъ.

(† 1146 г.).

Станъ Всеволода, кіевскаго князя,
Раскинулся широ́ко вдоль рѣки,
Осадою грозя Переяславлю.
Могучи были княжіе полки.

Стояла ночь. Надъ городомъ уснувшимъ
Нависли тучи, раздавался громъ.
Не спали лишь посты сторожевые,
Разъѣздами шныряя за Днѣпромъ.

Затихъ и станъ. Князь Всеволодъ вернулся
Въ шатеръ свой княжій, къ стягу на горѣ,
И, подкрѣпившись, легъ полураздѣтый,
Готовый къ переправѣ на зарѣ.

Сталъ засыпать. Вдругъ пріоткрылся пологъ.
— «Кто тамъ?» — «Вставай скорѣй, великій князь!
«Переяславль горитъ. Удобный случай
«Теперь внезапно на него напасть».

Князь вышелъ, смотритъ... За Днѣпромъ далѐко
Пылалъ костеръ и страшенъ, и могучъ;
И разстилалось зарево пожара
По небу ночи въ складкахъ грозныхъ тучъ.

Надъ городомъ столбы густые дыма
Тянулись вверхъ; гудѣлъ набатный звонъ.
Какъ муравьи, съ посадовъ горожане
Сбѣгались на пожаръ со всѣхъ сторонъ.

— «Не медли, князь! Буди скорѣй дружину.
«Въ ладьяхъ мы живо Днѣпръ переплывемъ;
«Ударимъ разомъ, бурею ворвемся,
«И заберемъ враговъ твоихъ живьемъ».

— «Нѣтъ, не хочу!—князь Всеволодъ отвѣтилъ.—
«Не хищники мы, честные враги.
«Когда Господь послалъ имъ испытанье,
«Не время мнѣ крушить ихъ очаги».

— «Князь, образумься! Въ нашемъ ратномъ дѣлѣ
«Все на̀ руку въ хищреніяхъ войны.
«Не поединокъ — бой. Для одолѣнья
«Всѣмъ пользоваться всюду мы должны».

— «Не всѣмъ! неправда!» — «Если ты не хочешь,
«Пусти меня! Я съ сотней удальцовъ

«Ворвуся въ городъ и къ тебѣ побѣдно,
«Какъ стадо, пригоню его бойцовъ.

«Дозволь! не медли!»—«Хорошо; но прежде
«Одно исполни. Трудъ хоть не великъ,
«Но и не легокъ».—«Все готовъ исполнить!
«Не медли только. Говори! Вѣдь мигъ

«Намъ каждый дорогъ».—«Разстегни свой воротъ
«И крестъ сними, и брось его въ траву.
«Тогда ступай». Смутился воевода,
И уронилъ на землю булаву,

И замолчалъ. — «Что? Не дерзаешь? Смолкли
«Добычей воспаленныя уста.
«Забылъ ты, витязь, что не наше дѣло
«По-волчьи нападать изъ-за куста.

«Коль Богъ даетъ въ честномъ бою побѣду,
«То наша слава. А такой стезей
«Я не добуду чести; безъ нея же
«Нѣтъ славы князю предъ родной землей».

Вернулся князь въ шатеръ; въ раздумьи ночи
Созналъ войны своей неправоту,
И помирился съ княземъ онъ Андреемъ,
Блюдя завѣтовъ чести чистоту.

1901 г.

Епископъ Кириллъ.

(† 1229 г.)

Былъ епископъ ростовскій Кириллъ знаменитъ
И владѣньемъ земнымъ, и богатствомъ;
Былъ душою онъ гордъ и не шелъ по пути
Заповѣданномъ иноковъ братствомъ.

Былъ силенъ и духовною властью своей,
И опальнымъ былъ часто оградой.
Князь Ѳеодоръ ростовскій его не любилъ.
Власти княжьей служилъ онъ преградой.

Много въ княжьей дружинѣ его боевой
Услужить ему было готовыхъ,
Среди жившихъ неправдой, насильемъ людскимъ,
Не путями завѣтовъ Христовыхъ.

Недовольныхъ нашли, обнадежили ихъ.
На чужое добро были прытки.
На епископа съ жалобой къ князю пришли
И просили взыскать ихъ убытки.

Князь Ѳеодоръ былъ радъ. Всенародно судилъ
Онъ такое желанное дѣло;
Показать свою силу въ Ростовѣ своемъ
Его властное сердце хотѣло.

Разсудилъ — и рѣшенье свое объявилъ.
Отбиралъ имъ владѣній не мало
Отъ епископа онъ, и, глумяся надъ нимъ,
«Будь доволенъ, — сказалъ, — ты рѣшеньемъ моимъ;
«Быть богатымъ тебѣ не пристало».

И спокойно ему отвѣчаетъ Кириллъ: —
«Хоть въ судѣ своемъ ты своеволенъ;
«Хоть неправдою ты мое дѣло рѣшилъ,
«Но рѣшеньемъ твоимъ я доволенъ.

«Я, монахъ, въ искушеньяхъ грѣховныхъ страстей,
«Свой обѣтъ отреченья не помнилъ,
«И сегодня о немъ, человѣчьимъ судомъ,
«Самъ Господь чрезъ тебя мнѣ напомнилъ.

«Славлю милость Его; а тебѣ, князь земной,
«Бью челомъ за твое я рѣшенье;
«Отъ недуга тяжелаго грѣшной души
«Обрѣтаю я въ немъ исцѣленье».

И пошелъ онъ во храмъ, санъ епископа тамъ
Онъ смиренно сложилъ передъ Богомъ;
Все имѣнье свое пребывавшимъ въ нуждѣ
Раздѣлилъ. Въ одѣяньѣ убогомъ,

Нищъ и босъ, лишь съ одною дорожной клюкой
Въ Суздаль онъ, въ монастырь удалился,
Принялъ схиму и въ ней, до конца своихъ дней,
Во грѣхахъ своихъ каясь, молился.

1901 г.

Посадникъ Твердиславъ.

Въ Новгородѣ смута. Князь неугомонный
Всеволодъ Мстиславичъ, гнѣвомъ распаляся,
Что ему перечитъ въ замыслахъ посадникъ,
Порѣшилъ убійствомъ разомъ съ нимъ покончить,
И сломить упорство старца Твердислава.
Собрались на вѣче, по его призыву,
Прихвостни пришельца, для которыхъ милость
И подачки власти ближе и дороже
Совѣсти и правды, чести и свободы.
Свѣдали объ этомъ истинные слуги
Вольности исконной и завѣта предковъ;
Свѣдавши, рѣшили не давать на жертву
Княжескому гнѣву старца Твердислава.
Зазвонилъ отвѣтно у Святой Софіи
Колоколъ призывный во кремлѣ священномъ.
Три конца софійскихъ дружно поднялйся
И стеклись на площадь для защиты старца,
Избраннаго силой всенародной воли.
Боленъ былъ посадникъ и въ опочивальнѣ
Отъ недуга злого на одрѣ томился.
Бережно больного въ сани уложили
И свезли на площадь подъ защиту вѣча,
Подъ покровъ незримый ко Святой Софіи.

Смута разгоралась. На мосту широкомъ
Показались стайки смѣльчаковъ задорныхъ;

Грозной перебранкой Волховъ огласился,
И мечи въ подъятыхъ дланяхъ засверкали.
Но утишилъ бурю Митрофанъ владыка,
Жребія святого ставленикъ смиренный.
Всталъ онъ среди моста и къ междоусобцамъ
Съ словомъ увѣщанья мудро обратился.
Вняли его гласу, гласу примиренья;
Порѣшили на ночь старца Твердислава
Помѣстить въ дѣтинцѣ у Святой Софіи
И сойтись на утро выслушать, что скажетъ
Всеволодъ на слово и увѣтъ владыки.
Разошлись, оставивъ лишь дозоръ надежный,
Чтобы не пробрàлись, подъ покровомъ ночи,
Съ стороны зарѣчной княжескіе слуги.

Удалось владыкѣ князя образумить.
Крестнымъ цѣлованьемъ у Святой Софіи
Обѣщалъ онъ клятвой предъ престоломъ Божьимъ
Не держать нелюбья противъ Твердислава,
Смуты и раздора впредь не замышляя.
Но въ душѣ коварной злоба не смирилась.
Князь не отказался отъ желанной мести,
Выжидая время замыселъ исполнить.
Снова онъ съ дружиной начали потайно
Возмущать зарѣчье противъ Твердислава.
Стихнувшая смута стала разгораться;
Въ Новгородѣ вѣче снова раскололось,
И пошли угрозы, распри, пререканья,
Вѣстники насилья, крови и раздора.
Зналъ народъ коварство князя молодого,

Кіевскаго слетка, властнаго буяна,
И держалъ охрану возлѣ дома старца,
Гдѣ лежалъ недужный онъ въ опочивальнѣ.

Вдругъ въ Кремлѣ съ разсвѣтомъ слухъ пошелъ зловѣщій,
Что исчезъ изъ дома Твердиславъ безслѣдно.
Вечеръ весь въ бесѣдѣ онъ провелъ съ владыкой,
А на утро сгинулъ, словно провалился.
Снова предъ Софіей вѣче волновалось;
Ждали съ нетерпѣньемъ вѣсти достовѣрной,
Что́ съ любимымъ старцемъ ночью приключилось.
Выступилъ на паперть старшій протодъяконъ
И повѣдалъ вѣчу, что посадникъ тайно
Въ монастырь Аркадьевъ ночью удалился.
—«Для чего?»— «Идите и спросите сами;
«Живъ онъ и отвѣтить вѣчу не замедлитъ».
Разомъ, какъ отъ вихря, всколебалось вѣче;
Извиваясь лентой, по дорогѣ торной
Въ монастырь Аркадьевъ дружно устремилось
И волной вкатилось въ дальнюю обитель,
Громко призывая старца Твердислава.

Тамъ, съ трудомъ, на встрѣчу вышелъ къ нимъ на паперть
Твердиславъ въ смиренной инока одеждѣ.
—«Дѣти, молвилъ старецъ, нѣтъ здѣсь Твердислава.
«Здѣсь стоитъ предъ вами инокъ православный,
«Нынѣ въ постриженьи Титомъ нареченный.
«Старъ я; мнѣ недолго жить на этомъ свѣтѣ.
«Не хочу, чтобъ снова смута учинилась;
«Чтобъ родною кровью городъ оросился.

«Послужите ею для его защиты
«Отъ враговъ исконныхъ, коимъ не по сѐрдцу
«Слава Новограда и Святой Софіи.
«Разойдитесь мирно. Ночью, добровольно,
«По благословенью мудраго владыки,
«Я въ Господнемъ храмѣ принялъ постриженье.
«Здѣсь, у гроба предковъ, каясь въ прегрѣшеньяхъ
«Моей долгой жизни, буду я молиться
«За родной мой городъ, да живетъ онъ въ мирѣ,
«Дружбѣ и согласьи, силу вѣковую
«На враговъ лишь внѣшнихъ грозно устремляя,
«Подъ покровомъ Бога и Святой Софіи».
Кончилъ старецъ слово. Смолкло все въ оградѣ.
Стало тихо, тихо, какъ передъ грозою.
Разомъ обнажились головы народа.
Поклонился низко Новгородъ Великій
Мудрому монаху за его рѣшенье
И въ свои жилища мирно возвратился.

Вотъ какіе люди въ старину бывали
Въ Новгородѣ вольномъ, мудростью повиты;
Люди вѣры, правды, истинныя дѣти
Новгородской славы и его свободы.

Посадникъ Твердиславъ постригся въ 1221 году въ Аркадьевомъ, или Аркажскомъ монастырѣ, находившемся въ окрестностяхъ Новгорода, близъ озера Мячина, на лѣвой, нагорной сторонѣ рѣки Волхова. Нынѣ отъ этого монастыря не осталось и слѣда. Жена Твердислава постриглась вслѣдъ за нимъ въ женскомъ монастырѣ.

Князь Михаилъ Черниговскій.

Ѣдетъ князь Михаилъ въ Золотую Орду,
Къ басурману на тяжкій поклонъ.
Чуетъ сердце его близкой смерти бѣду.
Униженья не вынесетъ онъ.

Ѣдетъ съ внукомъ. Далеко въ приволжскихъ степяхъ
Злыхъ монголовъ раскинулся станъ;
Тамъ отъ долгихъ, чудовищно-славныхъ трудовъ
Отдыхалъ ихъ излюбленный ханъ.

Долго ѣхалъ. Добрался. Былъ принятъ. Хотѣлъ
Ужъ въ Батыеву ставку войти;
Но жрецы, охранители вѣры татаръ,
Задержали его на пути.

Говорятъ, чтобъ прошелъ чрезъ огонь русскій князь,
Что предъ ставкой Батыя горѣлъ,
И кумирамъ его поклонился, — не то
Его ждетъ непокорныхъ удѣлъ.

«Нѣтъ!—спокойно отвѣтилъ имъ князь Михаилъ.—
«Поклониться Батыю могу.
«Онъ вашъ царь, и Господь ему нынѣ вручилъ
«Русскихъ княжествъ удѣльныхъ судьбу.

«Но я вѣру Христа въ своемъ сердцѣ ношу;
«Крестъ святой у меня на груди.
«Поклоненья огню и кумирамъ нѣмымъ
«Отъ меня онъ напрасно не жди!»

Отъ Батыя выходитъ Эльдега баскакъ,
Говоритъ Михаилу: — «Смирись!
«Не дерзай быть ослушникомъ князя князей,
«И кумирамъ его поклонись.

«Поклонись—иль умрешь у подножья боговъ,
«И скатится предъ ними во прахъ
«Голова твоя гордая; разомъ палачъ
«Отсѣчетъ—непокорнымъ на страхъ!»

Внукъ Борисъ, еще отрокъ, волненьемъ объятъ.
Горсть бояръ, съ нимъ въ орду прибылыхъ,
Замутилася вдругъ; малодушья слова
Услыхалъ благовѣрный отъ нихъ.

Что берутъ на себя они княжескій грѣхъ;
Что не разъ подчинялись князья
Тѣмъ обрядамъ для блага земли—и за то
Ихъ проститъ милосердный Судья.

Но отвѣтилъ имъ князь: — «Искупленья завѣтъ
«Позабыли вы въ страхѣ земномъ:
«*Кто отвергнется здѣсь отъ Меня, отъ того*
«*Я отвергнуся въ Царствѣ Своемъ.*

«Не сгублю я души! Не отвергнусь Христа
«Ни для васъ, ни для славы земной.
«Не нужна мнѣ она! Не ее я ищу,
«А стремлюся я къ славѣ иной.»

И могучей рукой бросилъ онъ далекò
Свою мантію съ княжескихъ плечъ;
Снялъ опушенный соболемъ княжій вѣнецъ;
Отстегнулъ, внуку передалъ мечъ;

И съ молитвою вынувъ Святые Дары,
Что въ ковчежцѣ хранилъ золотомъ,
Причастился—и внуку ковчежецъ вручилъ,
И запѣлъ славословья псаломъ.

Изумились жрецы, и притихла толпа;
Божій страхъ въ ихъ проникнулъ сердца;
И побѣдно предъ ставкой Батыя звучалъ
Голосъ князя во славу Творца.

Властный крикъ—и набросилась стая убійцъ.
Повалили, топтали... лютà
Была страшная казнь; но не смолкъ Михаилъ,
Славословили Бога уста.

Взмахъ меча—и скатилась его голова,
Удостоясь иного вѣнца.
Донеслися послѣднія князя слова:
«Христіанинъ я есмь до конца.»

1898 г.

Святый Благовѣрный князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, по взятіи и разореніи Батыемъ Чернигова въ 1239 году, а затѣмъ Кіева въ 1240 году, тщетно искалъ помощи у короля Венгерскаго, тестя сына своего Ростислава. Возвратившись въ Черниговъ, онъ вынужденъ былъ ѣхать въ Золотую Орду къ Батыю, чтобы получить отъ него ярлыкъ на княженіе въ Черниговѣ. Съ нимъ поѣхалъ любимецъ его бояринъ Ѳеодоръ и внукъ, князь Борисъ Ростиславичъ Ростовскій съ нѣсколькими ростовскими боярами.

Мученическая кончина князя Михаила послѣдовала въ 1246 году. Вслѣдъ за нимъ былъ замученъ и боярин Ѳеодоръ, тоже не хотѣвшій поклониться идоламъ и одинъ изъ всѣхъ бояръ, окружавшихъ князя Михаила, утверждавшій его не подчиняться требованію жрецовъ. Тѣла обоихъ мучениковъ были брошены на съѣденіе псамъ: но стараніями русскихъ были сохранены и тайно увезены изъ Орды. Церковь причислила обоихъ мучениковъ къ лику Святыхъ и чтитъ память ихъ 19 февраля и 20 сентября. Нетлѣнныя мощи ихъ покоятся въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ.

Князь Борисъ долженъ былъ ѣхать къ сыну Батыя Сартаку, кочевавшему у русской границы, и отъ него получилъ ярлыкъ и дозволеніе возвратиться въ свой Ростовскій удѣлъ.

Вѣщаніе.

Въ Софійскомъ храмѣ кончена работа;
Расписаны всѣ стѣны, своды главъ.
Иконописцы-греки изъ Царьграда
Блюли письма церковнаго уставъ.

Пришелъ во храмъ владыка новгородскій
Благословенье дать. Падутъ лѣса;
Очистится соборъ — и возсіяетъ
Въ немъ христіанской святости краса.

И къ образу Спасителя на сводѣ
Главы срединной подошелъ онъ. Вдругъ
Владыки очи скорбью омрачились.
—«Зачѣмъ ты искажать дерзаешь, другъ?

«Или забылъ, какъ пишется десница?
«Исправь». Ушелъ владыка, а писецъ
Въ раздумьи тяжкомъ плакалъ на помостѣ.
«Безславье — вотъ трудовъ моихъ вѣнецъ!

«Что это? чудо? или навожденье
«Очамъ моей грѣховной слѣпоты?
«Я написалъ ее, какъ подобаетъ
«Благословенью складывать персты.

«А нынѣ—сжата! Не могли же братья,
«Такъ подшутить кощунственно со мной.
«Былъ запертъ храмъ; мы въ ночь не разлучались;
«Не могъ войти никто сюда иной».

Со страхомъ онъ принялся за работу;
Съ молитвою къ десницѣ подступилъ;
Дѣянье неизвѣстнаго исправилъ;
Благословляющей ее изобразилъ.

На утро входитъ—снова сжата. Больно
Заныло сердце. Собрались писцы.
Рѣшили вновь ему свой трудъ исправить.
Страшилися огласки чернецы.

Онъ исправлялъ; они вокругъ молились;
Царила въ храмѣ темномъ тишина.
Замкнули двери; вмѣстѣ удалились.
Нельзя въ соборъ проникнуть изъ окна.

Всю ночь они пребыли неразлучно.
Настало утро. Всходятъ на лѣса;
Приблизились—опять десница сжата.
Суровы стали старцевъ голоса.

—«Ты недостоинъ. Удались! Отверженъ.
«И больше въ храмъ входить уже не смѣй».
Онъ зарыдалъ. Съ увѣтомъ обратился
Къ нему старѣйшій, инокъ-іерей.

—«Быть можетъ, ты грѣхомъ незамоленнымъ
«Прогнѣвалъ Господа, и не тебѣ
«Благословляетъ Онъ твой трудъ докончить.
«Подай мнѣ кисть. Дерзну. А ты, въ мольбѣ,

«Къ Нему взывай! Смиренно, на колѣняхъ,
«Въ порывѣ слезномъ грѣхъ твоей вины
«При насъ повѣдай». Взялъ палитру старецъ—
И слышитъ гласъ Господень съ вышины.

—«Оставь, какъ есть. Грядущимъ въ указанье
«Да явится рука моя, писецъ.
«Въ десницѣ сжатой Новгородъ держу я;
А разогнется — и ему конецъ».

Святая Софія или «домъ Святой Софіи» первый въ Новгородѣ каменный храмъ во имя «Софіи Премудрости Божіей» былъ заложенъ въ 1045 году великимъ княземъ Владиміромъ Ярославичемъ, внукомъ Святого Владиміра просвѣтителя Руси. Для постройки и украшенія храма были вызваны художники изъ Царьграда, которые, согласно византійскому обычаю, строили его семь лѣтъ, по образцу соименнаго царьградскаго храма Юстиніана. Освященіе собора было совершено 14 сентября 1052 года вторымъ новгородскимъ епископомъ Лукою.

На сводѣ средней главы храма изображенъ современный его постройкѣ и первый по времени чудотворный образъ Спасителя съ благословляющей десницею, персты которой сжаты до половины. Описанное выше преданіе объ этой десницѣ находится въ III-ей новгородской лѣтописи.

Король Магнусъ.

Третій день по волнамъ, на обломкѣ доски,
Король Магнусъ по морю носился,
И промокъ, и продрогъ, и въ борьбѣ изнемогъ,
Обезсилѣлъ, въ конецъ истомился.

Бурный вѣтеръ стихалъ, но порывами гналъ
Разъяренныя грозныя волны.
Бушевали онѣ; не хотѣли заснуть,
Еще силой могучею по́лны.

И вокругъ никого. Тучъ обрывки... вода...
Грохотъ, плескъ, воздыманіе пѣны;
И одна за другой, перекатной грядой,
Водяныя косматыя стѣны.

И могучій недавно король сознавалъ,
Что борьба непосильна; что вскорѣ
Ей наступитъ конецъ, и что жертвы своей
Не отдастъ разъяренное море.

Онъ, въ гордынѣ своей, къ новгородцамъ послалъ,
Двухъ монаховъ, да гласу ихъ внемлютъ;
Если вѣры не могутъ своей оправдать,
Вѣру папскую всѣ да пріемлютъ.

Получивъ же отвѣтъ, что охоты имъ нѣтъ
Препираться съ монахами въ спорѣ;
Есть въ Царьградѣ на то патріархъ, пусть къ нему
Обратятся въ церковномъ задорѣ.

Что усопшій король цѣлованьемъ креста
Утвердилъ съ ними миръ договоромъ.
Если жъ онъ въ чемъ нарушенъ — назначимъ пословъ,
Разрѣшатъ обоюднымъ разборомъ.

Грозный Магнусъ въ отвѣтъ объявляетъ войну
Непокорному папѣ народу;
Но разбитый въ бояхъ, потерялъ онъ затѣмъ
И корону, и власть, и свободу.

Пятый годъ онъ въ плѣну у врага своего
На цѣпи въ подземельѣ томился.
Измѣнили ему и народъ, и семья,
Чуть отъ горя ума не лишился.

Наконецъ, его сынъ, князь норвежской земли
Его спасъ отъ позорнаго плѣна,
И повезъ къ себѣ моремъ на вольный просторъ,
Гдѣ ему не опасна измѣна.

Но дорогою встрѣтила буря пловцовъ.
Разметала ихъ грозная сила;
Сокрушила ладью короля, и его
Долго, тѣшась, по мо́рю носила.

Чуетъ бѣдный король, что кончина близка;
Чуетъ ужасъ безвѣстной могилы.
Заливаетъ волна; потемнѣло въ очахъ;
Напрягаетъ послѣднія силы.

И въ минуту предсмертнаго страха король
Далъ обѣтъ, если явитъ спасенье
Ему нынѣ Господь, въ монастырь поступить
И смиренно принять постриженье.

Страшный шквалъ налетѣлъ, закрутилъ, завертѣлъ,
Словно съ жертвою кончить рѣшился;
Чуть не выбилъ доскй; захлебнулся король,
Застоналъ — и сознанья лишился.

Гдѣ онъ? Умеръ? Не гробъ, а уютный покой;
Столъ, кровать, предъ кіотомъ лампада.
Изъ открытаго съ частой рѣшеткой окна
Вѣетъ ночи весенней прохлада.

Входитъ старецъ; весь въ черномъ; клобукъ на главѣ,
А въ рукахъ кипарисныя четки;
Не тюремщикъ лихой, не приставленный стражъ.
Рѣчь мирна, очи ласково кротки.

Былъ тотъ старецъ сѣдой — православный монахъ,
Тоже выходецъ Свеи задорной;
Объяснилъ королю, какъ попалъ тотъ сюда,
Въ край труда и молитвы соборной.

Что спасли его иноки въ бурную ночь,
Валаамской обители братья,
Для которыхъ въ бѣдѣ нѣтъ чужихъ иль враговъ,
А всѣ ближніе ихъ безъ изъятья.

Что вторую недѣлю, какъ мертвый лежитъ,
Огневицей онъ страшной охваченъ;
Что ужъ мнили они, видно смертный конецъ
Ему Господомъ нынѣ назначенъ.

А теперь отлегло. Знать отсрочилъ Господь
Его смерть, отложилъ воздаянье;
Ниспослалъ ему милость при жизни своей
Во грѣхахъ учинить покаянье.

Хоть очнулся король, но въ конецъ ослабѣлъ,
Чуялъ близкую смерть и смирился.
Вспомнилъ данный обѣтъ, видно Богъ такъ судилъ,
И исполнить его онъ рѣшился.

И постриженъ былъ Магнусъ, по волѣ своей,
Принятъ въ лоно той церкви Христовой,
На которую онъ, въ свои властные дни,
Ополчался въ затѣѣ суровой.

И понынѣ въ далекой обители той,
Среди ряда могильныхъ нагорій,
Почіетъ, подъ зарывшейся въ землю плитой,
Свеи витязь лихой, въ мірѣ Магнусъ король,
А въ монашествѣ схимникъ Григорій.

1901 г.

Во многихъ нашихъ лѣтописяхъ находится, такъ называемое «рукописаніе Магнуша короля свѣйскаго, во святомъ крещеніи Григорія», въ которомъ онъ повѣствуетъ, что, разбитый новгородцами, потерялъ большую часть своего флота во время бури близъ устья Наровы, былъ затѣмъ свергнутъ съ престола вельможами и своимъ племянникомъ и долго сидѣлъ у него въ плѣну прикованный къ стѣнѣ, какъ лишившійся ума; пока его сынъ, Исакунъ князь мурманской (норвежской) земли не освободилъ отца. Магнусъ отправился къ сыну въ Норвегію, но едва не утонулъ въ морѣ, гдѣ его носило вѣтромъ три дня и три ночи и, наконецъ, принесло къ Полной рѣкѣ. Тамъ его спасли иноки Валаамской Спасской обители и привезли въ свой монастырь, гдѣ онъ принялъ постриженье въ чернецы, а затѣмъ и въ схиму. Кончается это рукописаніе такъ: «Теперь приказываю своимъ дѣтямъ и братьямъ: не наступайте на Русь, на крестномъ цѣлованіи, а кто наступитъ, на того Богъ и огонь, и вода, которыми я былъ казненъ; а все это сотворилъ мнѣ Богъ къ моему спасенью». На кладбищѣ Валаамскаго монастыря указываютъ могильную насыпь съ тонкой раздавленной плитой, какъ на могилу короля Магнуса, въ схимонашествѣ Григорія. По шведскимъ лѣтописямъ Магнусъ, по возвращеніи изъ крестоваго похода на новгородцевъ въ 1350 году, велъ междоусобную войну съ своими сыновьями, затѣмъ былъ свергнутъ съ престола вельможами, избравшими королемъ его племянника Альбрехта Мекленбургскаго, у котораго онъ и находился въ плѣну пять лѣтъ, но былъ освобожденъ своимъ сыномъ норвежскимъ княземъ Гаканомъ и утонулъ въ Готландіи.

Знаменіе.

Обложенъ Новгородъ кругомъ врагами.
Дружины княжьи боя жадно ждутъ;
Между собою городъ раздѣляютъ;
Богатую добычу обрѣтутъ.

Но не упалъ великій городъ духомъ;
Не захотѣлъ сдаваться онъ врагу.
Рѣшилъ — стоять на смерть! и лишь по трупамъ
Его впустить къ родному очагу.

Идутъ на приступъ. Пастырь новгородскій
Всю ночь въ молитвѣ плакалъ и взывалъ
О помощи небесной. Врагъ несчетенъ.
На Бога лишь надежду возлагалъ.

Въ порывѣ долгомъ изнемогъ; склонился
Передъ иконой древнею Христа;
Челомъ приникъ къ холодному помосту;
Затмился взоръ; сомкнулися уста —

И слышитъ голосъ: «подыми икону
«Во Спасскомъ храмѣ Матери Моей;
«Внеси на стѣны; воззови отъ сердца —
«И дастъ побѣду силою Своей».

Послалъ. Берутъ — не трогается съ мѣста,
Не оторвать насильно отъ стѣны.
Вернулися. Со страхомъ доложили,
Таинственнымъ упорствомъ смущены.

Тогда владыка, съ клиромъ, крестнымъ ходомъ
Пошелъ во храмъ; съ молитвой преклонясь,
Молилъ исполнить Господа вѣщанье
И смиловаться. Подошелъ — снялàсь.

Понесъ ее. Вокругъ пылали свѣчи;
Дымился ладанъ; пѣлъ церковный клиръ.
Во слѣдъ народъ, взывая сокрушенно,
О милости Владычицу молилъ.

Взошли на верхъ. Затмили солнце стрѣлы;
Ихъ остріемъ усѣялась стѣна;
Вокругъ владыки роемъ пролетѣли;
Вонзилась въ ликъ Владычицы одна.

Въ очахъ иконы заросились слезы
И пали на владычную фелонь,
И засверкалъ алмаза переливомъ
Ихъ неземной, божественный огонь.

Пронесся вихрь. Напалъ внезапный ужасъ
На грозный строй безчисленныхъ враговъ.
Въ смятеньи другъ на друга устремились
Дружины вражьи княжескихъ полковъ.

Тогда на нихъ напали новгородцы;
Разбили въ прахъ; погнали далекó;
И забирали плѣнныхъ, какъ барановъ,
Такъ ихъ смятенье было великó.

И чтитъ донынѣ городъ ежегодно
Владычицы защиту Пресвятой
Священнымъ ходомъ отъ Святой Софіи
Во храмъ иконы чудотворной той.

Означенное событіе совершилось 25 февраля 1170 года, когда полки великаго князя Андрея Боголюбскаго съ дружинами князей: смоленскаго, рязанскаго, муромскаго и полоцкаго, подъ предводительствомъ сына Боголюбскаго Мстислава, осадили Новгородъ, съ цѣлью подчинить его великокняжескому вліянію. Новгородцы взяли такъ много плѣнныхъ, что продавали за гривну десять человѣкъ.

Въ благодарность за одержанную побѣду новгородцы соорудили на Торговой сторонѣ обширный каменный храмъ во имя чудотворной иконы Богоматери, извѣстной съ тѣхъ поръ подъ именемъ Знаменія. Икона эта древняго византійскаго письма, по мѣстному преданію, считается современною введенію христіанства въ Новгородѣ и до перенесенія ея въ Знаменскій соборъ была запрестольною иконою въ Спасской церкви на Ильинской улицѣ. Подъ лѣвымъ окомъ иконы замѣтно пятно отъ пораженія ея стрѣлою; а подъ иконою написанъ на деревѣ видъ древняго Новгорода во время его осады

войсками Боголюбскаго. На этомъ рисункѣ, написанномъ позднѣе, не ранѣе 16-го вѣка, Новгородъ, кромѣ стѣнъ дѣтинца, укрѣпленъ еще двумя рядами деревянныхъ стѣнъ. Первая изъ нихъ окружала дѣтинецъ, а вторая шла вокругъ всего города по обѣимъ сторонамъ Волхова.

Владыкою новгородскимъ во время осады Новгорода войсками Боголюбскаго былъ святой Іоаннъ (1165 — 1186) мощи котораго почиваютъ въ Софійскомъ соборѣ. Написанный въ нишѣ, на каменной стѣнѣ, образъ Спасителя, передъ которымъ молился святитель о небесной помощи, находится и понынѣ въ сѣняхъ у входа въ Грановитую палату.

Свѣтильники.

(1174 годъ).

Въ глухую ночь свершилося убійство.
Князь Боголюбскій, мертвъ и обнаженъ,
На огородъ былъ выброшенъ позорно,
Измѣнниками слугами сраженъ.

Всѣ отступились отъ него. Убійцы,
Разграбивъ домъ и княжую казну,
Между собой добычу раздѣляли.
Кроваваго дѣянія цѣну.

Одинъ лишь конюхъ княжескій Кузьмище,
Узнавъ про гибель князя своего,
Не испугался злобнаго запрета,
И отыскавъ кровавый трупъ его,

Съ молитвою къ челу его приникнулъ,
Сомкнулъ ему застывшіе глаза;
И оросила бороду сѣдую
Сердечной скорби жгучая слеза.

—«Не тронь его!» съ угрозой ему крикнулъ
Убійца ключникъ княжескій Амбалъ.—
«Мы порѣшили псамъ его оставить,
«За то, что круто съ нами поступалъ».

—«Ахъ ты, злодѣй!» въ отвѣтъ сказалъ Кузьмище.
«Забылъ въ какой пришелъ къ нему нуждѣ.
«Теперь въ кафтанѣ княжьемъ, господинъ же
«Твой нагъ лежитъ, какъ падаль, на грядѣ.

«Побойся Бога хоть теперь, убійца!
«Дай что нибудь, чтобъ княжью наготу
«Прикрыть я могъ; припомни его милость
«Къ твоей семьѣ, и къ бѣднымъ доброту».

—«Молчи! убью!»—«Молчать теперь не стану,
«Когда душа во мнѣ возмущена.
«А смертью ты меня не испугаешь.
«Кто честно жилъ, тому не врагъ она».

Амбалъ замолкъ: швырнулъ коверъ и корзно *).
Кузьмище ими княжій трупъ обвилъ,
Вознесъ на плечи и во храмъ соборный
Его отнесъ и у дверей сложилъ.

Но испугались трусы клирошане;
Не отомкнули храма; лишь въ притворъ
Его впустили, и одинъ съ молитвой
Кузьмище трупъ сложилъ тамъ на коверъ.

Два дня лежалъ застывшій трупъ Андрея.
Попы его не смѣли хоронить.
Боялися приверженностью къ князю
Бѣды себѣ кровавой не нажить.

На третій день обители Демьянской
Игуменъ-старецъ, съ виду худъ и малъ,
Съ крестомъ въ рукахъ пришелъ къ попамъ соборнымъ;
Глаголомъ правды Божьей къ нимъ воззвалъ.

—«Чего боитесь, слуги благодати?
«Чѣмъ страшенъ вамъ остывшій князя прахъ?
«Онъ нашъ теперь. Его во храмъ мы честно
«Внести должны съ молитвой на устахъ.

«Откройте храмъ! зачѣмъ его замкнули?
«Иль страхъ земной сильнѣй Господня въ васъ?
«Или у васъ, служителей Христовыхъ,
«Его завѣтъ заглохнулъ и погасъ?

*) Корзно — верхній плащъ

«Откройте храмъ! Имъ мертваго не нужно.
«Не посягнутъ творить насилье тамъ.
«Откройте храмъ!—иль въ царствіи небесномъ
«Врата спасенья не откроютъ вамъ».

Открыли. Внесъ Арсеній со своими
Андрея трупъ и тамъ его отпѣлъ;
И гнѣвъ убійцъ, во страхѣ всѣхъ державшихъ,
Коснуться старца съ братьей не посмѣлъ.

Прошла седьмица. Улеглася злоба
Крамольныхъ слугъ и княжьихъ воеводъ.
Изъ стольнаго Владиміра стеклися
Ко гробу князя власти и народъ.

Съ почетомъ прахъ ихъ доблестнаго князя
Былъ во Владиміръ ими принесенъ,
И тамъ понынѣ въ городѣ любимомъ
Въ соборномъ храмѣ почиваетъ онъ.

1901 г.

Инокъ Пересвѣтъ.

Я витязь былъ. Въ бояхъ губилъ не мало
Мнѣ супротивныхъ. Но уразумѣлъ
Тщету я славы; бросилъ мечъ побѣдный
И крестъ монаха на себя надѣлъ.

И думалъ тамъ, въ обители священной,
Съ врагомъ души въ молитвенной борьбѣ,
Окончить жизнь. Господь судилъ иное.
Инымъ путемъ зоветъ меня къ Себѣ.

Благословилъ святый игуменъ Сергій
За нашу Русь меня на смертный бой.
Отваженъ врагъ. Въ минувшіе годины
Не разъ отвагой мѣрился со мной.

Послушенъ я. Иду на смерть спокойно.
Крестъ на челѣ — вотъ оборона мнѣ.
Опять съ мечемъ я встрѣчу супостата
Въ главѣ дружинъ, на боевомъ конѣ.

Здѣсь, іерей, въ послѣдній разъ во храмѣ
Я пріобщился таинству Христа.
Помолимся — да дастъ Господь мнѣ силу
Достойно пасть за торжество креста.

Вотъ посохъ мой. Поставь его въ притворѣ.
Онъ много лѣтъ служилъ опорой мнѣ.
Да будетъ-же служить напоминаньемъ
Завѣтныхъ словъ моей родной странѣ.

Почетна служба воина земного;
Но выше ратникъ мира и любви,
Готовый душу полагать за ближнихъ,
Не обагряя рукъ своихъ въ крови.

Кто въ ближнемъ брата сердцемъ обрѣтаетъ;
Въ комъ лжи и зла не слышны голоса;
Чья сжата чистой, праведной рукою,
На общей нивѣ, жизни полоса.

Кто зритъ душой на жизнь свою земную,
Какъ на ступень тернистаго пути,
Къ иной, безсмертной, въ царствѣ благодати,
Гдѣ вновь къ Отцу доступно намъ придти.

1901 г.

Инокъ Троице-Сергіева монастыря Александръ Пересвѣтъ былъ въ мірѣ брянскимъ бояриномъ и могучимъ витяземъ. Святый Сергій, отпуская съ Дмитріемъ Донскимъ, на бой съ Мамаемъ, иноковъ Пересвѣта и Ослабю, вручилъ имъ знаменіе креста на схимахъ, сказавъ: «вотъ оружіе нетлѣнное; да служитъ оно вамъ вмѣсто

шлемовъ». До начала куликовской битвы, когда богатыри Мамаевы, по обычаю, стали вызывать русскихъ на единоборство, Пересвѣтъ бросился на одного изъ нихъ, печенѣга, и сразивъ его съ коня, самъ палъ мертвымъ. Ослабя тоже былъ убитъ въ битвѣ. Тѣла обоихъ иноковъ были привезены въ Москву, гдѣ и понынѣ покоятся въ церкви Рождества Богородицы, возлѣ Симонова монастыря. Посохъ Пересвѣта хранится въ храмъ Димитріева монастыря (Ряжскомъ) близъ г. Скопина, рязанской губерніи, въ продолговатомъ ящикѣ, подъ замкомъ. Это толстый яблоновый костыль, ручку котораго составляетъ поперечина яблоноваго корня. Длина его $2^1/_4$ аршина, вѣсъ семь фунтовъ.

Великая княгиня Евдокія.

(въ иночествѣ Евфросинія).

«Не можетъ быть! то клевета!
Не станетъ мать моя,
Отринувъ стыдъ, въ ея года
Позорить такъ себя.

Хотя она свое вдовство
Неправедно блюдетъ;
Наряды любитъ; на пиры
Охотою идетъ;

Но заводить на старость лѣтъ
Любовника — позоръ,
Неслыханный въ моемъ роду!
Клевещутъ злобно. Вздоръ!

Ее судить я не могу;
Но долженъ ей сказать,
Какъ дерзостно въ моемъ дворцѣ
Мою злословятъ мать».

И предъ иконою святой
Усердно помолясь,
Печаленъ къ матери своей
Пошелъ великій князь.

Вошелъ. Съ почтеньемъ сотворилъ
Предъ матерью поклонъ.
Хотѣлъ ей смѣло все сказать;
Но не рѣшался онъ.

«Что скажешь, сынъ? — спросила мать.—
Чѣмъ удрученъ? скажи.
Со мною горемъ подѣлись;
Довѣрье окажи».

— «Я шелъ къ тебѣ, хотѣлъ сказать...
Прости... не осердись.
То клевета! но долженъ я...
Нѣ смѣю...» — «Не томись.

Тебя печалитъ мой нарядъ.
Весь этотъ жалкій блескъ.
Добыча тлѣнія; волны
Житейской мутный всплескъ.

Тебѣ не по душѣ давно
Моя веселость, смѣхъ,
И посѣщеніе пировъ,
И всяческихъ потѣхъ.

Наружно это. Для другихъ
Творится; а внутри
Найдешь иное ты, мой сынъ.
Не вѣришь? Посмотри».

Разстегнутъ ею рядъ одѣждъ
И грудь обнажена.
Отъ изнуренья и поста
Изсохла и черна

Ея вся кожа; язвъ слѣды...
Ей тяжело вздохнуть;
Веригами отягчена
Страдальческая грудь.

— «Родная!» — «Я грѣшна душой,
Но плотью я чиста.
И радуюсь я клеветѣ,
То заповѣдь Христа.

И то, что нынѣ видѣлъ здѣсь,
Ты въ тайнѣ сохрани,
И не карай клеветниковъ.
На благо мнѣ они».

— «Прости!» и слезы по лицу
Закапали съ рѣсницъ;
Простеръ князь руки... шагъ ступилъ...
И палъ предъ нею ницъ.

Она склонилася надъ нимъ;
Прижавъ его къ груди,
Промолвила: — «будь терпѣливъ,
Немного погоди.

Замолкнетъ скоро клевета.
Мнѣ тягостны: — обманъ,
Мое притворство, и почетъ,
И княжескій мой санъ.

Я удалюся въ монастырь.
Тамъ, измождая плоть,
Съ грѣхомъ въ спасительной борьбѣ,
Я буду ждать, когда къ Себѣ
Меня возьметъ Господь».

1900 г.

Великая княгиня Евдокія, мать великаго князя Василія Дмитріевича и жена великаго князя Дмитрія Донского, построила въ московскомъ кремлѣ Вознесенскій женскій монастырь, въ которомъ и постриглась

подъ именемъ Евфросиніи. Въ этомъ монастырѣ погребены почти всѣ московскія великія княгини, царицы и царевны до потомства Петра Великаго. Монастырь этотъ перестроенъ Петромъ Великимъ въ полуготическомъ стилѣ, несоотвѣтствующемъ прочимъ церквамъ и строеніямъ кремля.

Игуменъ Мартиніанъ.

1.

Князь Василій Темный сумраченъ сидитъ;
Слѣпы его очи, смутенъ его видъ.
Поступилъ сегодня недостойно онъ
И нарушилъ чести княжеской законъ.
Былъ при немъ бояринъ, знатенъ и ретивъ,
Мудрый въ дѣлѣ земскомъ, храбрый, но строптивъ;
Не стерпѣлъ обиды, честь хранить умѣлъ
И къ тверскому князю выѣхалъ въ удѣлъ.
Прогнѣвилъ Василья потайной отъѣздъ.
Властнаго боярства вольный переѣздъ
Замышлялъ упорно уничтожить онъ,
Свой самодержавный созидая тронъ.
Затаилъ въ душѣ онъ злобы глубину,
Обѣщалъ Ощерѣ отпустить вину,
Если онъ вернется; милости сулилъ,
И порукой слова княжьяго просилъ
Быть Мартиніана. Инокъ-іерей,
Чтимый и извѣстный правдою своей,

Троицкій игуменъ, княжій духовникъ,
Жизнью благочестной славенъ и великъ,
Старецъ вѣдалъ князя въ дни его невзгодъ;
Былъ радѣтель мира и его оплотъ;
Отписалъ: «Не бойся; правду говорю!»
И порукой душу выставилъ свою.
Зналъ бояринъ старца, ввѣрился ему,
Возвратился къ князю—и попалъ въ тюрьму.
Все его имѣнье, всю его казну
Взялъ себѣ Василій за его вину.
Вымстилъ онъ злобу властную до дна;
Но щемила сердце мысль его одна.
Зналъ Мартиніана; страшенъ для него.
Вкладомъ не подкупишь совѣсти его.
Князь сидитъ въ раздумьѣ. Тишина вокругъ.
Гложетъ его совѣсть... опечаленъ. Вдругъ
Отворились двери—и суровъ, не жданъ,
Подошелъ къ Василью самъ Мартиніанъ.
— «Я пришелъ безъ зова; я вхожу въ твой домъ —
Молвилъ князю старецъ—Божіимъ посломъ.
«Сынъ ты мой духовный, князь родной земли,
«Моему глаголу отчему внемли.
«Гдѣ твой судъ правдивый? княжеская честь?
«Ты ее отринулъ, промѣнялъ на месть.
«Я тебѣ повѣрилъ; я тебѣ помогъ;
«Душу свою отдалъ за тебя въ залогъ.
«Ты-жъ обманомъ злобу тѣшилъ лишь свою,
«Предалъ осужденью душу ты мою.
«И за это властью Божьей, не земной,
«Данной благодатью церкви мнѣ святой,

«Я тебя, властитель, обличаю здѣсь,
«И благословенье я снимаю днесь
«Съ твоего княженья и съ твоей души!»
Рекъ—и удалился. Замерло въ тиши
Слово обличенья. Объялъ страхъ бояръ.
Поразилъ, какъ громомъ, тѣхъ словесъ ударъ
Властнаго Василья. Гнѣвомъ воспалясь,
Медленно поднялся, задыхаясь, князь.
—«Слышали, бояре,—грозно онъ спросилъ:—
«Что чернецъ болотный нынѣ натворилъ?
«Во дворецъ ворвался, не спросясь, не званъ,
«Не хотѣлъ уважить мой державный санъ,
«И при всѣхъ безчестьемъ княжьимъ укорилъ,
«И благословенья Божьяго лишилъ!»
Но молчатъ бояре. Лишь одинъ изъ нихъ,
Выходецъ татарскій, на насилье лихъ,
—«Невозможно —молвилъ —этого стерпѣть.
«На его угрозу строгостью отвѣть.
«Заключи въ оковы; заточи въ тюрьму;
Сдастся, коль придется тяжко самому».
Долго думалъ Темный. Гнѣвъ его стихалъ;
Разума велѣньемъ гнѣвъ онъ побѣждалъ.
—«Нѣтъ—промолвилъ—силой онъ неодолимъ;
«Правда-жъ въ этомъ дѣлѣ не со мной, а съ нимъ.
«Іерей онъ Божій, жжетъ небесъ огнемъ,
«Духа Всесвятаго благодать на немъ,
«И что свяжетъ словомъ пастырскимъ своимъ,
«Разрѣшиться можетъ Господомъ однимъ.
«Поступилъ я худо; слова не сдержалъ
«И за это кару должную пріялъ.

«Выпустить Ощеру и сказать ему,
«Что неправо мною заключенъ въ тюрьму;
«Объявить имѣнья, милости возвратъ;
«Будетъ мнѣ отнынѣ не слуга, а братъ!
«И пойдемъ заутра къ старцу на поклонъ,
«Да проститъ и сниметъ отлученье онъ».

2.

Старецъ на молитвѣ правило творилъ.
Тяжко ему было; строго поступилъ.
Но во имя правды, вѣчной, не земной,
Кары самовластью не было иной.
Вдругъ набатъ призывный келью огласилъ.
Прибѣжалъ привратникъ, въ страхѣ возвѣстилъ:
—«Князь великій близко и бояре съ нимъ!
«Выходить прикажешь ты на встрѣчу имъ?»
Вышелъ къ князю старецъ съ братьей за врата.
Гнѣвъ ему не страшенъ; жизнь его свята.
Крестъ въ его десницѣ, Господа хвала,
Грозное оружье противъ силы зла.
Палъ предъ нимъ Василій; не таясь, при всѣхъ
Исповѣдалъ громко свой державный грѣхъ
И промолвилъ: — «Отче, грѣшнаго прости
«И съ благословеньемъ нынѣ отпусти».
—«Встань!» Облобызались... внялъ... благословилъ...
И крестомъ пришедшихъ старецъ осѣнилъ.
Миръ Христа небесный въ души всѣхъ проникъ,
И пошли смиренно князь и духовникъ,
Съ радостью на сердцѣ, въ монастырскій храмъ,

Къ Сергію святому, чтобы вмѣстѣ тамъ
Общею молитвой миръ возстановить,
И согласье церкви съ властью укрѣпить.

1898 г.

Великій князь Василій Темный зналъ Мартиніана въ бытность свою уже ослѣпленнымъ на Бѣлоозерѣ, во время изгнанія его Шемякою въ Вологодскій удѣлъ. По возвращеніи на великое княженіе въ Москву, Василій сдѣлалъ Мартиніана игуменомъ Троице-Сергіева монастыря и своимъ духовникомъ. Но Мартиніанъ не долго пробылъ игуменомъ. Онъ добровольно возвратился въ Ѳерапонтовъ монастырь, гдѣ и умеръ въ 1483 году на 86 году жизни. Надъ его гробницею сохранилось его подлинное изображеніе.

Убѣжище.

—«Смерть! смерть ему!» зарокотало вѣче,
И въ общій крикъ слилися голоса.
Ища послѣдней, неземной защиты,
Онъ обратилъ свой взоръ на небеса.

Но тамъ безмолвствовали. Страхомъ сердце,
Разбитое, наполнилось его.
Смерть неизбѣжна. Приговоръ всесиленъ.
Всѣ противъ! за пощаду—никого.

Онъ былъ невиненъ. Клевета извѣта
Его на судъ народный привела;
Безжалостно въ измѣнѣ уличала,
И безпощадна въ вымыслѣ была.

Онъ побѣжалъ. Во слѣдъ за нимъ погнàлись.
Схватили было. Вырвался. Бѣда!
Поймаютъ. Ужасъ придалъ ему крылья.
Летитъ, какъ вихрь, не вѣдая куда.

Ступени... паперть... двери... Онъ за ними.
Амвонъ... алтарь... должно быть, Божій храмъ.
Ницъ распростерся онъ. Въ нѣмой молитвѣ
Вознесся къ небу — да услышатъ тамъ.

Сейчасъ вбѣгутъ — святыни не уважатъ —
И вытащатъ, и повлекутъ на мостъ,
И въ Волховъ бросятъ. Ждетъ, сомкнувши очи;
Трепещетъ весь, и чуятся: — помостъ,

Воды объятья, холода ознобы,
И судороги страшныхъ, смертныхъ мукъ!..
Не трогаютъ. Онъ голову приподнялъ;
Взглянуть дерзнулъ — нѣтъ никого вокругъ.

Тамъ, за стѣною, словно рокотъ моря,
Шумитъ народъ; а въ храмѣ тишина
И полумракъ. Лишь теплятся лампады,
Да солнца лучъ струится изъ окна.

Святые лики вдоль иконостаса.
Изъ палачей не видно никого.
Здѣсь имъ не мѣсто. Кротко, безъ укора
Съ креста Господь взираетъ на него.

Онъ былъ спасенъ. По древнему завѣту,
Служилъ для всѣхъ убѣжищемъ соборъ,
Кто прибѣгалъ подъ кровъ его священный,
Когда каралъ народный приговоръ.

Онъ безопасенъ въ храмѣ. Вздохъ глубокій
Изъ облегченной вырвался грудй.
Здѣсь милость, правды жизни достоянье;
Позоръ и смерть остались позади.

Возвелъ онъ очи; оросились щеки
Потокомъ жаркихъ, благодатныхъ слезъ;
Въ порывѣ духа, пламенной молитвой
Онъ благодарность Господу вознесъ.

Николо-Дворищскій соборъ заложенъ въ 1113 году на Торговой сторонѣ Новгорода княземъ Мстиславомъ Великимъ, сыномъ Владиміра Мономаха, и былъ церковью князей новгородскихъ, когда они проживали на Ярославовомъ Дворищѣ. Почти противъ собора была вѣчевая башня, а за нею вѣчевое поле, примыкавшее къ Волховской побережной стѣнѣ. Онъ былъ сначала пятиглавый, но теперь осталась только одна средняя глава. Главная святыня собора—это чудотворная икона Святителя Николая, обрѣтенная при князѣ Мстиславѣ

плавающею на водахъ озера Ильменя близъ мѣста, называемаго Липно, и исцѣлившая князя отъ его болѣзни.

Соборъ этотъ имѣлъ особое преимущество. Въ немъ находили убѣжище осужденные вѣчемъ, а также преслѣдуемые народнымъ самосудомъ, и считались неприкосновенными, пока не покидали собора.

Вѣчевой приговоръ подвергалъ виновныхъ, подлежавшихъ народному суду, слѣдующимъ наказаніямъ: 1) пенѣ, то есть денежному взысканію въ размѣрѣ, опредѣляемомъ вѣчемъ; 2) разграбленію имущества съ разрушеніемъ жилища (взять на щитъ); 3) изгнанію изъ Новгорода и заточенію въ пригороды, управляемые непосредственно новгородскими князьями, и 4) смерти на самомъ вѣчѣ, или, чаще всего, утопленію въ Волховѣ, причемъ осужденнаго предварительно оглушали долбнею по головѣ, а затѣмъ бросали съ моста въ рѣку.

Варлаамова могила.

Новгородской свободѣ конецъ наступилъ.
Наложилъ на нее свою руку
Собиратель Руси, изрекая врагамъ
Казни, плѣнъ, да тюремную муку.

Воля сломлена. Всюду покорность и страхъ.
Все предъ нимъ преклонилось смиренно.
И у ногъ его городъ, который дерзалъ
Предъ Москвою кичиться надменно.

Іоаннъ торжествуетъ. Противниковъ нѣтъ
Его царственно-властной гордынѣ.
Посѣщая святыни окрестныя, онъ
Посѣтилъ монастырь на Хутынѣ.

Въ храмъ вошелъ. Отслужили молебенъ. Обзоръ
Учиняетъ.—«Кого тутъ могила?»
— «Варлаама, строителя храма сего.
«Велика преподобнаго сила».

— «Отчего-жъ онъ подъ спудомъ лежитъ? Если святъ,
«Пусть для всѣхъ почиваетъ открыто.
«Коль нетлѣнья сподобилось тѣло его,
«Не должно быть въ могилѣ сокрыто».

— « Открывать, отвѣчаетъ игуменъ, нельзя
«Намъ рѣшеньемъ своимъ самовольнымъ.
«Коли время его прославленья придетъ,
«Самъ укажетъ, въ видѣньи, достойнымъ».

— « Открывайте! » — «Не смѣемъ».—«Упрямый народъ!
«Прекословить всегда вамъ въ охоту.
«Кликнуть вершниковъ!» Вершники въ церковь вошли.
— « Отрывать!» Принялись за работу.

Сняли съ пола плиту; начинаютъ копать;
Зазіяла могилы утроба.
Іоаннъ, опираясь на посохъ, глядитъ;
Ждетъ, когда доберутся до гроба.

Вдругъ изъ ямы столбомъ поднимается дымъ;
Больше... гуще... затмило иконы;
Полыхнуло затѣмъ синеватымъ огнемъ.
Опаленныхъ послышались стоны.

Какъ безумные, разомъ на плитный помостъ
Изъ могилы они устремились;
Не страшась Іоанна и гнѣва его,
Пробѣжали по храму и скрылись.

Іоаннъ постоялъ, ничего не сказалъ,
Но во гнѣвѣ ударилъ о камень,
И изъ камня того, подъ ногами его,
Ярко вспыхнувши, вырвался пламень.

Онъ ударилъ еще — полыхнуло сильнѣй!
Въ гнѣвной злобѣ его охватившей,
Онъ безмолвно на паперть изъ храма идетъ,
Не смиряясь предъ силою высшей.

По ступенямъ сойдя, посохъ яростно свой
Онъ въ намерзшую землю вонзаетъ;
И оттуда въ отвѣтъ полыхнуло огнемъ,
И его самаго опаляетъ.

Іоаннъ закричалъ, отскочилъ, задрожалъ;
Не подъ силу тутъ справиться, видно.
Бросивъ посохъ, забывъ и величье, и санъ,
Онъ бѣжитъ, убѣгаетъ постыдно.

1899 г.

Спасо-преображенскій Хутынскій монастырь находится въ 10 верстахъ отъ Новгорода внизъ по Волхову, на его правомъ берегу. Онъ основанъ въ концѣ 12-го вѣка преподобнымъ Варлаамомъ (въ мірѣ Олекса Михалевичъ, то есть Алексѣй Михайловичъ) новгородскимъ уроженцемъ, мощи котораго почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ монастыря. Въ монастырской ризницѣ хранится посохъ (трость) великаго князя Іоанна III Васильевича (дѣда Іоанна Грознаго) съ разноцвѣтнымъ стекляннымъ набалдашникомъ, который онъ оставилъ въ монастырѣ, убѣгая изъ него послѣ неудавшейся попытки отрыть прахъ преподобнаго Варлаама, а также и южная дверь прежняго иконостаса, опаленная пламенемъ, вырвавшимся тогда изъ могилы Варлаама. Въ день памяти преподобнаго Варлаама 6 ноября, согласно его завѣщанію, одѣляютъ богомольцевъ мѣдными полушками и ломтями монастырскаго хлѣба. Въ соборномъ придѣлѣ похороненъ поэтъ Державинъ.

Страдная ночь.

Ночь темна. Въ Москвѣ бушуетъ вьюга.
Стонетъ вѣтеръ въ дымовой трубѣ.
Царь Иванъ въ своей опочивальнѣ
Мечется въ томительной борьбѣ.

Не находитъ онъ себѣ покоя;
Не идетъ къ нему желанный сонъ.
Истомили призраки ночные
Его душу. Полонъ страха онъ.

Хотя онъ и озвѣрѣлъ душою,
Но безслѣдно совѣсть не избылъ;
И порою ея голосъ судный
Съ нимъ во мракѣ ночи говорилъ.

Хоть горятъ въ его покоѣ свѣчи,
И лампады теплятся въ углу,
Не разсѣять имъ ихъ тлѣннымъ свѣтомъ
Злой души сгустившуюся мглу.

Въ стонахъ вѣтра, въ завываньѣ вьюги
Ему голосъ слышится людской
Жертвъ его, ничѣмъ неутолимой,
Кровожадной ярости плотской.

Тутъ онѣ. Онъ чуетъ ихъ душою.
Бьются въ окна; носятся вокругъ.
То завьются дальней вереницей,
То почти его коснутся вдругъ.

Жутко станетъ. Хочетъ онъ молиться.
Но бѣгутъ молитвы отъ него,
Оставляя ужасу ночному,
Безъ поддержки, въ мукахъ, одного.

Ночь длинна. Куда же ему дѣться
До зари живительнаго дня?
Когда сгинутъ въ солнечномъ разсвѣтѣ
Тѣни ночи, мрака и огня.

Вышелъ онъ въ сосѣдніе покои;
Тамъ, во тьмѣ, еще ему страшнѣй.
Обступили мстительныя тѣни;
Не прогнать непрошенныхъ гостей.

До сѣней почти бѣгомъ дошелъ онъ.
Лѣстница на кухни тамъ вела.
Передъ ними, въ горенкѣ уютной,
Его нянька-старица жила.

—«Кто вошелъ? Что надобно?»—«Не бойся.
«Пріюти до времени меня.
«Одному не въ мочь мнѣ оставаться.
«Не вернуся до разсвѣта я.

«Нянька! нянька! Нѣтъ ни сна, ни дремы;
«Истомился въ этакую ночь.
«Неотвязны призрачныя тѣни;
«Не могу я отогнать ихъ прочь.

«Успокой хоть ты меня, старуха.
«Дай душѣ немного отдохнуть».
И припалъ къ ея онъ изголовью,
И склонилъ къ ней голову на грудь.

—«Не легко тебѣ ночной порою.
«Отдохни; я пѣсенку спою».
Обняла его старуха-нянька
И запѣла «баюшки баю».

На очахъ царя блеснули слезы.
Стало легче... очи онъ сомкнулъ,
И, подъ пѣсню дѣтской колыбели,
Задремалъ.. забылся... и заснулъ.

1901 г.

Ушкуйникъ.

Хороша ты мать-земля родимая!
Хороша рѣка Двина глубокая,
Со притоками въ лѣсахъ дремучіихъ;
Широка, длинна, да неугодлива.
Не словить на ней рыбешки жареной;
Не кишитъ роѣмъ судовъ купеческихъ;
А плыветъ-ползетъ товаръ нестоющій—
Деревья плоты, да смольно курево.

А вотъ есть рѣка пребогатая!
Ручейкомъ-вьюномъ зачинается,
По пути воды набирается,
А длиной въ аршинъ не купеческій.
И плыветъ по ней дорогой товаръ
Съ верху, съ полудня, съ моря дальняго,
Гдѣ зимы, снѣговъ, баютъ, нѣтути.
Съ давнихъ поръ она промежъ молодцовъ
Волгой-матушкой прозывается;
Прокормиться всласть удалымъ даетъ,
Что со всѣхъ сторонъ на кровавый пиръ
Въ гости къ ней, родной, собираются.

Ты пожди, пожди, моя зазнобушка.
Какъ испробую я счастья-удали,
Привезу тебѣ добра несчетнаго:
Аксамитъ цвѣтной, да золоту парчу,
Кизильбашскихъ камешковъ горючіихъ.
Какъ пойдемъ съ тобой по нашей улицѣ
Въ Божій храмъ честнымъ путемъ вѣнчатися —
Заглядятся парни, ротъ разинувши,
Лопнутъ бабы-молодухи съ зависти.
Гой, ты мать сыра земля родимая!
Отпусти меня ты, добра молодца,
Что на ту далекую сторонушку,
Поразмять мнѣ силу богатырскую,
На чужихъ плечахъ ее попробовать,
Съ басурманиномъ въ задоръ войти!

1899 г. — —

Новгородская вольница отличалась своею отвагою и причиняла не мало хлопотъ Новгороду, которому великіе князья московскіе ставили въ вину эти разбои. Такъ, въ 1360 году, новгородская вольница взяла городъ Жукотинъ на рѣкѣ Камѣ, перебила татаръ и пограбила ихъ. Въ 1366 году, пошла изъ Новгорода молодежь съ тремя воеводами, много басурманъ побила подъ Нижнимъ и возвратилась по-здорову. Въ 1371 году, ушкуйники на 90 ушкуяхъ (разбойничьихъ судахъ) пограбили Вятку, потомъ взяли Болгары, хотѣли зажечь городъ, но жители откупились за 300 рублей. Затѣмъ ушкуйники раздѣлились. 50 ушкуевъ пошли внизъ по Волгѣ къ Сараю, а 40 — вверхъ; послѣдніе дошли до Обухова, опустошили все Засурье и Марквашъ, высадились на

лѣвый берегъ Волги, истребили суда, отправились къ Вяткѣ на лошадяхъ и дорогою разорили много селъ на берегахъ Ветлуги. Въ 1375 году, ушкуйники на 70 ушкуяхъ явились подъ Кострому, и хотя ихъ было 1500 человѣкъ, а у воеводы 5000 ратниковъ, они овладѣли Костромой и ограбили ее до тла. Затѣмъ ограбили и сожгли Нижній, продали Болгарамъ полонянокъ костромскихъ и нижегородскихъ и доплыли до самой Астрахани, гдѣ были истреблены обманомъ. Въ 1391 году, новгородскіе и устюжскіе ушкуйники пошли въ ушкуяхъ и насадахъ по Вяткѣ и Камѣ до Волги, взяли Жукотинъ, Казань и пограбили многихъ.

Затворникъ Арсеній.

Убійства пресѣклись. Разгромъ новгородскій
Стихалъ. Утомился палачъ.
Покой его сонный смущать начинали
Тѣ вопли, и стоны, и плачъ.

Проснулся въ немъ страхъ за безумное дѣло;
Божественный вспомнилъ глаголъ—
И къ старцу Арсенью въ затворъ монастырскій
Съ дарами на храмъ онъ пришелъ.

—«Напрасно приносишь, сказалъ ему старецъ.
«Господь ихъ не приметъ. Въ крови
«Принесшія руки; Ему же угодны
«Лишь мирныя жертвы любви.

«Господь...»—«Ты учителемъ Имъ не поставленъ.
«Бери, коль даю я, чернецъ!
«Не вѣдаешь что-ли, какой ожидаетъ
«Ослушниковъ дерзкихъ конецъ?»

—«О, знаю! и видѣлъ, и плакалъ я горько.
«Невинныхъ напрасно губя,
«Ты царство небесное многимъ доставилъ.
«Скорблю не за нихъ, за тебя.

«Творишь ты не судъ; неповинныхъ терзаешь;
«Вершишь, на потѣху свою,
«Ихъ казнь и мученья, и въ Волховъ кидаешь;
«Его отравляешь струю.

«Ты тѣшишься кровью. Насытить не можетъ
«Она человѣчьей души;
«Хоть міръ весь залей, погрузи въ нее звѣзды
«И солнце ты въ ней потуши—

«А все не упьешься. Сильнѣй и сильнѣе
«Къ ней жажду ты будешь имѣть...»
—«Молчи, черноризецъ! пока не заставилъ
«Тебя я иное запѣть.»

—«Что можешь ты сдѣлать? Подвергнуть мученьямъ?
«Помочь мнѣ въ спасеньи души
«И царство небесное ей предоставить?
«Готовъ я! не медли; верши.

«Но правду сказать я тебѣ не боюся.
«Уймись! разгони палачей.

«Пора тебѣ, царь, среди ужасовъ смерти,
«Помыслить о смерти своей.

«Ея не минуешь. И что ты положишь,
«Когда, у Господнихъ вѣсовъ,
«До самаго ада дотянется чаша
«Твоихъ неисчетныхъ грѣховъ?

«Чѣмъ выкупишь душу и чѣмъ оправдаешь
«Предъ Богомъ дѣянья свои,
«Когда передъ Нимъ всѣ страданья и муки
«Повѣдаютъ жертвы твои?

«Подумай. Заутра ты двинешься къ Пскову.
«Тамъ воли страстямъ не давай.
«Я буду съ тобою. Охрану невинныхъ
«Господь мнѣ вручаетъ. И знай!

«Дерзнешь — и пробудится совѣсть, властитель!
«Исчезнутъ и сонъ, и покой.»
—«Тебя не возьму я»—«А все-таки буду
«Я тамъ неотлучно съ тобой.»

Замолкнулъ Арсеній. Въ молчаньи и Грозный
Предъ нимъ неподвижно стоялъ,
И только въ рукѣ его жезлъ смертоносный,
Вонзенный глубóко, дрожалъ.

На старца метнулъ онъ свой взоръ воспаленный;
Сдержался, стерпѣлъ до поры;
Ножемъ не отвѣтилъ на слово укора
И вышелъ, оставивъ дары.

Садилося солнце. Огнемъ загорались
Софійскаго храма кресты,
И гулко удары жезла раздавались
О камень дорожной плиты.

Въ ту ночь онъ не спалъ. Лишь забрезжилось утро,
Велѣлъ выступать онъ во Псковъ,
И длинной змѣей потянулося стадо
Его раболѣпныхъ полковъ.

Явился Малюта.—‹Сходи-ка, Лукьянычъ,
«Къ Арсенію старцу въ затворъ;
‹Вели заложить ему выходъ оттуда.
‹Монаху не нуженъ просторъ.

‹Но жизни его не лишать и не мучить;
«Пусть кормятъ пока взаперти.
‹Да стражу поставь для дозора, чтобъ старецъ
‹Не могъ изъ затвора уйти›.

Малюта ушелъ, но сейчасъ-же вернулся.
—‹Чего тебѣ? Ясно сказалъ.»
—«Нельзя, государь.›—«Али жить надоѣло?»
‹Нельзя! когда я приказалъ.»

—«Нельзя. Онъ ушелъ.»—«Догони!›—‹Не догонишь.›
—«Конемъ!›—‹И конемъ не догнать.›
—‹Шутить ты дерзаешь?›—‹Шутить не пристало.
«Онъ умеръ. Сейчасъ дали знать.»

Задумался Грозный. «Такъ вотъ какъ со мною
«Грозилъ неотлучно онъ быть.
Живой онъ мнѣ не былъ-бы страшенъ; но мертвый —
«Его отъ меня не избыть.»

Онъ двинулся къ Пскову, но Пскова не тронулъ.
Поста храмовой перезвонъ
Смущалъ его душу. Арсеній былъ близко...
Страшился Арсенія онъ.
1899 г.

Преподобный Арсеній, въ мірѣ Амвросій, былъ родомъ изъ Ржева Володимірова и занимался кожевеннымъ ремесломъ. По смерти отца, онъ тайно оставилъ домъ родительскій и удалился въ Новгородъ, гдѣ основалъ на Ярославовомъ Дворищѣ монастырь, въ которомъ и постригся, ведя строгую жизнь, нося рубище и тяжелыя вериги. Провидя страшное, грядущее на Новгородъ бѣдствіе, онъ часто сидѣлъ на Волховскомъ мосту и плакалъ объ участи жителей, не ожидавшихъ бѣды. Во время разгрома Новгорода Іоанномъ, Арсеній спасался въ затворѣ близъ сооруженной имъ церкви (гдѣ теперь часовня преподобнаго Арсенія, обращенная въ церковь, на берегу Волхова, выше моста). Смѣлыя укоризны и угрозы Арсенія несомнѣнно были одною изъ причинъ спасенія Пскова отъ участи, постигшей Новгородъ. Мощи преподобнаго Арсенія почиваютъ подъ спудомъ въ Новгородскомъ Кирилловомъ монастырѣ.

Царь Борисъ.

Сіялъ весенній день. Одѣлся лѣсъ листвою.
Среди домовъ бѣлѣлися сады.
Сверкали золотомъ кресты святыхъ соборовъ.
Затихъ гомонъ вседневной суеты.

Отъ утреннихъ трудовъ трапѣзой подкрѣпившись,
Все предалось полуденному сну;
Зане бояринъ, смердъ, купецъ, работникъ, нищій
Однимъ порядкомъ жили встарину.

И царь Руси Борисъ, съ семьею пообѣдавъ,
Пошелъ на вышку своего дворца,
Въ которомъ онъ не разъ отъ гнѣва Іоанна
Со страхомъ жизни ждалъ своей конца.

Любилъ онъ тамъ одинъ порою любоваться
На лѣтній видъ раскидистой Москвы,
Тонувшей въ зелени садовъ и рощъ цвѣтущихъ,
Въ объятіяхъ небесной синевы.

Въ тотъ день онъ счастливъ былъ. Пресѣкся страшный голодъ;
Спокоенъ сталъ, насытившись народъ.
Онъ не любилъ царя, но дань воздалъ успѣхамъ
Его державныхъ царственныхъ заботъ.

Седьмое лѣто шло, какъ твердою стопою
Вступилъ Борисъ на царственный престолъ,
Куда возвелъ его, трикратно призывавшій,
Пословъ земли рѣшающій глаголъ.

Тяжелъ, кровавъ былъ путь къ завѣтному престолу.
Сперва не смѣлъ и думать онъ о немъ.
Той думой никогда ни съ кѣмъ онъ не дѣлился,
Несбыточнымъ ее считая сномъ.

Самъ грозный царь Иванъ старательно расчистилъ
Ему тотъ путь, невѣдомо помогъ;
Безъ сожалѣнья всѣхъ могилѣ обрекая,
Кто знатностью соперничать съ нимъ могъ.

Теперь помѣхи нѣтъ. Романовы въ опалѣ.
Ихъ гордую, обширную семью
Разсѣялъ онъ, какъ дымъ; ихъ держитъ въ ссылкѣ дальней,
Или обрекъ на вѣкъ монастырю.

«Я не боюся ихъ; безсильны тамъ ихъ ковы.
«Хоть на Руси и чтутъ ихъ древній родъ,
«И ближе всѣхъ они къ державному престолу —
«Забудетъ скоро ихъ довольный мной народъ.

«Одинъ меня томитъ. Кровавымъ привидѣньемъ
«Блуждаетъ онъ на прошлаго пути.
«Я долго выжидалъ, но долженъ былъ рѣшиться,
«Чтобъ до престола царскаго дойти.

«Тяжелымъ камнемъ онъ лежитъ всегда на сердцѣ.
«Но мертвецами я неуязвимъ.
«И хоть порой они тревожатъ страшно совѣсть,
«Но свергнуть съ трона не подъ силу имъ.

«Спокоенъ нынѣ я за свой престолъ законный,
«Какъ всенародно призванный къ нему,
«И роду моему на царствѣ укрѣпиться
«Не помѣшать отнынѣ никому.

«Преемникъ мой, мой сынъ, вполнѣ душою чистый,
«Обиленъ знаньемъ, молодъ и здоровъ;
«Сумѣетъ укрѣпить онъ къ царственному роду
«Всеобщую народную любовь.

«И тамъ, подъ сводами священнѣйшаго храма,
«Передъ лицомъ радѣтелей земли,
«Вѣнчаться съ царствомъ будутъ въ бармахъ Мономаха
«Преемники державные мои.

«Наслѣдьемъ мудрости прославится далѐко
«Родъ Годуновыхъ, родъ державный мой,
«И поведетъ онъ Русь ея путемъ грядущимъ
«Могучею и властною рукой».

И съ гордостью царя, владыки-самодержца,
Взглянулъ Борисъ на городъ стольный свой,
Сіявшій золотомъ крестовъ и главъ церковныхъ,
Среди цвѣтущей зелени густой.

Тамъ закипала жизнь. Обозы разгружались
Въ рядахъ торговыхъ; сталъ сновать народъ
Подъ бременемъ труда, потребности насущной,
И злобѣ дня довлѣющихъ заботъ.

По улицѣ кремля скакалъ въ доспѣхахъ всадникъ.
Вздымая пыль, спѣшилъ онъ ко дворцу;
Чуть не упалъ съ конемъ въ размытую канаву
И подскакалъ къ служилому крыльцу.

«Гонецъ. Откуда-бы? Съ какою присланъ вѣстью?
«Спѣшилъ на дорогомъ аргамакѣ».
—«Не сплю. Войди!» Вошелъ царя любимый стольникъ
И свитокъ подалъ въ кожаномъ лубкѣ.

—« Ступай.» Ушелъ. Взглянулъ Борисъ на подпись свитка.
«Изъ Стародуба. Знаю наперед,
«Что пишетъ Татевъ мнѣ. Тамъ вольница степная
«Тревожитъ часто нашихъ воеводъ.

«Смирить ее пора.» Онъ развернулъ лѣниво
Тотъ свитокъ, сталъ читать его — и вдругъ
Весь задрожалъ, какъ листъ отъ вихря непогоды,
И исказилъ лицо его испугъ.

—«Не можетъ быть! Царевичъ Дмитрій? Умеръ!
«Въ могилѣ онъ! давно лишь прахъ земной.
«Какая дерзость! Кто-же? кто рѣшился,
«Прикрыться имъ? вступить въ борьбу со мной?

«Меня тревожить хочешь изъ могилы?
«Хоть звукъ пустой, но мнѣ опасенъ онъ.
«Мои враги, а ихъ еще не мало,
«Мутить народъ начнутъ со всѣхъ сторонъ.

«Оно мнѣ страшно! Разомъ подъ ногами
«Разверзлась пропасть, и на днѣ ея
«Опять ты, отрокъ! жертва роковая,
«И тягота душевная моя.

«Что мнѣ грозитъ?.. Не часъ-ли искупленья
«Днесь настаетъ?.. Возмездья судный день?..»
И ужасомъ его сковало сердце
Царевича загубленнаго тѣнь.

1901 г.

Димитрій самозванецъ.

Оконченъ пиръ. Съ супругой молодою
Онъ удалился въ новый свой дворецъ.
Совлечены роскошныя одежды;
Наединѣ остались наконецъ.

Она легла на царственное ложе,
Полунагая, въ чарахъ красоты.
Сбылись вполнѣ, мелькавшія въ Самборѣ,
Его любви завѣтныя мечты.

—«Устала я», она ему шепнула.
Сомкнулися огнистые глаза,
Въ которыхъ часто молніей сверкала
Душевной бури гнѣвная гроза.

Заснула. Мѣрно сдѣлалось дыханье;
Едва вздымалась мраморная грудь.
А онъ не спалъ; въ немъ кровь еще кипѣла.
Рой свѣтлыхъ думъ мѣшалъ ему заснуть.

«Ужъ скоро годъ, какъ царствую всевластно
«Я на Руси; довольно пировать.
«Пора за дѣло ратное приняться,
«Путемъ побѣдъ почетъ завоевать.

«Я покорю татаръ. Въ союзѣ съ Польшей
«И съ Западомъ я турокъ разобью;
«И титулъ цезаря достойно воспріемлю.
«Свой стягъ надъ моремъ Чернымъ разовью.

«Сумѣю я внушить полкамъ отвагу;
«Самъ впереди ихъ буду на конѣ.
«И дрогнетъ врагъ, — разсѣется постыдно,
«И самъ Царьградъ подвластенъ станетъ мнѣ.

«Какой удѣлъ. О немъ я могъ-ли думать,
«Тамъ... на Днѣпрѣ, гдѣ жизнь текла моя;
«Пока ксендзы судьбу мою рѣшали,
«Увѣривъ, что царевичъ Дмитрій я.

«Такъ иль не такъ, я царь! я вѣнчанъ въ храмѣ.
«Присяга мнѣ не шуткой здѣсь была.
«Кто повѣрять меня въ минувшемъ станетъ?
«Царей хвала не родъ, а ихъ дѣла.

«Здѣсь дикій край; не люди, а медвѣди.
«Рукою властной надо ихъ будить.
«Сумѣю въ нихъ я запада пріятность
«Со стойкостью востока примирить».

Онъ задремалъ. Въ туманѣ полусонномъ
Смѣшали грезы думъ его волну.
Заснулъ почти... Вдругъ звонъ необычайный
Смутилъ Москвы ночную тишину.

«Что значитъ онъ? набатъ пожарный вѣрно?»
Поднялся царь, спѣшитъ къ себѣ въ покой.
То не пожаръ былъ, заговоръ измѣнный,
Ведомый ловкой, опытной рукой.

Ломились въ двери съ криками и бранью.
Онъ пригрозилъ — въ отвѣтъ оружья звонъ.
Влетѣли пули... Выхода онъ ищетъ;
Но заперты они со всѣхъ сторонъ.

Онъ бросился на верхъ по переходамъ.
Окно... лѣса... скачекъ... не удалось.
Съ разбитой грудью, съ сломанной ногою
Ему вернуться во дворецъ пришлось.

Глумились... били... облекли въ лохмотья.
Надъ беззащитнымъ всякій былъ храбрецъ.
Пока Валуевъ выстрѣломъ смертельнымъ
Его мученьямъ положилъ конецъ.

Два дня лежалъ на площади позорно
Въ дурацкой шапкѣ, съ дудкой онъ во рту.
Вчера—кумиръ, сегодня—шутъ народный,
Извѣдавшій паденья быстроту.

На третій день, какъ пса, его зарыли;
Но и въ могилѣ возбуждалъ онъ страхъ.
Отрыли вновь—и выстрѣломъ изъ пушки
Развѣяли его сожженный прахъ.

Такъ кончилъ жизнь царевичъ самозванный.
Попыткой дерзкой онъ добылъ вѣнецъ.
И хоть не долго, но ужъ въ волю пожилъ
Невѣдомый доселѣ удалецъ.

1901 г.

Судный день.

Василій Шуйскій, царь Руси, въ тревогѣ
Сидитъ въ палатѣ своего дворца,
Съ томленіемъ великимъ ожидая
Мятежной смуты грознаго конца.

Сейчасъ предъ нимъ толпа дворянъ крамольныхъ
Держала рѣчь насилья и угрозъ,
И Ляпуновъ, въ отвѣтъ на гнѣвный окрикъ,
Ему кулакъ чуть не къ лицу поднесъ.

Теперь пошли сзывать Москву на сходку.
Тамъ за него не вступится никто.
Народъ московскій, къ мятежу привычный,
Его не любитъ, да и есть за что.

Грѣховъ великихъ много накопилось
Въ душѣ коварно-хитростной его;
Рядъ ложныхъ клятвъ, убійство, смрадъ измѣны...
Сторонниковъ не много у него.

Въ томленіи, ища себѣ опоры,
Онъ къ небу обратилъ смущенный взоръ;
Но не дерзалъ молиться, сознавая,
Что будетъ строгъ оттуда приговоръ.

«Припомни, царь, — ему шептала совѣсть, —
«Какъ ты не разъ въ минувшіе года,
«Кривя душой, свидѣтельствовалъ ложно,
«Не устрашась Божьяго суда.

«Ты вѣдалъ, царь, какъ былъ убитъ Димитрій,
«Но правду скрылъ, хоть видѣлъ ее самъ;
«И опустѣлъ въ кровавыхъ мукахъ Угличъ
«За свой порывъ возмездья палачамъ.

«Припомни царь: ты клялся всенародно,
«Что самозванецъ не Димитрій былъ,

«А́ черезъ мѣсяцъ вновь на томъ же мѣстѣ
«Противное народу подтвердилъ.

«Припомни всѣ дѣянья двоедушья
«Въ годину Русь постигнувшихъ невзгодъ;
«Припомни ночь, когда на самозванца
«Ты мятяжемъ повелъ къ кремлю народъ.

«Твой путь земной не путь боярской чести;
«Дорòгой лжи тянулась жизнь твоя.
«Не жди-же, царь, теперь себѣ спасенья.
«Крамолы вождь — будь жертвою ея!

«Она идетъ. Не жди себѣ пощады.
«Ты во дворецъ самъ указалъ ей путь...»
Заплакалъ Шуйскій горькими слезами,
И опустилъ онъ голову на грудь.

Вошли бояре; объявили волю
Ему народа; ей не внять — бѣда!
Онъ положилъ предъ ними царскій посохъ
И царскій тронъ покинулъ навсегда.

А черезъ день былъ въ иноки постри́женъ
И въ кельѣ монастырской заточенъ.
Потомъ, какъ плѣнникъ, увезенъ въ Варшаву
И умеръ тамъ, и тамъ былъ схоронѐнъ.

1901 г.

Прахъ царя Василія Шуйскаго былъ перевезенъ въ Москву лишь въ 1635 году и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Игрушка.

(1610—1614 г.).

Въ его короткой жизни мимолетной,
Игрушкою онъ былъ въ рукахъ людей,
Игравшихъ всѣмъ,—и совѣстью, и честью,
Губя другихъ для выгоды своей.

Родился онъ въ тяжелую годину,
Въ годину бѣдствій, смуты, всякихъ золъ,
Когда вся Русь, казалось, развалилась,
И проходимцы лѣзли на престолъ.

Въ тяжелый часъ, когда горѣла мщеньемъ
За смерть отца его царица-мать,
Стремяся вновь вкругъ дѣтской колыбели
Приверженцевъ разрозненныхъ собрать.

И удалось. Наслѣдникомъ престола
Провозглашенъ младенецъ былъ Иванъ.
Въ іюльскій день, въ повозкѣ золоченой
Онъ привезенъ былъ въ подмосковный станъ.

Тамъ мать его, на парчевомъ помостѣ,
Въ рукахъ своихъ подъяла надъ толпой.
Съ пальбой смѣшались радостные клики;
Клялись, не медля, овладѣть Москвой.

А онъ боялся. Крупныя слезинки
Катилися на вычурный нарядъ;
И весь дрожалъ испуганный младенецъ,
И робокъ былъ его невинный взглядъ.

Не заживались долго съ нимъ на мѣстѣ;
Перевозили часто и спѣша.
По Волгѣ плыли, въ Астраханъ добрáлись.
Тамъ стала жизнь для нихъ не хороша.

Возсталъ народъ. Едва прорвались ночью.
Плутали... въ море выгнала судьба;
И, наконецъ, на сумрачномъ Яикѣ
За тронъ Москвы окончилась борьба.

Мать раздѣлили съ сыномъ и обоихъ,
Какъ узниковъ, въ столицу привезли
И бросили въ ужасныя темницы,
На ложе кровью смоченной земли.

Темно и душно. Одинокъ... въ лохмотьяхъ.
Гнилой соломы клокъ его постель.
Лишь солнца лучъ ласкалъ его порою,
Струясь къ нему въ простѣночную щель.

Онъ долго плакалъ, маму призывая.
Потомъ затихъ; не страшенъ сталъ и мракъ.
Не понималъ, дитя, что съ нимъ такое?
За что его наказываютъ такъ?

Сталъ привыкать. Иное его ждало.
Угрюмъ, безъ словъ, вошелъ къ нему палачъ;
Взялъ на руки и сѣлъ съ нимъ на телѣгу.
Не слышенъ былъ младенца тихій плачъ.

По городу, дорогой многолюдной,
На край Москвы малютку повезли.
Стрѣльцы его телѣгу окружали.
Не торопясь въ тотъ день его везли.

Подъѣхали. Помостъ. Столбы чернѣли,
Вѣнчаясь перекладомъ на краяхъ,
И среди нихъ спускалася веревка.
Палачъ понесъ ребенка на рукахъ.

Кругомъ народъ; блестятъ на солнцѣ копья.
Прижаться онъ не смѣлъ, затрепеталъ.
«Качели», въ головѣ его мелькнуло;
«Я не хочу! боюсь!» залепеталъ.

Ученкою онъ въ бороду вцѣпился.
Палачъ сдавнулъ—и хрустнула рука;
Потомъ надѣлъ ему на шею петлю,
И онъ повисъ, качнувшися слегка.

Народъ молчалъ; таили слезы бабы;
Суровый дьякъ, понурившись, стоялъ.
Укрылось солнце лѣтнее за тучи,
И съ неба громъ вдали зарокоталъ.

. . . . . .

Такъ былъ казненъ младенецъ неповинный
Въ пожаръ страстей разнузданныхъ людскихъ;
Дитя грѣха, дитя любви продажной,
Безгрѣшный самъ — и жертва за другихъ.

И много ихъ въ тѣ годы приносилось,
И стономъ ихъ вся Русь была полна,
И дѣвъ, и женъ съ младенцами грудными...
Тяжелыя то были времена.

1901 г.

Лжецаревичъ Иванъ, сынъ второго самозванца и царицы Марины, родился въ Калугѣ въ 1610 году, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти своего отца, убитаго на охотѣ татариномъ Урусовымъ. Казацкій атаманъ Заруцкій, овладѣвъ Мариною съ сыномъ, оставилъ ихъ въ Тулѣ, а затѣмъ привезъ въ подмосковный станъ, гдѣ, по убіеніи Прокопа Ляпунова, вмѣстѣ съ княземъ Трубецкимъ провозгласилъ младенца Ивана наслѣдникомъ московскаго престола. Войско и казаки присягнули Ивану. Послѣ этого Марина съ сыномъ жили въ Коломнѣ. По приближеніи князя Пожарскаго съ нижегородскимъ ополченіемъ къ Москвѣ, Заруцкій, ограбивъ Коломну, перебрался съ Мариною и ея сыномъ въ г. Михайловъ, а оттуда въ Воронежъ. Когда же его войско было разбито на голову княземъ Одоевскимъ, то они бѣжали на Волгу и добрались до Астрахани, гдѣ убили московскаго воеводу Хворостинина и овладѣли городомъ. Тамъ Заруцкій, вступивъ въ сношеніе съ ногайскими татарами, задумалъ поднять все каза-

чество, притянувъ и всѣхъ мятежныхъ удальцовъ. еще во множествѣ бродившихъ по Руси. Царь Михаилъ и земскій соборъ послали Заруцкому особыя посланія, обѣщая забвеніе прошлаго и царскія милости, если онъ прекратитъ междоусобіе. Заруцкій не отвѣчалъ. Но попытки его усилить смуту не удались. Московское войско подъ начальствомъ того же князя Одоевскаго приближалось къ Астрахани. Астраханцы признали царемъ Михаила. Заруцкій съ Мариною ея сыномъ и остаткомъ казаковъ едва прорвался изъ астраханскаго кремля въ Каспійское море и ушелъ на рѣку Яикъ (нынѣ Уралъ). Посланные за нимъ въ погоню стрѣльцы настигли ихъ въ острожномъ станѣ на Медвѣжьемъ островѣ. Казаки выдали бѣглецовъ. Ихъ отвезли въ Москву, гдѣ, въ 1614 году, Заруцкій былъ посаженъ на колъ, четырехлѣтній Иванъ всенародно повѣшенъ за Серпуховскими воротами, а Марина осталась въ тюрьмѣ, гдѣ вскорѣ и умерла.

Царица.

Въ лѣтнемъ храмѣ Вознесенья
Служба въ первый разъ.
Всѣ къ заутрени собрàлись
Въ предразсвѣтный часъ.

Три монахини въ волненьи
Спорятъ межъ собой.

У амвона возвышенье
Только для одной.

Такъ кому же это мѣсто
Слѣдуетъ занять,
Чтобы санъ свой униженью
Въ храмѣ не предать?

И игуменьѣ въ задорѣ
Молвила одна:
—«Кто, скажи, на это мѣсто
«Встать изъ насъ должна?

«Разрѣши ты насъ по правдѣ,
«Будь ты намъ судья.
«Я царица».—«И я тоже!»
—«А я мать царя» *).

И игуменья смутилась;
Какъ ей поступить?
Какъ по правдѣ это дѣло
Мудро разрѣшить?

---

*) Марія Нагая, въ иночествѣ Марѳа, жена Іоанна Грознаго; Екатерина (въ царицахъ Марія) Буйносова-Ростовская, въ иночествѣ Елена, жена царя Василія Шуйскаго; и Ксенія Романова, въ иночествѣ Марѳа, мать царя Михаила. Дѣйствіе въ Московскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, въ 1613 году.

Слышалъ споръ ихъ вѣщій старецъ,
Іерея братъ,
Инокъ пустыни далекой,
Праведенъ и святъ.

На амвонъ онъ тихо вышелъ
Къ нимъ изъ алтаря.
Стихли передъ нимъ царицы;
Смолкла мать царя.

—«Мѣсто-ль спору здѣсь, черницы,»
Строго онъ сказалъ,
И укоромъ его голосъ
Въ храмѣ прозвучалъ.

—«Всѣ вы сестры, и царицы
«Между вами нѣтъ.
«Иль забыли вы въ гордынѣ
«Господа завѣтъ?

«Всѣ въ смиренія одеждѣ
«Вы предъ Нимъ равны,
«И былыхъ отличій міра
«Помнить не должны.

«А царица въ этомъ храмѣ
«Здѣсь у насъ одна:
«Мать Пречистаго Младенца,
«Дѣва — не жена».

Аналой съ иконой древней
Мати пресвятой
Онъ поставилъ на то мѣсто
Гордости людской.

И монахини въ смущеньи
Опустили взоръ,
И не спорили о мѣстѣ
Болѣе съ тѣхъ поръ.

1901 г.

Артемій Волынскій.

Тянулась ночь. Истерзанный на дыбѣ,
Забылся онъ въ полудремотномъ снѣ;
Нельзя поднять распухнувшія руки,
И ноетъ боль въ изсѣченной спинѣ.

Единый смѣлый Бирона противникъ,
Не принялъ онъ царицы слабость въ счетъ;
И проигралъ рѣшительную ставку,
И жизнь его — той ставки былъ расчетъ.

Всѣ отшатнулись въ часъ грозы опальной.
Забыта разомъ прежняя пріязнь;
И осудили судьи-себялюбцы
Волынскаго на площадную казнь.

Онъ грѣшенъ былъ не больше, чѣмъ другіе
Въ тотъ самоволья и хищенья вѣкъ,
Когда среди имущихъ власть и силу
Ниже скота цѣнился человѣкъ.

Но билось въ немъ роднымъ отзывомъ сердце,
И русскій духъ въ душѣ его не гасъ;
Съ трудомъ сносилъ онъ наглость иноземца,
И съ нимъ въ борьбу вступалъ уже не разъ.

Не удалось... Съ духовникомъ, въ темницѣ,
Пріявъ дары, молился долго онъ.
Всѣ счеты жизни сведены. Заутра —
Земной, послѣдній, непробудный сонъ.

День наступалъ. Всходило ясно солнце,
Когда онъ самъ всходилъ на эшафотъ.
Съ нимъ духовникъ. Вокругъ стояло войско.
За нимъ глазѣлъ собравшійся народъ.

Командный крикъ и барабанный грохотъ.
Прочли ему пристрастный приговоръ.
Давно-ли онъ во власти былъ, а нынѣ
На всенародный выведенъ позоръ.

Тяжелый часъ. Посереди помоста
Чернѣетъ плаха. Къ ней онъ подведенъ.
Палачъ рванулъ — разодрана рубаха.
Послѣдній мигъ, какъ дологъ, дологъ онъ...

Блеснулъ топоръ — отсѣкли разомъ руку;
Блеснулъ еще — и пала голова,
За то, что правду молвила царицѣ,
А прихвостню — свободныя слова.

1901 г.

Чудо-богатырь.

Ростъ не малъ, дородствомъ тонокъ,
Неказистъ на видъ;
Но въ очахъ орла могучесть
Явственно горитъ.

Былъ чудакъ; не брезгалъ шуткой;
Пѣлъ и пѣтухомъ —
Для того, чтобъ правду-матку
Рѣзать прямикомъ.

Зналъ онъ силу русской мощи;
Зналъ, чѣмъ живъ народъ.
Для него сермяжный воинъ
Былъ дитя заботъ.

Ордена не скрыли сердце
Отъ его солдатъ;
Съ ними жилъ онъ, съ ними вмѣстѣ
Умирать былъ радъ.

Озиралъ орлинымъ окомъ
Онъ стезю побѣдъ.
Для него, съ его полками,
Пораженья нѣтъ.

Въ битвахъ съ турками, гдѣ трупы
Заполняли рвы;
Подъ Варшавой, гдѣ поляки
Бились, какъ львы;

На равнинахъ итальянскихъ
Въ омутѣ враговъ,
Иль на высяхъ Сан-Готарда
Въ облакахъ снѣговъ;

Иль въ родной своей деревнѣ,
Гдѣ читалъ псалтырь —
Былъ онъ тотъ-же неизмѣнный
Чудо-богатырь.

1901 г.

Русская держава.

1.

ЦАРЬ.

Въ тяжкій годъ разоренья и смуты,
Когда гибла родная страна,
Истекая и кровью, и силой—
Въ ней таилась надежда одна

На Господнюю милость. Спаслася.
Не напрасно молила. Враговъ
Отогнала. Крамолу смирила.
Подъ единый собрàлася кровъ.

Сознавая, что въ дѣлѣ народномъ,
Какъ во всякомъ, хозяинъ одинъ
Долженъ быть и одинъ воевода,
Верховодецъ народныхъ дружинъ, —

Избралà она юношу-князя
Молодого, но съ чистой душой,
Не растлѣннаго ядомъ измѣны,
Не причастнаго злобѣ людской.

Избралà—и предъ Божьимъ престоломъ
Самодержцемъ его нарекла,
И судьбу свою волей народной
Нераздѣльно ему отдала.

Вотъ завѣтъ, — вотъ основа той власти,
Коей царь на Руси облеченъ;
По преемству отъ предковъ державныхъ
Ему жезлъ самовластья врученъ.

Онъ всесиленъ! Отчетъ только Богу
Отдаетъ онъ въ дѣяньяхъ своихъ;
Отъ Него указанья пріемлетъ,
Благу царства способствуетъ въ нихъ.

Онъ отецъ,—а народъ его дѣти;
Та же древнихъ устоевъ семья.
На него, въ дни скорбей и невзгоды,
Упованья земныя ея.

Его власть безгранично свободна.
Можетъ все! На него нѣтъ суда.
Лишь не можетъ не быть православнымъ,
И въ своемъ самовластьи державномъ,
Умалить эту власть—никогда!

2.

НАРОДЪ.

Въ дебряхъ лѣса необъятнаго,
Непроѣзднаго, дремучаго,
Вдоль озеръ, ручьевъ и рѣкъ,
Въ цѣлинахъ луговъ некошенныхъ,
На поляхъ-равнинахъ сѣвера
Начался твой вѣкъ.

Средь трудовъ, борьбы безъ устали
Съ хищнымъ звѣремъ, съ непогодою
Укрѣплялъ ты жизнь свою.
Рознь, раздоры, да усобицы
Окружали тѣснымъ сборищемъ
Колыбель твою.

Понемногу, съ перерывами,
Наростала въ тебѣ силушка,
Мирнымъ пахаремъ ты сталъ;

Понялъ немощь неурядицы,
И князей къ себѣ изъ-за моря
Княжить ты призвалъ.

Принялъ вѣру православную,
Твоимъ княземъ вольно избранную,
Принялъ сердцемъ, не умомъ.
Взявъ въ примѣръ Христа-Спасителя,
Выпилъ море ты страданія
Подъ лихимъ ярмомъ.

Надъ тобой кто не наставничалъ,
Надъ тобою кто не тѣшился,
Въ твоей плавая крови.
Безпощадны были недруги
И съ восточныхъ странъ, и съ западныхъ;
Были и свои.

Но послушный волѣ Господа,
Великанъ-младенецъ благостный
Ты не думалъ о себѣ,
И ковалъ въ горнилахъ бѣдствія
Свое мощное, великое
Царство на землѣ.

И не мудрствуя лукавствіемъ,
Изъ завѣта Сына Божія
Претворилъ ты въ плоть и кровь
Не гордыню, а смиреніе,
Безконечное терпѣніе
И Его любовь.

3.
СОБОРЪ.

Въ тревожный часъ державнаго раздумья,
Когда томился, сомнѣваясь, царь,
Что̀ предпринять? какое дать рѣшенье?
Онъ вспоминалъ, какъ дѣлывалось встарь.

Онъ обращался къ голосу народа,
Изъ устъ его желалъ услышать вѣсть,
Чтобъ прикоснувшись къ мудрости исконной,
Для царства силы новыя обрѣсть.

Онъ зналъ, что въ ней онъ встрѣтитъ неизмѣнно
Правдивый, честный и благой совѣтъ;
Не царедворцевъ льстивыхъ указанья,
И не приказныхъ путанный отвѣтъ.

Онъ кликалъ кличъ—и къ царственному трону,
Завѣтныя преданья не забывъ,
Стекалися избранники народа
На всенародный царственный призывъ.

Они текли помочь цареву думу
Раздумать вмѣстѣ въ мирѣ и любви,
Блюдя и честь державы, и охрану
Родной, священной матери-земли.

Повѣдаютъ—и мирно возвратятся,
Исполнивъ честно свой священный долгъ,
Зане у нихъ, глаголо́въ устъ народныхъ,
Свободный голосъ правды не умолкъ.

А тамъ пускай разсудитъ царь, какъ знаетъ,
Пригодно-ли отвѣтствовалъ соборъ,
И, помолившись Господу, вершаетъ,
Принять иль нѣтъ народный приговоръ.

То старый путь, извѣданный царями;
Завѣтъ святой минувшаго временъ;
И въ дни грядущихъ свыше испытаній
Еще Россіи пригодится онъ.

1901 г.

Первый земскій соборъ на Руси былъ созванъ царемъ Іоанномъ Грознымъ въ 1550 году, когда онъ сбросилъ съ себя иго боярскаго правленія и взялъ государственную власть въ свои руки; онъ-же созвалъ земскій соборъ въ 1566 году по поводу заключенія мира съ Литвою. Затѣмъ земскіе соборы созывались: въ 1584 году при воцареніи Ѳеодора Іоанновича, въ 1598 году объ избраніи на царство Бориса Годунова и въ 1613 году при избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. Этотъ родоначальникъ царственнаго дома Романовыхъ созывалъ земскіе соборы четыре раза: въ 1621, 1632 и 1634 годахъ по поводу войны съ Польшею и въ 1642 году по вопросу о принятіи Азова отъ казаковъ. Сынъ его, царь Алексѣй Михаиловичъ созывалъ земскіе соборы: въ 1650 году по поводу псковскаго мятежа и въ 1653 году по вопросу о присоединеніи Малороссіи. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ созывались земскіе соборы въ 1681 году по денежному вопросу и въ 1682 году объ уничтоженіи мѣстничества.

Въ томъ же 1682 году былъ созванъ земскій соборъ объ избраніи на царство Іоанна Алексѣевича. Послѣдній земскій соборъ былъ созванъ въ 1698 году Петромъ Великимъ для суда надъ царевной Софьей, но рѣшеніе его не сохранилось.

Самый полный земскій соборъ былъ въ 1613 году, когда московскими духовными властями съ боярами и воеводами были разосланы во всѣ города грамоты о присылкѣ въ Москву, для земскаго совѣта и государскаго избранія, всѣхъ духовныхъ властей, а изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, выборныхъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, поскольку человѣкъ пригоже, причемъ эти власти и выборные люди должны были договориться накрѣпко съ избирателями и взять у всякихъ людей о государскомъ избраніи полные договоры. Когда выборные съѣхались въ Москву. былъ назначенъ трехдневный постъ, и потомъ приступили къ избранію царя. Первое письменное мнѣніе объ избраніи царемъ Михаила Романова было подано галичскимъ дворяниномъ и вслѣдъ за нимъ донскимъ атаманомъ.

Сохранилась народная пѣсня о земскомъ соборѣ, созванномъ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ по поводу заключенія мира съ Польшею (пѣсни собранныя Рыбниковымъ Т. II, 237). Царь, послѣ долгой обѣдни, выходитъ на Лобное мѣсто и обращается сначала къ князьямъ и боярамъ, потомъ къ купцамъ, гостямъ богатымъ и, наконецъ, къ малымъ дѣтушкамъ солдатамъ: «Пособите государю думу думати; надо думать крѣпка дума, не продумати».

На Волгѣ.

Я опять посѣтилъ нашу Волгу рѣку;
Я опять прокатился по ней.
Много вспомнилось мнѣ, ужъ теперь старику,
Изъ минувшаго жизни моей.

Зародился на ней, въ Жигулевскихъ горахъ,
Свѣтлый рой моихъ творческихъ силъ.
И придя отдохнуть на ея берегахъ,
Я съ привѣтомъ ее вопросилъ:

—«Какъ живешь-поживаешь, родная моя?
«Много лѣтъ не видалась со мной.
«Ты все та же, и мощь вѣковая твоя
«Обновляется каждой весной».

—«Нѣтъ, не та я теперь, какъ бывало, мой сынъ.
«Горе грудь истощаетъ мою.
«И тебѣ, какъ пѣвцу дорогихъ мнѣ былинъ,
«Я повѣдаю думу свою.

«Вырубаютъ лѣса; гибнетъ наша краса;
«Нашихъ силъ изсякаетъ родникъ;
«И самъ Днѣпръ не ласкаетъ струговъ паруса,
«Въ мелководьи печально поникъ.

«Онъ, который въ быломъ горделиво носилъ
«Удалого Олега ладьи,
«Когда грозно къ воротамъ Царьграда прибилъ
«Тотъ свой щитъ, обагренный въ крови.

«Нѣтъ и прежнихъ затѣй. Стихли воли бои.
«Не слыхать ужъ и пѣсни лихой,
«Что пѣвали, хмѣльны, постояльцы мои,
«Возвращаясь съ добычей домой.

«Богатырству обрѣзали мощь, какъ врагу.
«Истощилась, затихла борьба...»
— «А Степана забыла?» — «Забыть не могу.
«Обручила на вѣкъ насъ судьба.

«Пока воды мои неустанно текутъ,
«Не изсякъ ихъ подземный родникъ,
«Не забуду его я, царя моего!
«Онъ одинъ въ мое сердце проникъ.

«Онъ одинъ, богатырь, обвѣнчался со мной;
«Онъ одинъ былъ владыкой моимъ.
«Чуть до неба я скорбной, могучей волной
«Не хлестнула, прощаяся съ нимъ.

«Не забыть никогда и подарка его;
«Царскій даръ, не подносокъ гулякъ.
«И донынѣ храню въ глубинѣ моихъ водъ
«Я ея пожелтѣвшій костякъ.

«А теперь—черный дымъ надо мною ползетъ;
«Буравами терзаютъ мнѣ грудь;
«И какая-то слизь, расплываясь, гнететъ,
«Не даетъ мнѣ свободно вздохнуть.

«На судахъ, на плотахъ, и въ прохладу, и въ зной
«Идетъ молвь о далекой Невѣ,
«Что когда-то текла по пустынѣ лѣсной,
«Расплываясь въ болотной травѣ.

«Какъ протокъ коротка; кранъ озерный рѣка;
«Грудь въ порогахъ, обувью гранитъ.
«Не внимаетъ тому, что ей Волховъ сѣдой
«Новгородской волной говоритъ.

«Отобралъ русскій царь отъ сосѣда войной
«Этотъ чуждый озерный протокъ
«И направилъ къ нему, въ часъ судьбы роковой,
«Русской жизни народной потокъ.

«Всѣ стремятся туда, въ его городъ больной,
«Покидая раздолья мои,
«Разрывая союзъ человѣка съ землей,
«Все въ надеждѣ на лучшіе дни.

«Тамъ ютятся они въ темнотѣ, въ тѣснотѣ,
«Искажая и тѣло, и духъ;
«Изнывая въ тоскѣ, да въ мертвящемъ трудѣ,
бля и очи, и слухъ.

«Ты напомни имъ тамъ о раздольяхъ моихъ;
«Ты напомни имъ тамъ обо мнѣ.
«Пусть придутъ, изможденные въ мукахъ своихъ,
«Отдышаться на Волгу онѣ.

«Я имъ дамъ материнскую ласку свою;
«Наберутся и мощи, и силъ.
«Я сниму съ нихъ тоску, ихъ заботъ пустоту,
«Тяжесть каменныхъ улицъ-могилъ.»

—«Я напомню, родная! но врядъ-ли кому
«Твой призывъ по душѣ. Не нужна
«Имъ теперь твоя мощь, твой просторъ». — «Почему?»
—«Да иныя пришли времена».

1900 г.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СКАЗАНІЯ МИНУВШАГО. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Часть 1-я **Содержаніе:** Злой городъ. — Новгородъ. — Псковъ. — Коромыслова башня. — Архимандритъ Порфирій. — Великая княгиня Соломонія. — Иванъ Грозный подъ Псковомъ. — Ермакъ. — Печальникъ Русской земли. — Юрьевъ день. — Царевна Ксенія. — Козьма Мининъ. — Царица Марья. — Иванъ Сусанинъ. — Патріархъ Гермогенъ. — Архимандритъ Діонисій. — Утесъ Стеньки Разина. — Патріархъ Никонъ. — Разбойничья пѣсня. — Пустынникъ. — Голытьба. — Боярынъ. — Смерть Петра Великаго. — Княжья могила. — Двѣ жертвы. — Москва. — Княжна Тараканова. — Царь-Освободитель. — Картина грядущаго. Цѣна 1 р. 75 к. — Складъ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени" въ Петербургѣ.

СКАЗАНІЯ МИНУВШАГО. Часть 2-я. **Содержаніе:** Великая княгиня Домникія. — Посадница Марѳа Борецкая. — Серафима. — Вѣчевой звонарь. — Царица Марья Долгорукая. — Набѣгъ Стеньки Разина. — Боярыня Морозова. — Князь Семенъ Пожарскій. — Царь-Миротворецъ. — Россія. — **Царевна Софья**, драматическая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ съ прологомъ. — **Боярское правленіе**. драматическій отрывокъ. — Сказка. Цѣна 2 руб.

ПАМЯТИ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА. Исторія, святыни и преданія Новгорода. Съ приложеніемъ исторической драмы въ стихахъ: „**Марѳа Посадница**". Съ 6-ю рисунками. Цѣна 1 руб.

А. А. НАВРОДКІЙ (Н. А. Вроцкій).

ИВАНЪ РАЗБОЙНИКЪ

или

ГРѢХАМЪ НЕ СЪѢСТЬ, ПОКА СОВѢСТЬ ЕСТЬ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ БЫЛЬ

въ 5-ти дѣйствіяхъ и 7 картинахъ.

(Представлена въ первый разъ на театрѣ С.-Петербургскаго городскаго попечительства о народной трезвости 19 марта 1900 года).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бояринъ князь Ромодановскій—начальникъ преображенскаго приказа въ Москвѣ.

Артемій Сучокъ — приказный дьякъ
Дымша — подъячій
} того же приказа.

Иванъ — плотникъ, 26 лѣтъ.

Пелагея — его жена, 22 лѣтъ.

Домна — его мать, 56 лѣтъ.

Семенъ
Фролъ
Арефій
} плотники, односельчане Ивана.

Вавило — волостной староста.

Сотскій.

Ефимъ
Митроха
Лукичъ
} крестьяне.

Варвара — крестьянка.

Рогачъ — разбойничій эсаулъ.

Хомякъ
Груздь
Коршунъ
} разбойники.

Офицеръ.

Капралъ.

Солтыкъ — трубачъ.

Солдатъ.

Гудочникъ.

Стражникъ.

1-й
2-й
} палачи.

Крестьяне, разбойники, солдаты, гудочники, колодники и другіе.

Дѣйствіе происходитъ въ концѣ 17-го столѣтія. Между 1 и 2 дѣйствіями проходитъ годъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Картина 1-ая.

Деревенская изба. Утро. **Иванъ**, **Пелагея**, **Домна**, **Семенъ**, **Фролъ** и **Арефій** сидятъ за столомъ и ѣдятъ.

Пелагея (*къ мужу*). Ворочайся скорѣй, Ваня. Не замѣшкайтесь по прошлогоднему.

Иванъ. Какъ придется. Работа не малая. Дай Богъ къ Покрову кончить. Новыя хоромы ставитъ бояринъ и какія! Москвѣ въ пору.

Семенъ. Мы не задержимся, хозяюшка. Всякому скорѣй домой хочется. А только, извѣстно дѣло—какъ работа.

Арефій. Наше дѣло такое. Лѣтомъ на стройкѣ, зимой въ лѣсу. Некогда ни пахать, ни косить. Одно слово—плотники, бродячій народъ.

Домна. За то и ѣдите вы не по нашему. У бояръ, да у купцовъ жирный кусъ. Отъѣдаетесь.

Фролъ. Оно точно, что ежели у хорошаго человѣка—и кормы хорошіе. А тоже и между ними есть всякіе. Иному кажинной щепки жалко; всякую корку считаетъ. У такого и работа не та. Такъ только приневоливаешь себя, чтобы не заснуть. А которые не дрожатъ надъ своимъ добромъ, не обижаютъ, а и бражкой или винцомъ подчуютъ, для тѣхъ и работа спорится, дружная, охочая, съ пѣсней, съ радостью.

Пелагея. Намъ-то каково! Когда мужа дома видишь? Безъ года недѣля, да и та не вся.

Арефій. Такъ ужъ положено; кому что. Изъ рода въ родъ. Мы отъ отцовъ, дѣти отъ насъ—однимъ рукомесломъ кормимся. Наше дѣло чистое, около дерева ходимъ. Плотникъ — дому работникъ. Вольное житье! Что мѣстъ исходишь, гдѣ не побываешь. Домой придешь—и жена словно новая. Съ поста и старуху въ уста.

Домна. Растобарывай! Тоже и въ вашемъ дѣлѣ оборони Богъ! Около смерти ходите. Кто съ крыши сверзится; кого деревомъ пришибетъ.

Иванъ. Всѣ мы около смерти ходимъ, матушка. Отъ нея не уберечься. Придетъ часъ воли Божіей — найдетъ вездѣ. Не спрячешься.

Домна. Такъ-то такъ. Вѣстимо, воля Божія; а все надо съ опаской жить. Не забудь мнѣ новые коты привезти. Старые износились совсѣмъ. Задокъ протерся и пальцы видны.

Иванъ. Привезу, матушка, не забуду. (*къ женѣ*). А тебѣ, Пелагеюшка, привезти?

Пелагея. Мои еще крѣпки; зиму проношу.

Иванъ. А махонькихъ захватить?

Пелагея. Какихъ махонькихъ? для кого?

Иванъ. Ишь ты недогадлива. Забыла развѣ?

Пелагея (*застыдившись*). Ну, что ты, еще при народѣ.

Иванъ. Божья воля, Пелагеюшка! Благодать Господня. Дай Богъ благополучно.

Фролъ. Подай Господь!

Домна. Вернешься, а въ избѣ новый хозяинъ будетъ. Гляди, какъ покрикивать учнетъ на всѣхъ.

Пелагея. Ужъ и ты, матушка.

Домна. Не стыдись! Подзаконное дѣло, подвѣнечное. (*къ сыну*). Ты, Ваня, вернешься, а я тебѣ внука вынесу. Это я и твоему покойному отцу, царство ему небесное, тоже такъ тебя вынесла, когда онъ съ Москвы вернулся. Взялъ онъ тебя на руки, да какъ запоетъ: «Слава тебѣ, Господи!» и съ молитвой внесъ тебя въ избу. Завѣтный день былъ; свѣтлый, радостный.

Иванъ. Что Богъ дастъ. Хотѣлось бы сына, а тебѣ внука, матушка; да еще рано загадывать. Може до того вернусь.

Пелагея. Что зря болтать. Негоже. И повѣщать объ этомъ пока не слѣдъ. Мало ли злыхъ людей. Сглазятъ, порчу нашлютъ.

Фролъ. Бываетъ это, молодуха, бываетъ. Самъ извѣдалъ; никому не пожелаю. Три раза портили злые люди жену мою. Послѣдній разъ ужъ совсѣмъ на сносяхъ была. Не привелъ Господь! Такъ и умерла съ ребеночкомъ. Одного, какъ перстъ, оставила. Сирота кругомъ.

Иванъ (*встаетъ*). Пора и въ путь! (*Всѣ встаютъ и выходятъ изъ-за стола*). Надо засвѣтло лѣсомъ пройти; а дальше ничего. Еще лучше ночной прохладой идти. Не стомитъ. Прощай, матушка! (*кланяется ей въ ноги*). Благослови на дорогу.

Домна (*благословляя*). Господь благословитъ. Какъ будетъ съ кѣмъ, посылай вѣсти о себѣ. Все спокойнѣе, чѣмъ такъ, не знаемо.

Иванъ (*прощаясь съ женой*). Прощай, Пелагеюшка! Соблюдай себя, милая моя. Матушку во всемъ слушайся. Очень не нудься работой. Не надорвись.

Пелагея (*прощаясь*). Прощай, голубчикъ мой! (*Плачетъ*). Прощай, соколъ ты мой ненаглядный.

Иванъ. Ты не сокрушайся.

Пелагея. Страшно мнѣ, Ваня! Страшно!.. И сама не знаю чего, а страшно! Защемило сердце мое, такъ и сжимается. Чуетъ оно что-то.

Домна. Ну чего тамъ чуетъ. Не накликай бѣды. Извѣстно дѣло—не на радость разлука; а ты—«страшно». Не впервые разстаемся. Вернется. Милостивъ Господь.

Пелагея. Не впервые, матушка. А только никогда такъ тоскливо не было. Боюсь.

Иванъ. Не бойся, Пелагеюшка. На все воля Божья. Господу молись. Жаль мнѣ тебя, а съ собою взять нельзя.

Домна (*къ Ивану*). Ты не сокрушайся. Объ эту пору намъ, бабамъ, всегда тоскливо бываетъ. Потомъ пройдетъ. Проститесь, да и идите. Пора! До сумерекъ надо до Савелова добраться.

Иванъ. Прощай, матушка. Прощай, Пелагеюшка. Не томись, не тоскуй. Скоро лѣто минетъ. Съ первымъ снѣжкомъ и я тутъ; по порошѣ вернусь. (*Прощаются*).

Плотники (*къ Домнѣ*). Прощай, хозяюшка! Спасибо тебѣ за хлѣбъ, да соль, за ласковость твою.

Домна. Прощайте, ребятушки! И на работѣ, и въ пути вмѣстѣ держитесь, сообща.

Семенъ. Вѣстимо дѣло—сообща! Съ одного гнѣзда. Вмѣстяхъ всегда сподручнѣе. (*къ Пелагеѣ*). Прощай и ты, молодуха. Дай Господь намъ всѣмъ опять здѣсь повстрѣчаться и на крестинахъ попировать.

Пелагея. Прощайте, родимые! Остерегайте себя и Ваню не оставьте, если что.

Арефій. Вѣстимо, другъ за дружку держаться будемъ, какъ прутья въ метлѣ. Прощайте! (*Всѣ уходятъ. Пелагея и Домна возвращаются*).

Пелагея. Ушелъ! Ушелъ, родной мой! Закатилось солнышко мое ясное; улетѣлъ соколъ мой! Страшно мнѣ что-то, матушка; страшно!

Домна. Ничего страшнаго нѣтъ, а, вѣстимо, не весело. Ты тутъ поплачь на досугѣ и полегчаетъ. А мнѣ плакать не время. Просила меня Калиниха зайти къ ней горшокъ на чрево накинуть. Больно томитъ ее недугъ; извелась совсѣмъ. Такъ я пойду. Прощай. (*Уходитъ*).

Пелагея. Осиротѣла я, бѣдная! Какъ-то теперь буду житьбезъ Ванюши моего милаго? Пропаду совсѣмъ. Что будетъ, не знаю; а только нехорошо. Чуетъ сердце, чтонехорошимъ кончится. Сколько времени этотъ старый Вавило прохода мнѣ не даетъ. Все выслѣживаетъ, гдѣ бы одну застать, и безстыжими рѣчами донимаетъ. Извелъ совсѣмъ. Хотѣла давно Ванѣ сказать, да боюсь; не было бы хуже. Ваня горячъ, не спуститъ. А Вавило не простой мужикъ, староста. Загубитъ онъ Ваню и насъ въ конецъ раззоритъ. Злой мужикъ, безсовѣстный! Бога забылъ. Что дѣлать? Покинулъ ты меня, Ваня; некому теперь вступиться за меня. Матушкѣ тоже за-

зорно молвить. Еще не повѣритъ; на меня же накинется. Выдумала, молъ. Вавило-то при другихъ какую важность напущаетъ, и не глядитъ совсѣмъ. А вотъ наединѣ, какой охальникъ. Упаси Господи! (*входитъ* **Вавило**).

Вавило. Здорово, Пелагеюшка. Проводила мужа-то?

Пелагея. Проводила, батюшка, проводила. Сейчасъ матушка вернется.

Вавило. Не скоро. Я ее повстрѣчалъ. Къ Калинихѣ пошла. Пока баню истопятъ, да свое дѣло справитъ. Не скоро вернется. Эхъ, Пелагеюшка, Пелагеюшка, красавица ты моя! Въ слезахъ-то еще красивѣе. Право!

Пелагея. Что ты молвишь? Я только что мужа проводила, а ты какую рѣчь держишь.

Вавило. А что-жъ рѣчь? Не покоръ, не брань; хорошая рѣчь, правдивая.

Пелагея. Оставь ты меня, безстыжій человѣкъ! Христомъ Богомъ прошу, не приставай ты ко мнѣ. Не дѣвка я, а мужняя жена, и мужа своего крѣпко люблю. Отстань ты отъ меня.

Вавило. Ты теперь вдовой осталась, соломенной вдовой. Я тебя утѣшать буду. Только будь поласковѣй со мною, осеребрю тебя. Ничего не пожалѣю! Денегъ у меня не мало; всѣ твои будутъ. Только гляди поласковѣе. Безъ тебя сохну совсѣмъ.

Пелагея. Какъ тебѣ стыдъ глаза не съѣстъ, старый ты человѣкъ? Вѣдь у тебя дочь старше меня и жена жива. Аль забылъ семью свою, чужую раззорить хочешь? Постыдись годовъ. На какое дѣло смущать вздумалъ.

Вавило. Нечего мнѣ стыдиться. Полюбилась ты мнѣ такъ, что всего спокоя лишился. Ночей не сплю. Все думаю, какъ бы тебя повидать, хоть словцомъ съ тобой перемолвиться. Красавица ты моя! Разлапушка! (*подходитъ къ Пелагеѣ и хочетъ ее обнять*).

Пелагея (*отталкивая Вавилу*). Оставь меня! Не тронь! Пусти меня!

Вавило (*загораживая ей у двери дорогу*). Не выпущу, лебедка моя! Я такого часа сколько времени жду. Не хочешь добромъ, силой возьму. Не выпущу! (*обнимаетъ ее*).

Пелагея (*вырываясь, отбѣгаетъ къ окну*). Оставь меня! Кричать стану, народъ придетъ.

Вавило. Что-жъ, кричи! Пускай придутъ. Такъ тебѣ и повѣрятъ. Ты не дура; въ толкъ возьми. Понимаешь:—ничего не пожалѣю, ничего! (*бросается къ ней и тащитъ ее отъ окна*).

Пелагея (*стараясь вырваться*). Помогите, добрые люди! Помогите!

Вавило (*стараясь зажать ей ротъ*). Не кричи! Не кричи!

Пелагея. Господи! Ваня! Вавюша! (*вбѣгаетъ* **Иванъ**).

Иванъ. Что? что съ тобой? (*къ Вавилѣ*). Ты чего, злодѣй? Разбойничать? (*Выхватываетъ изъ-за пояса топоръ и ударяетъ Вавилу*).

Вавило (*падая*). Помогите! убили! (*умираетъ. Вбѣгаетъ* **Лукичъ**).

Лукичъ. Кто тутъ кричитъ? Батюшки, убили! (*Выбѣгаетъ на улицу и скликаетъ народъ*). Православные, старосту убили! старосту! (*изба наполняется народомъ*).

Иванъ. Я и не разглядѣлъ кто. А это староста. (*вбѣгаетъ сотскій*).

Сотскій (*подходя къ Ваганѣ*). Кто его убилъ?

Иванъ. Мой грѣхъ.

Сотскій. За что же?

Иванъ. Мой грѣхъ, мой и отвѣтъ. Ты не допросчикъ.

Лукичъ. Связать его надо. Не зарубилъ бы еще кого.

Иванъ (*бросая топоръ*). Не зарублю. Вяжите.

Сотскій (*къ народу*). Вяжите ему руки! (*Ивану связываютъ руки за спину*). Повеземъ въ Москву, да и топоръ захватимъ. Коли отопрется — улика на лицо. (*выбѣгаетъ* Домна, *расталкивая народъ*).

Домна. Что такое? Что́ приключилося? Баютъ: «у тебя старосту убили». И впрямь убитъ. Кто же его убилъ?

Иванъ. Я, матушка.

Домна. Какъ же такъ? Благословясь ушли, а ты опять тутъ? Убилъ, молвишь. Помутилося во мнѣ все; въ толкъ не возьму.

Сотскій. Опъ убилъ, онъ и въ отвѣтѣ. (*къ Митрохѣ*). У тебя, Митроха, подвода сряжена, на ней и повеземъ.

Иванъ (*падая передъ Домной на колѣни*). Пожалѣй ты меня, матушка! Благослови.

Домна (*благословляя*). Спаси, Господи!.. Какъ же это ты?.. Съ чего?

Иванъ. И самъ не пойму. Прости! (*встаетъ*).

Пелагея (*бросаясь къ Ивану на шею*). На кого ты меня покидаешь? И я за тобой пойду. (*рыдаетъ*).

Иванъ. Уведите вы меня скорѣй!

Сотскій (*отстраняя Пелагею*). Отойди! Не до тебя теперь. (*къ крестьянамъ*). Ведите его! (*Иванъ поспѣшно уходитъ, сотскій и часть крестьянъ уходятъ за нимъ*).

Домна. Вотъ оно, горе-то нежданное. Чуяла ты его. (*Утираетъ слезы*).

Пелагея (*рыдая*). О, Господи! Господи!

Картина 2-ая.

Поляна въ лѣсу возлѣ дороги; сзади оврагъ. На полянѣ старая березовая колода. Темнѣетъ.

Семенъ, Фролъ и Арефій сидятъ на полянѣ и ѣдятъ хлѣбъ.

Семенъ. Съ чего это онъ замѣшкался?

Арефій. Господь вѣдаетъ. Хотѣлъ только полушубокъ новый захватить и насъ нагнать. Недалеко, кажись. Сколько разъ можно было обернуться.

Фролъ. Жена задержала. Съ молодухой день за часъ покажется. Красивая она у него, и въ согласьи живутъ.

Арефій. Баба бабой, а мы тутъ при чемъ? При всѣхъ молвилъ: идите до Темкина оврага и тамъ поджидайте. И нѣтъ его! Аль позабылъ о насъ?

Семенъ. Забылъ не забылъ, а придется подождать. Въ деревню ворочаться не охота. Вечеръ сухой, теплый. Заночуемъ здѣсь. Къ разсвѣту долженъ поспѣть. Вмѣстѣ и тронемся.

Арефій. Далеко ли отошли и заночевать. Этакъ когда же мы до мѣста доберемся. По клюкѣ въ день, по вершку въ часъ, по-улиточьи.

Семенъ. Лучше здѣсь подождать. Придемъ безъ него до мѣста, неладно будетъ. Онъ рядился съ бояриномъ; какъ же мы безъ него явимся? Негоже.

Арефій. И то правда! Ночевать, такъ ночевать.

Арефій (*кончивъ пѣсть*). Хорошо бы теперь пѣсню спѣть, да боязно. Лѣсное мѣсто. Недобрыхъ людей накличешь.

Семенъ. Не пой къ ночи. Нехорошо. Лѣшихъ потревожишь, пужать начнутъ.

Фролъ. Много ея, всякой нечисти, водится въ лѣсу. Въ Высоцкомъ стараго Максима лѣшій всю ночь по лѣсу путалъ. Ободралъ всего, чуть глаза не выкололъ.

Арефій. Ему если краюху хлѣба оставить—ничего. Только солить не надо. Не любитъ онъ соли.

Семенъ. Повечеряли и на покой! Всѣмъ спать нельзя; одному стеречь надо. Не подобрался бы звѣрь, или человѣкъ лихой.

Фролъ. Вы ложитесь, а я постерегу. Мнѣ спать не хочется. Рано еще.

Семенъ. Постереги. А станетъ клонить ко сну, меня разбуди.

Фролъ. Да ты развѣ заснешь теперь?

Семенъ. Я-то? Я, братъ, охочь спать. Гдѣ голову приткну, и готовъ! Покладистый. (*Семенъ и Арефій ложатся, подложивъ мѣшки подъ голову. Фролъ садится на колоду*).

Фролъ. У молодой жены какъ не замѣшкаться. Любезное дѣло. Даетъ Господь счастье людямъ. А я-то, бобыль! Маюсь изо дня въ день. Женись, баютъ. Не могу! Ужъ больно я свою Марьюшку любилъ. Не по нраву мнѣ никто послѣ нея. Который годъ забыть не

могу. Какъ вспомню, такъ вотъ и сожметъ тутъ, (*указываетъ на сердце*), какъ въ тискахъ сожметъ. Вспомнится, какъ она, голубка, на моихъ рукахъ Богу душу отдавала. «Спаси, молвила, голубчикъ мой! Не хочу помирать». Обняла, да такъ и затихла. Руки опустились, голова свѣсилась, и упала ко мнѣ на грудь, словно колосъ скошенный. Охъ, хо, хо! Упокой ее, Господи! (*прислушивается*). Что это за шумъ? Не то отъ колесъ, не то дерево скрипитъ. (*Раздается скрипъ колеса*). Колесо и есть. Надо разбудить нашихъ. (*Подходитъ къ спящимъ*). Эй, Семенъ! Арефа! вставайте!

Арефій. Что? Зачѣмъ разбудилъ?

Фролъ. Ѣдутъ сюда. Слышите—колесо скрипитъ. Проѣзжіе какіе нибудь.

Семенъ (*встаетъ*). Проѣзжіе не проѣзжіе, а намъ тутъ оставаться не слѣдъ. Пожалуй еще за лихихъ людей примутъ. Поджидаютъ, молъ, и, чего добраго, свинцовымъ горохомъ попотчуютъ для острастки. Ночное дѣло.

Арефій. Отойдемъ въ сторону; схоронимся въ оврагъ. Проѣдутъ — опять сюда вернемся. Лучше будетъ. Пойдемте. (*Забираютъ пожитки и спускаются въ оврагъ. Входятъ:* **сотскій, Иванъ,** *съ связанными руками,* **Митроха и Ефимъ.**

Митроха. Ничего не подѣлаешь. Расклепалось колесо совсѣмъ и не наладишь. Надо за другимъ сбѣгать.

Сотскій. Что-жъ, сбѣгай! А намъ не ворочаться теперь ночью пѣшкомъ. Переночуемъ здѣсь, на полянѣ, а завтра съ разсвѣтомъ и въ путь. Время сухое, ясное. Ночью дождя не должно быть.

Ефимъ. Дождя не будетъ, по всѣмъ примѣтамъ выходитъ. Вѣстимо, заночуемъ.

Сотскій. Ты, Митроха, лучше отпряги коня, да и поѣзжай на немъ за колесомъ, а мы тутъ расположимся. (*Митроха уходитъ*). Ты, Иванъ, у колоды лягъ. Мы тебя къ ней привяжемъ.

Иванъ. Не бойся; не уйду.

Сотскій. Кто тебя знаетъ. За ночь-то многое надумать можно. Все для порядка привязать лучше.

Иванъ. Вяжи, пожалуй! Все равно, я спать не буду. Васъ же постерегу.

Сотскій (*привязавъ Ивана къ колодѣ*). Постереги, спасибо скажемъ. Хлѣба не хочешь-ли? Закуси на ночь.

Иванъ. Спасибо! не хочу.

Сотскій. А мы пожуемъ, да и на боковую. (*Ѣстъ съ Ефимомъ хлѣбъ*).

Сотскій. Я лягу, а ты, Ефимъ, пока посторожи; потомъ меня разбудишь. Митроха не скоро вернется. А тутъ медвѣдей много; не подобрались бы ночью. Да и отъ лихихъ людей оберечься надо. Мѣсто недоброе.

Ефимъ. Ложись! Я постерегу; только не долго. Сегодня я, почитай, всю ночь не спалъ. Сморился.

Сотскій. Ладно. Я только часокъ сосну. Може, ты хочешь теперь отдохнуть, такъ я постерегу.

Ефимъ. Нѣтъ, лучше я еще помаюсь. А то, какъ засну — и не растолкаешь. (*Сотскій ложится невдалекѣ; Ефимъ садится у дороги*).

Иванъ. Привязали. Въ колодники попалъ. Не думалъ, не гадалъ—и вотъ какая бѣда стряслась. (*Задумывается*). Ишь, ты, Вавило, на что пошелъ. Я думалъ—

грабитель; а оно вотъ что. (*Задумывается*). Что-то теперь будетъ? Станутъ допрашивать, за что убилъ? Не скажу; и подъ пыткой не скажу. А тамъ, либо повѣсятъ, либо голову съ плечъ снимутъ, да передъ смертью искалѣчатъ въ конецъ при допросахъ ихъ. (*Задумывается*). Пелагеюшка, Пелагеюшка, что съ тобой-то будетъ? Не увижу я тебя, не увижу и дитя мое родное, первенца милаго. Загубилъ я жизнь свою, въ конецъ загубилъ. И не я, а лютый ворогъ мой виноватъ въ томъ. Завидно стало ему счастіе наше! Хищнымъ волкомъ ворвался онъ къ намъ; насмѣяться, опозорить захотѣлъ... Де не удалось. Окровянилъ я руки свои кровью человѣческой. Не помнилъ себя. Какъ во снѣ хватилъ. Видно, участь моя такая; на роду написано. (*Задумывается*). Какъ собака на цѣпи привязанъ, и руки затекли совсѣмъ. Не видать мнѣ больше ни лѣса дремучаго, ни поля колосистаго, ни деревни родной. Тяжело въ головѣ, жутко на сердцѣ. (*Задумывается. Ефимъ, приткнувшись къ пню, засыпаетъ*).

Иванъ. Оба заснули. Порвать бы веревки, да на волю, въ темный лѣсъ! Силы нѣтъ и товарищей. Гдѣ-то они теперь, спутники мои? Здѣсь уговорились дожидаться, и нѣтъ ихъ. Видно ушли впередъ. Безъ меня теперь работать станутъ.

Арефій (*подкрадывается изъ оврага къ колодцу и тихо кличетъ*). Ваня! Ваня!

Иванъ. Кто зоветъ меня?

Арефій. Ваня! Тише! Нагнись къ колодцу.

Иванъ (*склонившись къ колодцу*). Арефа, ты?

Арефій (*тихо*). Я! я! Что это съ тобой? Видѣли мы, какъ тебя къ колодѣ привязывали, и руки у тебя скручены. Съ чего это?

Иванъ. На судъ везутъ.

Арефій. За что?

Иванъ. Убійца я.

Арефій. Ну? Кого убилъ?

Иванъ. Старосту.

Арефій. За что?

Иванъ. За дѣло.

Арефій (*разрѣзавъ топоромъ веревки*). Такъ бѣги скорѣй! Путы срѣзаны. Бѣги!

Иванъ. Куда?

Арефій. Куда глаза глядятъ. Али волей на висѣлицу захотѣлъ?

Иванъ. Куда мнѣ бѣжать? Въ деревню вернусь, опять скрутятъ.

Арефій. Зачѣмъ въ деревню? За рубежъ бѣги, къ людямъ вольнымъ; или ко святымъ мѣстамъ ступай, коли совѣсть зазритъ. Только уходи скорѣй; время дорого! Мы тебѣ топоръ и хлѣба дадимъ.

Иванъ. И впрямь уйти! Спасибо тебѣ! Будь, что будетъ! Лучше на волѣ помереть, въ схваткѣ съ звѣремъ лѣснымъ, чѣмъ на двухъ столбахъ съ перекладиной.

Арефій. Пойдемъ! пойдемъ! Не теряй времени.

Иванъ. Идемъ! Унеси, Господи! (*спускается ползкомъ въ оврагъ съ Арефіемъ*).

Сотскій (*просыпаясь*). Эхъ, сладко заснулъ. На вольномъ-то воздухѣ, въ лѣсу, куда хорошо! Ты, Иванъ, спишь? А? Заснулъ, видно. (*встаетъ и подходитъ къ колодѣ*). Иванъ! а Иванъ! Да гдѣ же ты? Нѣтъ его! Али убѣгъ? Да какъ же онъ развязался? Ефимъ! Ефимъ! (*подходитъ къ Ефиму*). Вотъ онъ гдѣ Ефимъ. (*Будитъ Ефима*).

Ефимъ (*не просыпаясь*). Мм...

Сотскій (*толкая Ефима*). Ефимъ, вставай! Гдѣ Иванъ? Не ты ли его свободилъ? У, чортъ! какъ бревно лежитъ, и не добудишься. Какъ же теперь быть? Пропала моя головушка! Засудятъ, оберутъ, сгубятъ въ конецъ. Ефимъ! Ефимъ! (*будитъ Ефима*).

Конецъ 1-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Разбойничій станъ на полянѣ въ глухомъ бору. Посреди сцены костеръ, надъ которымъ на треножникѣ виситъ котелъ. Два разбойника слѣдятъ за пищею въ котлѣ; четверо въ сторонѣ играютъ въ орлянку; изъ остальныхъ, кто точитъ топоръ, кто сидитъ или стоитъ въ бездѣльѣ. Полдень.

Рогачъ, Иванъ, Хомякъ и Груздь (*сидятъ на буреломѣ*).

Хомякъ (*къ Ивану*). Что не веселъ? Словно у тебя голова свинцомъ налита; поднять трудно. Пора забыть коли и было что. Второй мѣсяцъ съ нами, а никогда я тебя инымъ не видалъ.

Иванъ. Тебѣ-то что? Мое дѣло.

Груздь. Оставь его. Развѣ можно указать душѣ веселой быть? Да и какое наше веселье. Такъ, забытье одно. Стряхнешь,—а онѣ опять нависнутъ, думы-то. Не отвязаться отъ нихъ.

Рогачъ. Думы думамъ рознь. Я вотъ сколько лѣтъ разбойничаю—и ничего. Стерпѣлся. А одного дѣла забыть не могу. Разгромили это мы разъ, давно уже, хуторъ лѣсной. Далеко отсюда. Хозяинъ здорово оборонялся; на силу справились. Жена тоже ему помогала. Угомонили и ее. Ребеночекъ махонькій остался, годъ съ небольшимъ. И такъ жалостно плакалъ, за душу хваталъ.

Груздь. Что же?

Рогачъ. Что же съ нимъ было дѣлать? Оставить— съ голода помретъ; съ собой взять нельзя... И порѣшили. Я и прикончилъ. Давно это было, а и по сейчасъ иногда, ночью, такъ ясно его голосъ слышу; словно плачетъ тутъ, возлѣ меня. Никуда отъ него не уйдешь, потому въ нутрѣ онъ, у сердца плачетъ. И такъ тяжко, такъ тяжко станетъ; ножомъ сверлитъ.

Хомякъ. Бываетъ это. Только нашему брату поддаваться этому не надо; засосетъ. Я, почитай, съ малыхъ лѣтъ разбойничаю. Дядѣ прислуживалъ. Съ десяти годовъ все по лѣсамъ живу и такъ къ нимъ привыкъ, что засади ты меня въ избу — не выживу. Сдохну! (*къ Ивану*). А ты, Иванъ, намъ не ко двору; не товарищъ. Не пристала тебѣ наша жизнь. По всему видно.

Иванъ. Пристала либо нѣтъ, мое дѣло; а пока живу съ вами. Чего же вамъ еще?

Рогачъ. Оно, вѣстимо, дѣло твое, не наше. Уставъ нашъ сполняешь; отъ тяготы нашей не отлыниваешь. Рукъ еще не кровянилъ, да и нужды пока не было. А что у тебя на душѣ, дѣло не наше. Мы не попы; къ исповѣди не тянемъ.

Груздь. Отъ исповѣди не уйдешь. Какъ совѣсть донимать станетъ, никуда отъ нея не спрячешься. И днемъ и ночью, и во снѣ и на яву она тебя томить учнетъ; отдыха не дастъ. Былъ у насъ парень, лихой парень! Такая сорви-голова; никому пощады не давалъ. А тутъ, однова, ограбили мы купца, богатаго купца, скупщика. Съ купцомъ-то живо справились; только хныкалъ онъ, не противился. А съ однимъ изъ подруч-

ныхъ его дюже повозились. Лихой былъ! Ухватилъ дубину, да такъ и чешетъ. Не подойти. Только ухитрился нашъ Алеха подъ него кубаремъ подкатиться, да и пырнулъ его ножемъ въ черево. А тотъ и узнай Алеху, съ одного села оказались. «Ништо, молвилъ, придетъ и твой часъ. Аль не слыхалъ, какъ тебя мать прокляла, умираючи?» Съ той ночи зачахъ Алеха. Затосковалъ, затосковалъ, да въ осенную тьму, въ самую непогоду, въ оврагѣ и повѣсился. Не выстоялъ.

Хомякъ. Вишь оно что... (*помолчавъ*). Тоже иной по семьѣ своей тоскуетъ. Бабу жаль и мальцовъ.

Иванъ. Ихъ мнѣ и жаль.

Хомякъ. А много ихъ у тебя?

Иванъ. Нѣтъ. Жена осталась съ ребеночкомъ.

Груздь. Великъ?

Иванъ. Не родился еще, какъ разлучились; а теперь на рукахъ у матери. Дознался я, что сынъ, первенецъ. И не увидать мнѣ его, сердечнаго.

Хомякъ. Да, братъ. Въ нашемъ дѣлѣ семьей заводиться не пристало. Такъ съ бабами путаться—ничего, можно. А подвѣнечное житье неспособно. Выдастъ онъ, хвостъ-то этотъ, какъ къ нему наладишь путь; а въ разлукѣ томитъ. Съ такимъ хвостомъ надо за рубежъ бѣжать, къ казакамъ. Тамъ по хуторкамъ, да по городкамъ ничего живется.

Груздь. Тамъ, баютъ, привольно. Не то, что тутъ.

Рогачъ. Скоро бросимъ эти мѣста; на полдень пойдемъ, къ рубежу степному. Тутъ и впрямь оставаться нечего.

Хомякъ. Донимать начали. Того гляди, накроютъ. Нынче и мужики смѣлѣе стали; выслѣживать вздумали и доносить.

Рогачъ. Завтра вернется атаманъ и рѣшитъ, куда путь держать. Надо шкуру свою оберечь. Не сдобровать ей, какъ поймаютъ. (*за сценой слышны вопли Сучка и смѣхъ разбойниковъ. Всѣ вскакиваютъ*).

Хомякъ. Что это?

Рогачъ. Словили кого-нибудь. Голосъ-то писклявъ, да не бабій. Торговецъ, или изъ приказныхъ какой. (Коршунъ *съ двумя разбойниками вводятъ* Сучка).

Рогачъ. А, безхвостая ворона! (*къ Коршуну*). Гдѣ словили?

Коршунъ. На подводѣ ѣхалъ. Его сцапали, а подводчикъ ускакалъ. Ничего больше въ ней не было.

Хомякъ. Видно, къ лѣшему въ гости ѣхалъ, къ сродственнику.

Сучокъ *). Я тебѣ задамъ сродственника! Знаете ли вы, на кого смѣли руки поднять?

Груздь. На кого бы это?

Сучокъ. Боярина князя Ромодановскаго знаешь?

Груздь. Слыхалъ.

Сучокъ. У него въ застѣнкѣ бывалъ?

Груздь. Богъ миловалъ.

Сучокъ. Такъ онъ вамъ за меня всѣ жилы вымотаетъ. Отпустите вы меня скорѣй, коли смерти не хотите. А то бѣда вамъ за меня будетъ!

---

*) Роль Сучка не комическая, а драматическая. Онъ гадливъ, но не смѣшонъ.

Рогачъ. Ой-ли? Ишь, ты какой страшный. Прости ты насъ, лѣсную простоту, что потревожили тебя. И впрямь не осерчай.

Сучокъ. Ну, то-то! Отпускайте скорѣй, а я ужъ такъ и быть ничего о васъ боярину не скажу.

Рогачъ. Сейчасъ отпустимъ вашу милость. Только чтобы тебѣ скорѣй до дому добѣжать, такъ мы тебя облегчимъ маленько. Обыщите-ка его, ребята! (*Хомякъ съ двумя разбойниками обыскиваетъ Сучка*).

Сучокъ. Не смѣйте трогать меня! Худо будетъ, какъ я разсержусь.

Хомякъ. Вѣстимо, худо! Только не намъ, а тебѣ. Ну, придержи руки! А то неравно выверну—мельницей станешь. (*обыскиваетъ Сучка*). Въ карманахъ-то дрянь разная.

Рогачъ. Ты на шеѣ погляди. У нихъ завсегда казна на шеѣ въ кошелѣ мотается.

Сучокъ. Нѣтъ, не трогайте! На шеѣ ничего нѣтъ.

Рогачъ. Значитъ, тамъ и ищи. (*Хомякъ снимаетъ у Сучка съ шеи кошель съ деньгами*).

Сучокъ (*ухватясь за кошель*). Не трогайте! Не отдамъ! Батюшки, спасите! Разбойники вы этакіе!

Хомякъ. Разбойники и есть. Отступись, крапивное сѣмя! Такъ двину—собакой залаешь. Брысь! (*отталкиваетъ Сучка, тотъ падаетъ. Хомякъ передаетъ кошель Рогачу*).

Сучокъ. Душегубы вы окаянные! Грабители подлые!

Рогачъ. Ну, ты не очень; а то и на сукъ попадешь. На твоемъ же кошелѣ и удавимъ.

Сучокъ. Я ничего... Простите... Пожалѣйте меня, сироту. Все мое добро тутъ. Всю жизнь копилъ. Не раззорите въ конецъ.

Груздь. У другихъ высосалъ. Отпустимъ тебя, опять насосешься. Цѣпкій!

Сучокъ. Отдайте, голубчики мои родные! Отдайте! Раззорили совсѣмъ.

Рогачъ (*развязываетъ кошель и высыпаетъ деньги въ шапку*). Ишь, сколько накопилъ; и золота много.

Сучокъ (*въ ногахъ у Рогача*). Пожалѣй хоть ты меня! Возьми половину... нѣтъ, четверть... нѣтъ, меньше; отдай, голубчикъ! отдай все!

Рогачъ. На вотъ, возьми кошель; пригодится. (*бросаетъ кошель*).

Сучокъ (*лѣзетъ на Рогача*). Отдай, злодѣй! Отдай, душегубъ! Отдай! Отдай!

Рогачъ. Придержите-ка его. (*разбойники оттаскиваютъ Сучка*). Цыцъ, ты, продажная душа! Слово пикнешь, сейчасъ на сукъ вздерну. Понялъ? (*Сучокъ глухо рыдаетъ*).

Коршунъ. Ему денегъ-то больше души жалко. Онъ за нихъ душу охотой отдастъ.

Хомякъ. Черти не допустятъ, себѣ берегутъ.

Рогачъ (*прислушиваясь*). Что тамъ шуршитъ? Словно, крадутся.

Коршунъ. Сейчасъ узнаю. (*уходитъ и кричитъ за сценой*). Спасайтесь! Накрыли! (*раздается нѣсколько выстрѣловъ. Разбойники разбѣгаются*).

Сучокъ (*мечется по сцен*ѣ). Батюшки, убьютъ! Свои убьютъ! Господи, помилуй! Деньги-то, деньги унесли! (*выстрѣлъ*). Ай, убили! Просвистѣла; около самой головы просвистѣла! Спрятаться куда? Подъ колоду развѣ? (*лѣзетъ подъ колоду. Вбѣгаютъ:* офицеръ, Солтыкъ *и нѣсколько солдатъ*).

Офицеръ. Разбѣжались! Валяй за ними въ догонку! (*солдаты убѣгаютъ*). Ты, Солтыкъ, здѣсь, при мнѣ останься. Сюда сзывать будемъ. Не запутались бы въ лѣсу. (*осматриваетъ поляну*). Логово ихъ тутъ. Вонъ тамъ варево варили, мясо жарили. Осмотрѣть все надо. Погоди, тамъ подъ колодой кто-то есть. (*направляетъ пистолетъ*). Вылѣзай, а то убью!

Сучокъ (*вылѣзая*). Это я, благодѣтели мои; я самъ. (*ползетъ на колѣняхъ*).

Офицеръ. Кто ты?

Сучокъ. Свой! Свой! Дьякъ изъ сыскного приказа. Сучокъ. Артемъ Сучокъ.

Офицеръ. Какъ же ты сюда попалъ?

Сучокъ (*встаетъ*). Лѣсомъ ѣхалъ, благодѣтель; лѣсомъ, на подводѣ. Захватили — и ограбили. Все отняли. Всего достоянія моего лишился. Поймайте ихъ! Старика бородатаго, толстаго, поймайте. У него казна моя; въ шапкѣ унесъ. (*выстрѣлъ*). Можетъ, это его убили, его. У него казна моя. Побѣгу я туда.

Офицеръ. Куда? Оставайся! Какъ рябца подстрѣлятъ тебя въ лѣсу.

Сучокъ. Охъ, правда! правда! Только словили бы его, окаяннаго; словили. (*выстрѣлъ за сценой*). Охъ, батюшки, мои!

Офицеръ (*къ Солтыку*). Протруби, Солтыкъ! Разбредутся по лѣсу и не соберешь потомъ. (*Солтыкъ трубитъ*).

Сучокъ. Труби, голубчикъ! Еще труби. Пусть его приведутъ, старика съ кошелемъ. (*Солтыкъ трубитъ надъ ухомъ Сучка*). Охъ, оглушилъ совсѣмъ! Іерихонская у тебя труба. Оглушилъ въ конецъ.

(Солдаты понемногу собираются. Три солдата ведутъ Ивана).

Офицеръ. Ага! поймали одного. Крути ему руки назадъ! Вяжи крѣпче! (*Ивану связываютъ руки за спину*).

Сучокъ. Старика-то словили?

Капралъ. Двухъ уложили на смерть, а остальные убѣгли. Буреломъ такой—и не продерешься.

Сучокъ. Старика убили? Толстаго, бородатаго? Да?

Капралъ. Кто его знаетъ. Посмотри. Недалече лежатъ.

Сучокъ. Господи, кабы старика! (*къ солдатамъ*). Пойдемте со мной. Покажите. Одному боязно; не убили бы.

Офицеръ (*солдату*). Покажи. (*Сучокъ и солдатъ уходятъ*).

Офицеръ. Не велика добыча. Ну, да остальные не вернутся. Далеко убѣгутъ. Все здѣсь поспокойнѣе станетъ. (*къ Ивану*). Ты кто такой? (*Иванъ молчитъ*). Ты кто такой? спрашиваю я тебя. (*Иванъ молчитъ*). Погоди, развяжутъ языкъ.

Иванъ. Гдѣ развяжутъ, тамъ и скажу.

Офицеръ. Запоешь! Бояринъ князь Ромодановскій умѣетъ вамъ допросъ чинить. Добьется правды. (*входитъ* Сучокъ).

Сучокъ. Нѣтъ. Убѣжалъ старикъ; убѣжалъ. Не сумѣли вы его поймать, не сумѣли.

Капралъ. Ты бы самъ за нимъ погнался. Авось поймалъ бы.

Сучокъ. Это не мое дѣло, а ваше, воинское. А вы и не сумѣли. Плакали мои денежки, плакали родимыя! Обобрали совсѣмъ! (*къ Ивану*). Ну, да ужъ потѣшусь я надъ тобой въ застѣнкѣ, вдосталь потѣшусь! Попрошу боярина, чтобы тебя по косточкамъ розняли. За всѣхъ отвѣтишь.

Офицеръ. Тутъ больше дѣлать нечего. Заберите все, что здѣсь есть, да и пойдемте. (*солдаты забираютъ вещи*). Надо засвѣтло на дорогу выбраться. Всѣ въ сборѣ?

Капралъ. Всѣ!

Офицеръ. Надѣньте этому молчальнику веревку на шею; да если заупрямится—прикладами подгоняйте. Идемъ!

Сучокъ. Проклятое мѣсто! (*плюетъ*). Тьфу, погань лѣсная! Тьфу! (*плюетъ*).

конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Преображенскій застѣнокъ въ Москвѣ.—Грязный сводчатый подвалъ. Въ потолкѣ блокъ съ веревкой (дыба), подъ ней бревно для подвязыванія къ ногамъ.—Въ глубинѣ кузнечная печь съ поддуваломъ для раскаливанія щипцовъ и короба съ углемъ. По стѣнамъ висятъ: кнуты, веревки и разные пыточные снаряды. Дверь съ боку. Противъ двери помостъ, покрытый старымъ ковромъ; на немъ столъ, покрытый старымъ кармазиннымъ сукномъ, и кресло. У помоста деревянный непокрытый столъ, стулъ и скамеечка. — Утро.

Дымша сидитъ на скамеечкѣ у стола и пишетъ. Два палача, одинъ черный, другой рыжій, въ красныхъ кумачевыхъ рубахахъ, сидятъ на скамейкѣ у стѣны.

1-й ПАЛАЧЪ. Что-то запоздалъ сегодня бояринъ. И Сучка нѣтъ.

2-й. Все еще не можетъ въ себя придти. По мошнѣ своей кручинится.

1-й. Наживетъ. Нужный человѣкъ. Кто ему не поклонится, тому здѣсь жутко придется. Вытянетъ деньгу.

2-й. И то былъ не толстъ, а теперь изсохъ совсѣмъ. Такъ ему денегъ жалко. Баютъ, что онъ и семью-то свою кормить пересталъ; по роднымъ побираются.

ДЫМША. Кому своихъ денегъ не жалко. Наше дѣло тоже не легкое; горбомъ деньги заработываемъ.

1-й. Не пахота, не рукомесло. Какой трудъ.

Дымша. Ты думаешь, легко оно, рукописаніе-то. Что муки примешь, пока наладится; да и потомъ не легче. Спину, братъ, хуже, чѣмъ отъ жнитва разломитъ. А вотъ послѣ зелья этого виннаго, если перепустишь, и совсѣмъ плохо. Не слушаются персты, да и только! Ты выпилъ, а они пляшутъ. Ты ими «рцы» ведешь, а они «добро» тянутъ; ты «вѣди», а они словно медвѣди. Спортишь столбецъ, опять изначала строчи. Умаешься.

1-й. За то и поборы вамъ легки.

Дымша. Какіе, другъ, поборы. И на хлѣбъ не хватаетъ. Кто повыше, тому, вѣстимо, хорошо; а намъ, мелкотѣ — впроголодь всегда.

2-й. Зелье любишь, оттого и нѣтъ ничего.

Дымша. Зелье, оно, вѣстимо, губительно есть, а только намъ безъ него ни-ни! Силу даетъ. А опохмѣлишься въ размѣръ — и ничего! Персты окрѣпнутъ и око зорче.

1-й. Здоровъ-ли бояринъ? Не приключилось-ли чего съ нимъ? Время за работу приниматься. Сегодня много народа нагнали.

Дымша. Здоровъ. Вчера у свояка на именинахъ пировалъ и переспалъ маленько. Нынѣ онъ послѣ пировъ слабѣть сталъ, не по прежнему.

2-й. И Сучокъ не идетъ. Какой лютый сталъ. На всѣхъ свое горе сорвать норовитъ. Суровъ бояринъ нашъ, а онъ его еще пуще натравляетъ. Измаялись совсѣмъ. (*входитъ* **Сучокъ**).

Сучокъ. Нѣтъ еще боярина? Видно, заѣхалъ куда на перепутьи. (*къ палачамъ*). Вы сегодня постарайтесь. Какъ будете пытать этого разбойника, не щадите! Душу вымотайте; по суставчикамъ разберите. Я васъ ужо винцомъ попотчую. Доймите! А какъ того, кривого парня, пытать начнете, такъ полегче. У него мать старуха добрая. Пожалѣть надо. Сама ко мнѣ приходила просить. А разбойника безъ жалости пытайте. Душу выверните!

1-й. Намъ что. Постараемся.

Сучокъ. Да, постарайтесь. Жаль, что только его и захватили. Онъ-то самъ ни при чемъ былъ. Потѣшился бы я надъ старикомъ, что меня по міру пустилъ. Охъ, какъ потѣшился бы!

(*входитъ* Ромодановскій, *отдаетъ шапку и посохъ Дымшь и садится въ кресло* *).

Ромодановскій. Запоздалъ немного. За работу пора! Волоки на правежъ; времени терять нечего.

Сучокъ. Сегодня, бояринъ, допросъ чинить начнемъ съ разбойника, котораго въ лѣсу словили.

Ромодановскій. Это которые тебя облегчили? Разбогатѣли, должно быть, знатно.

Сучокъ. Не съ чего, бояринъ. Не велика была казна, да дорога; по денежкѣ собрана. Всѣ труды прахомъ пошли.

Ромодановскій. Ничего. Наживешь опять. Знаешь, гдѣ раки зимуютъ. Насосешься. Тебя, какъ голодную піявку, только припусти.

---

*) Ромодановскій съ бородой. Петръ Великій собственноручно остригъ ему бороду уже по возвращеніи изъ-за-границы въ 1698 году.

Сучокъ. Тебѣ, бояринъ, шуточки, а мнѣ слезы, горькія слезы.

Ромодановскій. Волоки разбойника. (*одинъ изъ палачей уходитъ. Два стражника вводятъ* Ивана, *за ними входитъ* палачъ).

Сучокъ. А, вотъ онъ! Теперь наша очередь. Постараемся.

Ромодановскій. Здравствуй, добрый молодецъ. Ишь, ты богатырь какой! Ну, повѣдай намъ, какъ тебя по имени звать, величать по отчеству? Умѣлъ разбойничать, умѣй и отвѣтъ держать.

Иванъ (*кланяясь*). Спасибо, бояринъ, за слово твое ласковое; легче съ нимъ и муки терпѣть. Что знаю — не утаю; а чего не знаю — врать не по сердцу. Звать меня Иванъ, по отцу Ивановичъ; рукомесломъ плотникъ былъ, а попалъ въ разбойники.

Ромодановскій. Съ чего бы такъ? Аль ножовая работа лучше плотничьей по душѣ пришлась, веселѣе показалася?

Иванъ. Не охотой шелъ, а неволею.

Ромодановскій. Кто же неволилъ?

Иванъ. Судьба злодѣйка! Мачихой мнѣ стала и приневолила.

Ромодановскій. Повѣдай, Ивановичъ. Послушаемъ.

Иванъ. Не къ чему, бояринъ, разсказывать. Вѣдома мнѣ участь моя. Не томи меня пытками; прикажи отсѣчь голову, аль столбами пожалуй съ перекладиной. Твоя власть, моя вина.

Сучокъ. Нѣтъ, погоди! До смерти-то еще далеко. Не разъ еще небо съ овчинку покажется. Допытаемся отвѣта твоего. Доберемся, кто ты есть, кто твои и товарищи.

Иванъ. Кого убили, тѣ себя не выдадутъ; кто ушелъ, не вернется сюда; а меня пытать, время даромъ тратить. Что молвилъ здѣсь, повторю и подъ пытками. А откуда я, Богу вѣдомо!

Ромодановскій. Не погнѣвайся, Ивановичъ. Парень ты бойкій, за словомъ въ карманъ не лѣзешь. Уродилъ тебя Господь богатыремъ. Жаль портить тебя, силушку твою стратить пытками. Но порядокъ у насъ такой; для тебя не перемѣнится. Ступай къ палачамъ на расправу. Такъ ли ты отвѣтишь, какъ къ нимъ въ передѣлъ попадешь.

Сучокъ. Запоетъ другое. Перестанетъ бахвалиться.

Иванъ. Не бахвалюсь я. Передъ смертнымъ часомъ не до этого. Пытай меня, бояринъ, коли у тебя такой порядокъ заведенъ. Божья воля! Отъ смерти не уйдешь. Видно заслужилъ я участь мою грѣшной своей жизнью. И не жаль мнѣ ее. Только одного жаль, до истомы жаль.

Ромодановскій. Чего бы это?

Иванъ. Мое дѣло, бояринъ. Може тебѣ смѣшнымъ покажется.

Ромодановскій. Зачѣмъ смѣяться? Не на пиру сидимъ. Скажи. Можетъ быть и помочь могу, выручу.

Иванъ. Изволь, бояринъ; скажу. Какъ ушелъ я въ темный лѣсъ къ людямъ вольнымъ, осталась у меня въ деревнѣ жена-молодуха на сносяхъ; а теперь, провѣдалъ я, что послалъ намъ Господь сына первенца. И

не придется мнѣ повидать его, хоть одинъ разокъ взглянуть передъ смертью моею лютою.

Ромодановскій. А гдѣ твоя деревня? Далеко отсюда?

Иванъ. Недалече будетъ. Въ сутки вернуться можно.

Ромодановскій. И хотѣлось бы повидать сына?

Иванъ. Какъ хотѣлось бы! Какія хошь готовъ муки пріять, только бы взглянуть на него.

Ромодановскій (*подумавъ*). Хочешь—отпущу?

Иванъ. Куда, бояринъ?

Ромодановскій. Не на волю, нѣтъ! Этого не жди. А повидать сына.

Иванъ. Не глумись, бояринъ, надъ сердцемъ отчіимъ. Прикажи пытать. Легче подъ пыткой будетъ, чѣмъ отъ твоего глумленія.

Ромодановскій. Не глумлюсь я. Съ чего мнѣ? Правду говорю. Отпущу тебя, если дашь мнѣ клятву, если душой своей и младенца сына твоего заклянешься, что завтра къ полудню вернешься сюда.

Иванъ. Не шутишь, бояринъ?

Сучокъ. А ты и повѣрилъ. Эхъ, ты, простофиля! Погоди, запляшешь сейчасъ.

Ромодановскій (*къ Сучку*). Ты про кого это? Мое слово хаять вздумалъ. Меня на смѣхъ выставляешь.

Сучокъ. Я думалъ, что ты шутить изволишь, боярин.

Ромодановскій. Да развѣ этимъ шутятъ? Развѣ я здѣсь для шутокъ приставленъ? Эго твоя лисья душа такъ глумиться способна. (*встаетъ*). А ты меня, боярина, князя Ромодановскаго въ шуты произвелъ. Да я

тебя сейчасъ велю на дыбу поднять; шутку твою вышучивать начну.

Сучокъ (*падая на колѣни*). Прости, бояринъ! По глупости обмолвился. Не осерчай.

Ромодановскій. То-то! (*садится. Къ Ивану*). Поклянись—и отпущу. Слову твоему повѣрю. Разбойникъ ты, а не подъячій; кровь лилъ, не каверзами донималъ. Повѣрю тебѣ.

Иванъ (*въ смущеніи*). Клятву... на срокъ... вотъ оно что.

Ромодановскій. Ну да, на срокъ. Понялъ?

Иванъ. Неслыханно дѣло. Нѣтъ ли подвоха какого? Боязно.

Ромодановскій. Какой подвохъ? Али мнѣ не повѣришь? Ручателей потребуешь?

Иванъ. Какъ не повѣрить? Боярское слово, княжеское.

Ромодановскій. Такъ чего-жъ ты думаешь? Осовѣлъ, что-ли?

Иванъ. Коли вправду, бояринъ; изволь! Дамъ. Клянусь тебѣ, бояринъ, душою своею грѣшною и душу сына моего первенца порукой кладу, да не будетъ надъ нами благословенія Божія ни на землѣ, ни на небѣ, если я обману и не вернусь сюда завтра къ полудню на судъ и на казнь за дѣла мои грѣшныя. Именемъ Господнимъ клянусь! Больше ничѣмъ поручиться не могу.

Ромодановскій. И не надо. Ну, ступай! Нѣтъ препоны тебѣ. Повидайся съ сыномъ, благослови его и ворочайся на завтра къ полудню сюда.

Иванъ (*кланяясь въ ноги*). Земно кланяюсь тебѣ, боярин, за доброту твою, что повѣрилъ ты мнѣ, разбойнику. Приду, не обману. Дороже жизни мнѣ довѣріе твое.

Ромодановскій. Иди! (*Иванъ идетъ къ дверямъ*). Погоди! На вотъ, возьми гривну; отнеси отъ меня младенцу твоему на зубокъ. Отъ сердца даю. На! (*даетъ гривну*).

Иванъ (*беретъ гривну и кланяется*). Спасибо, боярин! На шею сыну надѣну гривну твою. Пусть носитъ, милость твою поминаючи.

Ромодановскій. Теперь иди! Путь свободенъ тебѣ. (*къ стражнику*). Скажи, чтобъ пропустили; я приказалъ. (*Иванъ и стражникъ уходятъ*). Пора и за остальныхъ приниматься. Ввести Кадашевскихъ.

Палачъ отворяетъ дверь. Стража вводитъ нѣсколько колодниковъ которые падаютъ ницъ передъ Ромодановскимъ.

Конецъ 3-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Изба Ивана. Передъ кроватью на длинномъ шестѣ зыбка съ младенцемъ. Вечеръ.

Пелагея и Варвара.

Варвара. И ночь подошла. Домой пора. Я завтра приду тебѣ помочь.

Пелагея. Приходи, милая! Тяжело мнѣ одной. Надо многое по хозяйству справить, а силушки нѣтъ. Натрудилась очень. Руку ломитъ, и сама вся не по себѣ.

Варвара. Милостивъ Господь! Полегчаетъ.

Пелагея. Измаялась совсѣмъ. Лѣтомъ еще съ свекровью покойною справлялись, а теперь совсѣмъ одна.

Варвара. Божья воля! Терпѣть надо.

Пелагея. Знаю, милая. Только не легко оно терпѣть. Возьмешь младенца на руки, прижмешь къ груди, да и заплачешь, горько заплачешь. Не полюбоваться имъ отцу его родимому, Ванѣ моему милому. Ужъ какъ мы ждали этой милости Божьей, какъ радовались, — а вотъ родился и сиротой сталъ.

Варвара. Не сирота еще. Богъ дастъ, вернется отецъ и полюбуется.

Пелагея. Гдѣ вернуться. Для чего вернуться? Чтобы на пытку, да на казнь идти. Нѣтъ, лучше пусть иную смерть приметъ, вольную, въ далекой сторонѣ.

Варвара. Не шлетъ вѣсти о себѣ. Баяли намедни, что онъ съ темнымъ лѣсомъ спознался, душегубомъ сталъ.

Пелагея. Не станетъ мой Ваня душегубомъ николи! Не возьметъ на душу такого грѣха. И старосту убилъ не доброй волею, а сгоряча, не думавши, за обиду его мерзкую.

Варвара. Дай Богъ, чтобы такъ! Прощай, я пойду.

Пелагея. Прощай, Варварушка. Спасибо за доброту твою.

Варвара. Не за что. Я добро помню. Мнѣ твоя свекровь Домна Захаровна замѣсто матери была и до смерти не забывала. Царствіе ей небесное!

Пелагея. Все-то она Ваню поминала; передъ смертью своей благословить хотѣла.

Варвара. Теперь молится за него тамъ, у Господа. Материнская молитва отъ всего охраняетъ, доходчива. Прощай, родная! (*уходитъ*).

Пелагея. Тамъ за него мать молится, а мнѣ здѣсь тяжело, не подъ силу тяжело. Все одна, да одна, съ младенцемъ малымъ, и конца тому не видно. Сердцемъ измаялась! Силушка ослабла; ни вдова, ни жена... Господи, лучше бы мнѣ и впрямь вдовой быть! Горевала бы, да молилась за душу его, Вани моего милаго. А теперь что? Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Нужда до всего доведетъ. Вонъ какая о немъ молва пошла: — душегубъ... Упаси Господи! (*въ зыбкѣ плачетъ младенецъ*). Что, милый мой? Что, болѣзный мой? Усни; я вотъ тебя покачаю. Усни, родненькій. (*укачиваетъ и поетъ*):

Баюшки баю, баюшки баю,
Спи, усни, усни, дитятко мое.
Ночка темная, ночь постылая,
Тяжко, тяжко жить безъ мила дружка.
Трудно, трудно жить сиротинушкѣ
Безъ родного отца батюшки.
Баюшки баю, баюшки баю,
Спи, усни, усни, мое дитятко.

Пелагея. Уснулъ. (*отходитъ отъ зыбки и садится на скамью подъ окномъ.*). А я и спать не могу. Устанешь, притомишься; кажись, сейчасъ засну. Лягу — и нѣтъ его, сна-то. Только ворочаешься. А думы-то, думы!.. Одна другой горше, одна другой тяжелѣй. Всю головушку разломитъ отъ нихъ. Господи! Господи! Жили въ мирѣ, жили въ радости и вдругъ... (*задумывается*). Страшно ночью одной!.. Староста мерещится... Ваня связанный... кровь на полу. (*раздается стукъ въ дверь*). Стучатъ, съ крыльца стучатъ. (*подходитъ къ двери*). Кто тамъ?

Иванъ (*за дверью*). Пелагеюшка, отвори!

Пелагея. Съ нами крестная сила! Никакъ Ванинъ голосъ. Ужъ не сплю ли я?

Иванъ. Отворяй скорѣй! Это я! Ваня!

Пелагея. Господи! и щеколды не найду. Сейчасъ! (*отворяетъ дверь. Входитъ* Иванъ).

Иванъ. Пелагеюшка!

Пелагея. Ваня! (*бросается къ нему въ объятья*).

Иванъ. Милая ты моя! Голубушка! Милая!

Пелагея. Ваня, дорогой мой! Ты ли это?

Иванъ. Я! я! родная моя!

Пелагея. Да какъ же это? Да...

Иванъ (*перебивая*). Пришелъ и все тутъ. Аль не рада?

Пелагея. Ужъ какъ рада! Какъ рада! Милый ты мой! Золотой! (*раздается крикъ младенца*).

Иванъ. Гдѣ? Гдѣ онъ? Гдѣ сынъ мой?

Пелагея (*подводитъ его къ зыбкѣ*) Здѣсь, здѣсь. Полюбуйся имъ. Сынокъ твой, Ваничка.

Иванъ (*наклоняется и цѣлуетъ сына*). Милый ты мой! Родной! Не чаялъ я увидать тебя, а привелъ Господь. Ну, бояринъ! Награди тебя Богъ за милость твою.

Пелагея. Какой бояринъ? Нешто ты служишь у кого?

Иванъ. Служу... служу. Да что толковать. Угощай хозяина; съ утра не ѣлъ.

Пелагея. Сейчасъ! Сейчасъ! Вотъ хлѣба каравай, да щецъ чашка. Студеныя; не взыщи. Сбѣгать къ Аксиньѣ. У нея вчера брагу варили, крестины справлять будутъ.

Иванъ. Нѣтъ, не ходи! Никуда не ходи! Не надо.

Пелагея. Отчего? Я мигомъ слетаю. У нихъ брага превкусная, хмѣльная.

Иванъ. Не надо, молвлю.

Пелагея. Не хочешь, не пойду. И мнѣ тебя оставлять не охота. Кушай на здоровье. (*Иванъ неохотно ѣстъ*).

Пелагея (*садится рядомъ съ нимъ*). Да что же это я? Съ радости одурѣла совсѣмъ. И не спрошу, надолго ли пришелъ?

Иванъ. Не знаю еще.

Пелагея. Ты не бойся! За тебя все село стоитъ; не выдадутъ. А если и найдутся недобрые люди, такъ другіе во время упредятъ. О тебѣ всѣ соболѣзнуютъ. И матушка твоя покойная...

Иванъ. Слыхалъ. Дошла до меня вѣсть. Царствіе ей небесное!

Пелагея. Передъ исходомъ окликнула меня. «Нагнись», шепчетъ. Нагнулась я... «Скажи ему, Ванѣ, чтобы онъ за свой грѣхъ муку пріялъ, не бѣжалъ отъ нея». Съ тѣмъ и померла. Поѣшь еще, милый мой! Что было, все подала. Не богато живу; не по прежнему. Я сейчасъ на сѣновалъ сбѣгаю, свѣжаго сѣнца принесу; постель тебѣ сдѣлаю мягкую, душистую. Усталъ, чай съ дороги.

Иванъ. Сбѣгай, устрой. Издалека иду. Сердце на крыльяхъ летѣло, да ноги не поспѣвали. И то поработали.

Пелагея. Сейчасъ вернусь. Я живо! (*Уходитъ*).

Иванъ. Вотъ я и дома; съ женой и съ сыномъ вмѣстѣ. Чудно! Не вѣрится какъ-то. (*встаетъ и подходитъ къ зыбкѣ*). Родной ты мой! Спишь. Ишь, какъ крѣпко заснулъ, и ротикъ открытъ. Желанный ты мой! Сиротинушка... Спи... (*Отходитъ отъ зыбки*). Дома-то я дома. А ужъ какъ уходить отсюда мнѣ? Помоги, Господи! (*входитъ* Пелагея).

Пелагея. Вотъ я и постель сладила. Въ клѣти спать будемъ; душно въ избѣ-то. И Ваничку туда вынесемъ. Милый ты мой! (*Садятся*). Глазамъ не вѣрю, что это ты сидишь возлѣ меня, ласкаешь, радостный. Истосковалась я по тебѣ, Ваня, въ конецъ. Охъ! (*хватается за руку*).

Иванъ. Что это у тебя рука? Болитъ?

Пелагея. Натрудила, должно быть.

Иванъ. Да и сама ты словно нездорова.

Пелагея. Отъ радости, милый мой!

Иванъ. Ишь, какъ съ тѣла спала, осунулась вся.

Пелагея. Остудилась зимою въ лѣсу, какъ за дровами ѣздила. Слабость нападаетъ. Такъ, и сама не знаю... вдругъ! Сердце заколотится, заколотится, и силушка разомъ спадетъ. Духу не хватаетъ, голову кружитъ. Сомлѣю, — а потомъ ничего, отойдетъ. Только ослабну вся.

Иванъ. Ты оберегай себя. Младенецъ у тебя махонькій.

Пелагея. Какъ себя убережешь? Все одна. Вотъ кабы ты вернулся совсѣмъ, или насъ съ собою взялъ. Тогда я поправлюсь.

Иванъ. Возьму... Дай срокъ. Выждать надо... осмотрѣться.

Пелагея. Ты вотъ, молвилъ, у боярина служишь. Далече отсюда?

Иванъ. Не близко.

Пелагея. Попроси его, чтобы меня съ тобою жить допустилъ. Вѣнчаны мы. Онъ, вѣстимо, самъ женатъ и не захочетъ мужа съ женой, да съ дѣтьми разлучать. Попроси.

Иванъ. Попрошу. Онъ бояринъ добрый; вишь, гривну прислалъ на зубокъ Ванюшѣ нашему. (*Вынимаетъ гривну*). Погляди.

Пелагея. Подай ему Господь за его доброту. Вонъ онъ ласковый какой. Не откажетъ и намъ вмѣстяхъ жить у него.

Иванъ. Надо его гривну Ванюшѣ на шею надѣть. И дыра въ ней проверчена. Дай тесьмы обрывокъ. Надѣнемъ ему на счастье.

Пелагея. Сейчасъ достану. (*Достаетъ тесьму изъ сундука*). На вотъ! Да ты бы лучше ему на крестъ надѣлъ.

Иванъ. Потомъ передѣнешь, а пока и такъ ладно будетъ. (*Продѣваетъ тесьму въ гривну и оставляетъ ее на столѣ*).

Пелагея (*держась за сердце*). Съ радости-то сердце все въ порядокъ не придетъ, такъ и колышется. Чѣмъ бы тебя попотчивать? Постой, намедни дядя Калистратъ Ваничкѣ на базарѣ пряниковъ купилъ. Твердоваты, а сладкіе. Я тебѣ достану. (*Тянется на полку за пряниками*). Охъ!

Иванъ (*подбѣгая и поддерживая жену*). Что съ тобой?

Пелагея. Охъ! сердце! (*Лишается чувствъ*).

Иванъ (*кладетъ жену на лавку*). Сомлѣла. Надо водой вспрыснуть. (*Идетъ за водой*). Да къ чему? (*Останавливается*). Какъ же я отъ нея уйду? Такъ лучше. Очнется,—а меня и не будетъ. Подумаетъ, что во снѣ видѣла. (*Подходитъ къ Пелагеѣ*). Родная моя! Какъ исхудала. А узнаешь о моей участи, совсѣмъ изведешься. Голубушка моя! (*Подходитъ къ окну*). Вонъ ужъ мѣсяцъ какъ высоко стоитъ, и тучи надвигаются. Пора и въ путь собираться, къ боярину, на пытку палачовую, да на смерть лютую и позорную. Охъ, тяжело! (*Подходитъ къ зыбкѣ*). Сынъ ты мой

ненаглядный! первенецъ! Не придется мнѣ больше приласкать тебя; поиграть съ тобою. Не придется услышать лепета твоего дѣтскаго; поддержать тебя на ноженькахъ твоихъ; прижать къ сердцу родительскому. (*Благословляетъ сына и долго смотритъ на него, утирая слезы; затѣмъ подходитъ къ столу и беретъ гривну*). Вотъ тебѣ на память гривна боярская, смертный даръ за жизнь отца твоего, разбойника. (*Кладетъ гривну въ зыбку и подходитъ къ женѣ*). Прощай и ты, Пелагеюшка, радость моя! Прощайте, желанные мои! Отъ своего счастія на смерть неминучую иду. Сердце кровью обливается, а должонъ идти. Душою младенца моего заклялся; не сгублю ее. Прощайте! (*Подходитъ къ двери и останавливается*). Не могу! не въ мочь!.. Сердце вытечетъ. (*Пелагея глубоко вздыхаетъ*). Вздохнула!.. Очнется—не уйти мнѣ тогда. Прощайте! (*Уходитъ*).

Пелагея (*очнувшись*). Ты не пугайся, Ванюша; вотъ и отошло. (*Оглядывается*). Да гдѣ же онъ? Сейчасъ тутъ сидѣлъ, возлѣ меня. Гдѣ же онъ? (*Выбѣгаетъ за дверь*). Ваня! Ванюша! (*Возвращается*). Нѣтъ никого. Только вѣтеръ гудитъ, словно хохочетъ. Али я во снѣ его видѣла? Да нѣтъ! Тутъ сидѣлъ; цѣловалъ меня, миловалъ. Горятъ еще на мнѣ ласки его; слышу слова его радостныя. (*Подбѣгаетъ къ зыбкѣ*). И гривна на Ванюшу надѣта. Былъ онъ здѣсь, былъ во-очію! Побѣгу за нимъ! Догоню! Умолю вернуться; у ночи его выпрошу. (*Подбѣгаетъ къ дверямъ и хватается за косякъ, обернувшись лицомъ къ публикѣ*). Подкосились ноженьки; нѣтъ силушки... Доля моя, доля! Охъ! (*Тихо склоняется на полъ*).

Конецъ 4-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Картина 1-ая.

Дорога въ лѣсу. Свѣтаетъ. (*Входитъ* **Иванъ**).

Иванъ. Отдохну немного. Притомился; а путь еще не малый. Надо къ полудню поспѣть. (*Садится*). Эхъ, участь моя горькая! Сердце кровью залилося; словно камень тяжелый въ груди. Лучше и не ходилъ бы къ нимъ. Очнется она, моя голубушка, а меня и нѣтъ. Не умерла бы съ горя. На кого тогда младенецъ останется? Родные мои! Ужъ какъ тянетъ вернуться къ вамъ; а нельзя! Больно грѣхъ великъ. На душу младенца путы наложу, тяжкія, неразрывныя. И мать-покойница завѣщала муки пріять, не бѣгать отъ нихъ... Не долго терпѣть; скоро кончится. (*За сценой Хомякъ издали поетъ*):

Ты взойди, взойди красно солнышко,
Надъ горою, надъ высокою.

Иванъ. Ишь поетъ какъ! Солнышко встрѣчаетъ. Радостно ему. (*За сценой Хомякъ продолжаетъ*):

Надъ горою, надъ высокою,
Надъ дубравой, надъ зеленою.

Иванъ. А я въ послѣдній разъ увижу его сегодня. Поклонюсь ему, пока сила есть, пока не искалѣчатъ меня тамъ, на службѣ у боярина. (*Хомякъ продолжаетъ*):

Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцовъ,
Добрыхъ молодцовъ беззаботныихъ.

(*Съ пригорка спускаются* **Рогачъ** *и* **Хомякъ**).

Рогачъ. Кто тутъ сидитъ?

Иванъ (*встаетъ*). Никита, ты?

Рогачъ. Я Никита. А ты кто?

Иванъ. Иванъ плотникъ. Помнишь?

Рогачъ. И впрямь онъ! Здорово, Ванюха!

Иванъ. Здравствуйте. (*Здороваются*).

Рогачъ. Какъ это тебя угораздило сюда попасть? Вѣдь тебя, молвили, сцапали намедни въ Глинскомъ бору. Что-жъ ты? убѣгъ?

Иванъ. Нѣтъ.

Хомякъ. Какъ же?

Иванъ. Отпустили.

Рогачъ. Отпустили? Съ чего бы такъ? Али надъ твоимъ сиротствомъ сжалились, къ бабѣ на поправку послали.

Хомякъ. Кто же отпустилъ? Не Сучокъ-ли?

Иванъ. Нѣтъ, не Сучокъ; тотъ даромъ не отпуститъ. Самъ бояринъ князь Ромодановскій отпустилъ.

Хомякъ. Ну?!

Рогачъ. Этотъ шутить не любитъ; какъ медвѣдь деретъ. Неужели онъ отпустилъ?

Иванъ. Онъ.

Рогачъ. Для чего?

Иванъ. На срокъ отпустилъ, повидать сына младенца. Не видалъ я его еще.

Рогачъ. Коли не врешь, такъ правда.

Хомякъ. На какой срокъ?

Иванъ. Сегодня до полудня.

Рогачъ. Дуракъ же онъ, боярэнъ, коли отпустилъ; да и ты не уменъ, что еще до сихъ поръ здѣсь болтаешься, а не ушелъ далеко отъ Москвы.

Иванъ. Нельзя. Клятву далъ. Душу младенца порукой поставилъ.

Хомякъ. Чудакъ-парень! По нуждѣ далъ. Али назадъ на смерть вернешься? Отмолишь.

Иванъ. Нельзя никакъ.

Рогачъ. Чего нельзя? Забирай семью, да и валяй въ Кіевъ къ хохламъ. Тамъ исповѣдайся монахамъ; исполни, что они укажутъ, и снимется грѣхъ твой, клятва твоя. А житье тамъ хорошее. И въ Туречину, и на татаръ, на кого хошь иди. Казачество доброе, ласковое. Всѣхъ принимаетъ. Кто въ Троицу Святую вѣруетъ, да крестится по нашему—и довольно! Мы сами туда съ Хомякомъ собираемся. Здѣсь не въ моготу становится, тѣснятъ очень. Пойдемъ вмѣстѣ. У меня еще Сучковы деньги не перевелись. Я тебѣ помогу. Сладимъ подводу, заберемъ твою бабу съ мальцомъ, да и поѣдемъ. Дорогой я и свою прихвачу. Есть тутъ у меня кума. Съ другимъ вѣнчана, а мнѣ по нраву пришлась. Баба добрая! На богомолье, молъ, въ Кіевъ собрались. Дороги знакомыя. Улизнемъ. А тамъ дальше путь гладокъ. Противъ насъ троихъ не сунутся.

Хомякъ. Ѣдемъ, Ванюха! Развеселое дѣло! Жизнь-то какая пойдетъ, какъ до хохловъ доберемся. Жрутъ у нихъ не по нашему, да и пьютъ тоже здорово! А ужъ горилка ихъ не нашему зелью чета. Какъ выпьешь, такъ и крякнешь. Словно тебѣ горячаго масла въ утробу налили; по всѣмъ суставамъ пройдетъ. Вотъ только съ бабами...

Рогачъ. Что-жъ, что съ бабами. Нешто безъ нихъ можно обойтись? Такой законъ положонъ. Бабу люби, а себя не губи. Знай время и мѣсто. А коли младенецъ съ кѣмъ въ пути, такъ онъ счастье приноситъ, бѣду отводитъ. Безгрѣшная душа и насъ охранитъ.

Хомякъ. Идемъ, Ванюха! Чего время терять. Далеко деревня твоя?

Иванъ. Нельзя, други мои. Нельзя никакъ!

Рогачъ. Почему? баранья голова! Али жисть надоѣла, умирать захотѣлъ?

Иванъ. Гдѣ надоѣсть! Теперь бы только и жить, какъ семью повидалъ.

Рогачъ. Такъ чего-жъ ты кобянешься? Али тебѣ въ застѣнкѣ всѣ мозги взболтали, разсудить не можешь? (*Восходитъ солнце; раздается пѣніе птицъ*).

Хомякъ. Да ты только оглянись, вдохни хорошенько, во всю! Благодать-то какая! Все солнышку радуется: и земля, и дерева. Птицы-то какъ заливаются. Слушай! Я парень тертый, съ опаской хожу; а тутъ не могъ, не стерпѣлъ! грудь не вынесла! Запѣлъ пѣсню молодецкую. А ты въ такое утро самъ на смерть идешь. Лѣсъ зеленый—на каменный мѣшокъ, Божій свѣтъ—на тьму, волю — на могилу смѣнять хочешь. Очумѣлъ совсѣмъ.

Иванъ. Нѣтъ, не очумѣлъ. Кабы только на свою душу клятву наложилъ, може и рѣшился бы съ вами, да съ семьей моей любимой новой жизни поискать. Но на сына... на младенца... его душой клялся. Нельзя!

Хомякъ. Ты заклялся, а не онъ. Всякъ за себя отвѣчаетъ. Онъ тутъ не при чемъ.

Иванъ. Онъ не при чемъ, да за меня и его отвѣтъ. Волею я клятву далъ. Не дастъ ему Господь ни счастья, ни удачи въ жизни.

Рогачъ. Тамъ, въ Кіевѣ, монахи и это обладятъ. Ты только сполняй, что они велятъ—и ничего. Помилуетъ Господь.

Иванъ. Такъ-то такъ. Хорошо было бы съ семьею на волѣ пожить, рукомесломъ своимъ заняться.

Хомякъ. Тамъ, братъ, плотничье дѣло уважаютъ. Нужный народъ. Хошь—рукомесломъ, а не хошь, такъ иной работой жить станешь; православныхъ христіанъ отъ татарской неволи откупать; да не казной, а силой. И сына казакомъ сдѣлаешь. Идемъ!

Иванъ. Хорошо бы; какъ хорошо! Да Богъ накажетъ.

Хомякъ. Ну вотъ! Да ты не думай объ этомъ; послѣ надумаешься. Теперь о волѣ думай.

Иванъ Нельзя не думать. Былъ у насъ на селѣ кузнецъ и тоже на сына заклялся, да и нарушилъ клятву. И самъ сгибъ, и сына сгубилъ. Помутился малецъ умомъ, словно блажной сталъ. Долго такъ маялся, напослѣдокъ въ овинѣ сгорѣлъ. Вотъ оно что.

Рогачъ. Грѣха не отмолилъ. А ты отмолишь, какъ тамъ нужно, по книгамъ. Монахи вѣдаютъ. (*Встаетъ*). Да что съ тобой долго толковать! Хошь, иди съ нами, не хошь—оставайся. Твоя голова, твоя и воля. Солнце взошло; въ путь пора!

Хомякъ (*встаетъ*). Идемъ, Ванюха! Ты не сомнѣвайся. Заживешь такъ, что и слава тебѣ Господи! Что ребятъ, что поросятъ—не перечтешь. Идемъ!

Иванъ (*встаетъ*). Пойти развѣ? Проститъ Господь! Отмолю... страшно!..

Рогачъ. Вѣстимо. отмолишь. Идемъ!

Иванъ. Ну, идемъ! Спасибо вамъ, братцы! Вѣкъ не забуду услуги вашей. Заживу съ семьей на новыхъ мѣстахъ; рукомесломъ своимъ займусь; сына выращу. Милостивъ Господь! Отмолю грѣхъ; на себя возьму. Съ сына снимется.

Хомякъ. Снимется. Идемъ! (*Раздается нѣсколько рѣзкихъ криковъ совы*).

Иванъ. Что это?

Рогачъ. Не узналъ развѣ? Сова кричитъ; потревожилъ ее кто.

Иванъ. Нѣтъ, это не сова! Блажной Степка тоже такъ кричалъ, за душу хваталъ. Это онъ кричитъ; упреждаетъ меня.

Хомякъ. Съ ума ты спятилъ. (*Раздается далекій благовѣстъ къ заутренѣ*).

Иванъ. Нѣтъ, не спятилъ! (*Снимаетъ шапку*). Слышите? Благовѣстъ! Господь къ Себѣ во храмъ зоветъ; о грѣхахъ напоминаетъ, о клятвѣ моей. Не пойду я съ вами! Не пойду! Не сгублю души сына моего, первенца. Сколько я съ вами времени стерялъ. Опоздаю, поди! Помоги Господи! (*Убѣгаетъ*).

Хомякъ. Чудакъ—парень.

Рогачъ. Нѣтъ, не чудакъ. Совѣсть въ немъ есть; а у насъ она затерялася, и не отыщешь ее.

Картина 2-ая.

Преображенскій застѣнокъ. Утро. **Ромодановскій**, **Сучонъ** и **Дымша** сидятъ на своихъ мѣстахъ. **Два палача** стоятъ около дыбы. **Пять гудочниковъ** стоятъ передъ помостомъ; ихъ гудки и сопели свалены въ кучу у помоста.

Ромодановскій (*къ гудочникамъ*). Какъ же вы смѣли такъ про царское величество молвить? Очумѣли развѣ?

Гудочники (*бросаясь на колѣни*). Помилуй, бояринъ! Съ пьяна брехнулось. И впрямь очумѣли съ перегару. Свадебное дѣло.

Ромодановскій. Пей, да не напивайся. (*Къ Дымшѣ*). Читай дальше.

Дымша (*читаетъ*). «И молвивши словеса сіи непотребныя, взыграли въ гудки и сопели, и поиде у нихъ дымъ коромысломъ, ничего не разбираючи. И такъ до утрія бѣса тѣшили и заутреню прогуляли, аки свиніи».

Ромодановскій. Встаньте! (*Гудочники встаютъ*). Кто же изъ васъ словеса сіи непотребныя молвилъ?

Гудочникъ. Не вѣдаемъ, бояринъ! Не помнимъ ничего! И впрямь, аки свиніи, насосались винища этого, да браги хмѣльной. Помилуй! (*Валятся на земь*).

Ромодановскій. Не валяйтесь. Встаньте! А то плетьми поднять велю. (*Гудочники встаютъ*). Надо пощупать языки ваши; отыщется виноватый. (*Задумывается и вполголоса*). Что же эго онъ не идетъ? Время ужъ... Неужели обманетъ?

Сучокъ. Обманетъ, бояринъ; безпремѣнно обманетъ. Ты вчера на меня осерчалъ, а только...

Ромодановскій (*перебивая*). Врешь ты, крапивное сѣмя! Не обманетъ онъ! Придетъ! Знаю я натуру русскую, не подъячью, а вольную; такова она: убьетъ, ограбитъ, а заклянется—не обманетъ. Придетъ.

Сучокъ. Подождемъ—увидимъ, бояринъ. Дай Богъ, чтобы пришелъ. Успокоитъ твою княжескую милость.

Ромодановскій (*къ гудочникамъ*). Такъ не вспомнили, кто тѣ словеса молвилъ?

Гудочникъ. Дозволь, бояринъ, все споначалу повѣдать.

Ромодановскій. Повѣдай.

Гудочникъ. Позвали этта насъ къ московскому купцу Перевалову на свадебный пиръ, его милость съ гостями потѣшать, жару поддать. А наше рукомесло извѣстное:—весельемъ торгуемъ. Пѣсни, сказочки, шутки, прибаутки, гомонъ, да плясъ. Скоморошное дѣло. Купецъ тароватый, хмѣльнаго не жалѣлъ. Самъ потягивалъ, да намъ подтягивалъ. Обалдѣли совсѣмъ! Про царя Гороха сказку сказывать велѣлъ.

Ромодановскій. Кто же сказывалъ?

Гудочникъ. Я сказывалъ, а мои подлаживали. Вѣдомая сказка. Чай и ты слыхалъ, бояринъ.

Ромодановскій. Слыхалъ.

Гудочникъ. Вотъ тутъ оно и приключилося. Ввернулъ кто-то словечко, знамо Гороха разумѣючи; а кто? убей Богъ—не вѣдаемъ! И у того, кто баялъ, и у тѣхъ, кто слышали, такая послѣ метелица въ башкахъ замела, все запорошила. А злые люди,—гдѣ ихъ нѣтъ,

бояринъ, и донесли. Брехали, молъ, супротивъ государя нашего. А мы, видитъ Богъ! и на пирахъ, и на торжищахъ всегда государя нашего славою величаемъ на многія лѣта. Смилуйся, бояринъ! Накажи, да отпусти. Не сгуби на вѣкъ; не обездоль сёмьишки наши.

Ромодановскій. Такъ... красно растабарываешь. Силантьичъ пощупаетъ, гдѣ она у васъ память спрятана. Потолкуйте промежъ себя, можетъ и отыщется виновный. Я подожду; помѣшкаю. (*Задумывается*). Пожалуй и впрямь не придетъ. Время къ полудню... Не придетъ. Думалъ, что побоится зарока клятвеннаго на младенца сына наложеннаго—и обманулся. Взялъ позоръ на свою сѣдую голову; обабился... Одурачилъ меня здѣсь, въ застѣнкѣ, воръ; передъ всѣми одурачилъ. Царь-то Петръ Алексѣевичъ лучше меня чуялъ. Что это, баялъ, ты, князь, сталъ воровъ на оброкъ пущать. Новые порядки заводишь. Коли придетъ — правъ будешь; а не придетъ—надо мнѣ будетъ новаго слугу поискать, чтобы не распускалъ воровъ на заработки. Стыдъ-то какой! Горько мнѣ, коли обманетъ меня. Не его жаль, а душу русскую; вѣру потеряю въ нее.

Сучокъ. Ты бы, бояринъ, послалъ за нимъ погоню. Накроютъ его и приведутъ. Далеко не уйдетъ. И я съ нею на развѣдки поѣду. Около того мѣста, гдѣ его словили, пошаримъ, и къ допросу сосѣднихъ крестьянъ возьмемъ. Допытаемся. Должны знать его.

Ромодановскій. Тебя опять въ лѣсъ тянетъ. Свое добро поискать хочешь. Томишься по немъ.

Сучокъ. И о добрѣ своемъ поразспрошу. У меня деньги-то мѣчены были. Кое что отыщется.

Ромодановскій. Что толку, если и поймаютъ его. Не самъ пришелъ. Мой позоръ при мнѣ и останется. Эхъ, Ванюха! Подкупили меня очи твои свѣтлыя, голосъ твой звонкій; чуялась въ нихъ душа человѣчья. И обманулся... И впрямь старъ сталъ; бабиться началъ. Пора у царя на покой проситься; не слуга я ему. (*Помолчавъ*). Время полдничать. (*Встаетъ, къ Сучку*). Коли придетъ—сейчасъ ко мнѣ веди. Можетъ запоздалъ, препона какая дорогою учинилась. А не придетъ—моя вина, мой и отвѣтъ. Пусть царь меня, старика, на дыбу вздыметъ за то, что разжалобился; его казнь на меня наложитъ. Вытерплю.

Сучокъ. Что же съ гудочниками дѣлать повелишь? Пытать безъ тебя, али до вечера оставить?

Ромодановскій. Пускай до вечера здѣсь побудутъ; авось вспомнятъ, кто изъ нихъ непотребныя словеса молвилъ. А не вспомнятъ, ужо допытаемся. Напомнимъ. (*Выходитъ изъ-за стола*). Эхъ, на чемъ опозорился! (*Вбѣгаетъ стражникъ*).

Стражникъ. Пришелъ, бояринъ!

Ромодановскій. Пришелъ! Кто?

Стражникъ. Отпущенный. Еле дышетъ. Бѣгомъ бѣжалъ.

Ромодановскій. Слава тебѣ, Господи! Зови его сюда. (*Входитъ Иванъ*).

Иванъ. Кажись, не запоздалъ, бояринъ? Бѣгомъ бѣжалъ. Задержали въ лѣсу.

Ромодановскій. Нѣтъ, не опоздалъ. Полдень какъ разъ.

Иванъ (*низко кланяясь*). Спасибо тебѣ, бояринъ, за милость твою и отъ семьи моей, и отъ младенца сына моего, первенца. Отнесъ я ему гривну твою, на шею надѣлъ. Повидался съ милыми, а теперь объ одномъ молю. Казни меня скорѣй! Не въ моготу жизнь стала; совсѣмъ не въ моготу.

Ромодановскій. Спасибо тебѣ, добрый молодецъ, Иванъ Ивановичъ, что сдержалъ ты клятву свою; не положилъ позора и на мою сѣдую голову; не посрамилъ меня передъ царемъ. И хоть долженъ я по закону казнить тебя порядкомъ установленнымъ; но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Повѣдалъ я вчера про тебя царю Петру Алексѣевичу; повѣдалъ и про богатырство твое; и повелѣлъ государь, коли явишься, простить тебѣ всѣ вины твои и записать тебя въ полкъ, что подъ Азовъ идетъ. Тамъ, въ честномъ бою съ врагами русской земли, заслужи ты милость царскую. А убережетъ тебя Господь, вернешься съ войны—и съ семьею опять увидишься. Тогда и сына твоего приводи ко мнѣ. Близкимъ станетъ; не забуду его.

Иванъ (*падаетъ на колѣни*). Бояринъ! Велика милость Господня! Соблазняли меня: и лѣсъ зеленый, и небо синее, и люди вольные. Не послушался ихъ; внялъ призыву Божьему—а вотъ теперь и царскаго прощенія удостоился. И самъ живъ, и клятву не избылъ, и съ семьею, дастъ Богъ, увижусь! Буду служить вѣрою и правдою государю нашему. Искуплю вины свои. (*встаетъ*).

Ромодановскій (*къ Сучку*). Ну что? не пришелъ?

Сучокъ. Я по своему думалъ.

Ромодановскій. Ты-то никогда бы не пришелъ. Да я бы тебѣ и не повѣрилъ. Волчья въ тебѣ душа съ лисьей смѣшана. (*къ гудочникамъ*). На радостяхъ развѣ и о васъ вспомнить?

Гудочники (*валятся на земь*). Помилуй, бояринъ! Смилуйся!

Ромодановскій. Я и о васъ тоже царю докладывалъ. И повелѣлъ онъ, по добротѣ своей, коли покаетесь, помиловать васъ, отпустить на всѣ четыре стороны. Только того, что видѣли здѣсь, не забывайте. Попадетесь еще — и старое припомню.

Гудочники. Каемся, бояринъ, каемся! Вѣкъ не забудемъ милости царской и твоей, бояринъ! и дѣтямъ накажемъ. Слава государю нашему, свѣту Петру Алексѣевичу!

Ромодановскій. Стой! разбирай гудки! Величай царя славою, по старинному. (*гудочники встаютъ и разбираютъ инструменты; запѣвало поетъ*):

Слава Богу на небѣ.
Слава!
Государю нашему по всей землѣ.
Слава!
Да чтобы правда на Руси краше солнца была.
Слава! Слава!

Всѣ, находящіеся на сценѣ, послѣ каждаго стиха подпѣваютъ: «слава»! Ромодановскій величаво дирижируетъ хоромъ.

1900 г.

Конецъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Патріархъ Никонъ *).

1.

Въ воскресный день, въ Москвѣ, въ Успенскомъ храмѣ
Шла поздняя обѣдня, а служилъ
Митрополитъ новогородскій Никонъ.
И благолѣпно совершалась служба; чинно
Вдоль алтаря стояли іереи,
Торжественно звучалъ согласный хоръ,
И всѣ съ почтеньемъ великимъ взирали
На строгаго владыку. Не любилъ
Онъ потакать небрежности обычной
Въ служеньи Богу, и въ великомъ страхѣ
Держалъ весь клиръ, столь падкій до стяжанья
И превращавшій храмъ въ вертепъ корысти,

*) Въ прежнихъ изданіяхъ этого стихотворенія, написаннаго въ 1878 году, смерть Никона происходитъ весною. А такъ какъ Никонъ умеръ 17 Августа 1681 г. т. е. осенью, то авторъ, желая во всѣхъ стихотвореніяхъ своихъ оставаться вѣрнымъ историческимъ даннымъ, измѣнилъ конецъ этого стихотворенія, исправивъ и его редакцію.

Всѣ неподвижно, ожидая въ страхѣ,
Чѣмъ разрѣшится дума Государя...
И тутъ случилось зрѣлище, какого
Никто во храмѣ этомъ не видалъ.
Царь Алексѣй, преемникъ Іоанна,
Самодержавный деспотъ всей Русй,
Передъ крестьянскимъ сыномъ опустился
Вдругъ на колѣни и, главу склонивъ,
Сталъ со слезами умолять, чтобъ Никонъ,
Во имя Божье, внялъ мольбѣ и далъ бы
Свое согласье; что предъ нимъ теперь,
Въ лицѣ царя, помазанника Бога,
Вся Русь склонилась и смиренно проситъ
Ее почтить рѣшеніемъ своимъ.
Вслѣдъ за царемъ и весь соборъ духовный
Безмолвно преклонился и внималъ
Его словамъ. При видѣ Государя,
Стоявшаго предъ нимъ въ такомъ смиреньи,
У Никона ужъ не хватило силы
Упорствовать въ отказѣ. Согласился
Онъ патріаршій санъ пріять; любовно
Облобызался съ государемъ; низко,
Но величаво поклонился всѣмъ,
Съ царемъ во храмъ пришедшимъ; прослезился —
Какъ патріархъ, ихъ всѣхъ благословилъ,
Со всѣми ими вкупѣ помолился
И по домамъ ихъ съ миромъ отпустилъ. *)

*) Никонъ, въ міру Никита, былъ сынъ крестьянина Нижегородской области, села Вильдеманова.

2.

Прошли года, и вновь въ Успенскомъ храмѣ
Служилъ обѣдню Никонъ патріархъ.
Все также чинно совершалась служба;
Торжественно звучалъ согласный хоръ;
Но на челѣ суроваго владыки
Глубокія виднѣлися морщины,
Слѣды заботъ и думы роковой.
Не праздникъ и излюбленнымъ покоемъ
Былъ для него святительскій престолъ.
Онъ не мирился съ властью, какъ съ почетомъ;
Онъ жаждалъ дѣла. Въ глубинѣ души,
Еще въ давно минувшія годины
Въ немъ зародились мысли: какъ помочь,
Какъ пособить лихому нестроенью,
Въ которомъ обрѣтались духовенство
И Божья служба въ храмахъ на Руси?
Онъ принялся за дѣло круто, строго.
Онъ безпощадно изгонялъ всѣхъ тѣхъ,
Которые безумно обращали
Въ постыдный торгъ — служеніе Христу.
Онъ обратилъ вниманье и на книги,
И на молитвы. Все, что исказили,
Неграмотные, грубые писцы,
Онъ захотѣлъ исправить разомъ, вдругъ!
Но онъ забылъ, что то, что накоплялось
Десятками и сотнями годовъ,
Того нельзя вдругъ измѣнить; къ тому же
Онъ былъ строптивъ, и гнѣвенъ непомѣрно,

И мстителенъ. Волною поднялòсь
Вокругъ его негодованье всѣхъ,
Кого касались эти перемѣны.
Оно росло и даже добралòсь
До слуха самодержца Алексѣя.
Но гордый Никонъ охранялъ ревниво
Свои права по власти патріарха.
Онъ твердо вѣрилъ въ заповѣдь Христа,
Чтобъ не мѣшать власть кесареву съ Божьей
И церкви власть не подчинять царю.
И онъ стремился такъ себя поставить,
Чтобъ, по примѣру папы, почитаться
Не подданнымъ, а братомъ, и къ тому же
Отцомъ духовнымъ русскаго царя.
И онъ достигъ желанной цѣли. Кроткій,
Благочестивый Алексѣй призналъ
Его права, и титуломъ великимъ
Его пожаловалъ, и съ нимъ всегда
Во всѣхъ дѣлахъ совѣтъ держалъ, и даже,
Въ походъ отъѣхавъ къ войску, поручилъ
Ему дѣлами государства править.
Но вскорѣ царь замѣтилъ, что надъ нимъ
Власть патріарха слишкомъ тяготѣла.
Какъ ни былъ онъ въ душѣ благочестивъ;
Но санъ свой царскій зорко охраняя,
Онъ недовѣрчивъ сдѣлался. Къ тому-жъ
Его бояре, Никона враги,
Ему твердили неустанно, дружно,
Что патріархъ дерзаетъ власть царя
Себѣ присвоить; что такая дерзость

Для всѣхъ прискорбна, и что царь всегда
Былъ самодержцемъ полнымъ и единымъ
Надъ всею Русью. Льстивыя слова
Царю пришлись по сѐрдцу, и онъ началъ
Охладѣвать къ любимцу своему,
Къ собинному пріятелю и другу.
Замѣтилъ Никонъ это охлажденье;
Замѣтилъ поздно и хоть совершилъ
Попытку прежнее вернуть; но понялъ,
Что это невозможно. Государь
Подпалъ вліянью сильному бояръ,
Его враговъ, и онъ, чтобы не впасть
Въ обычныя зависимость и рабство,
Рѣшился самъ сложить съ себя свой санъ.
Окончивъ службу, приложившись къ лику
Святителя Филиппа, помолившись
Передъ иконой чудотворной Спаса,
Онъ вышелъ на амвонъ и преподавъ
Народу поученье, объявилъ,
Что онъ слагаетъ патріаршій санъ
По недостоинству и по навѣтамъ злобы
Своихъ враговъ; затѣмъ разоблачился,
Оставилъ посохъ и отбылъ смиренно,
Безъ звона, въ Воскресенскій монастырь.
Казалось бы, что не зачѣмъ ужъ было
Его тревожить больше; но и тамъ
Онъ оставался страшенъ для побѣдныхъ
Своихъ враговъ, которые стремились
Помимо отрѣченья, осудить
Его судомъ церковнымъ и, лишивъ

Вполнѣ свободы, заточить на вѣки
Куда-нибудь въ далекій монастырь.
Коварными навѣтами смущали
Они царя; но тотъ все колебался,
Все Никона жалѣлъ, и, наконецъ,
Его отправилъ въ Крестный монастырь,
На Бѣломорьѣ имъ сооруженный.
Повиновался Никонъ. Безъ него
Его врагамъ уже нетрудно стало
Добиться мести. Созвали соборъ
Духовный, мѣстный, и рѣшили дружно
Не только замѣстить престолъ свободный,
Но снять и санъ, и благодать священства
Съ опальнаго владыки. Царь, однако,
Смутился духомъ сильно и рѣшилъ
Къ вселенскимъ патріархамъ обратиться,
И ихъ рѣшенью мудрому подвергнуть
Сомнительный соборный приговоръ.
Онъ пригласилъ въ Москву ихъ. Но явились
На зовъ его лишь двое; остальные
Имъ полномочья дали. Собрался
Соборъ великій духовенства, только
То былъ соборъ не истинный, а лживый,
Подкупленный заранѣе врагами
Владыки Никона. Какъ патріархъ,
Въ предшествіи креста, вошелъ онъ чинно
И, прочитавъ молитву, поклонился
И патріархамъ, и царю... Судили
Его два дня и, наконецъ, лишили
И сана, и священства. Утромъ рано

Въ одномъ изъ храмовъ Чудовскихъ собрàлся
Соборъ духовный; привели изъ кельи
Туда и Никона. Спокойно, гордо,
Вошелъ онъ въ храмъ и, сотворивъ молитву,
Всталъ передъ ними мòлча .. Не дерзали
Взглянуть на осужденнаго монаха
Рѣшители его судьбы; средь нихъ,
Въ торжественныя ризы облеченныхъ,
Лишь онъ одинъ, хотя въ одеждѣ скромной,
Былъ истинный владыка. Наконецъ,
Дрожащими устами приговоръ
Ему прочелъ митрополитъ рязанскій.
Спокойно слушалъ Никонъ, а затѣмъ
Отвѣтилъ такъ: — «Зачѣмъ меня позвали
Вы въ эту церковь? Если я достоинъ
Лишенья сана, такъ должны меня
Лишить его не здѣсь, не въ этомъ храмѣ,
Но тамъ, гдѣ я пріялъ верховный санъ.
Въ Успенскій храмъ ведите! тамъ вѣдь я,
По слезному моленію царя,
Сталъ патріархомъ, тамъ съ меня довлѣетъ
И снять мой санъ.» Но подкупные судьи,
Конечно, не внимали этой рѣчи
И лишь спѣшили кончить поскорѣй
Обрядъ тяжелый. Сняли панагію,
Клобукъ съ крестомъ и мантію владыкъ;
На земскій дворъ, какъ узника, подъ стражей
Его свезли; на утро-жъ, до зари,
Подъ тяжкую опалу удалили
Въ суровый Ѳерапонтовъ монастырь.

3.

Прошло еще годовъ не мало. Никонъ
Все былъ въ опалѣ и въ далекой ссылкѣ
Томился подъ надзоромъ неуклоннымъ
Приставленныхъ, бездушныхъ палачей.
Но и въ тиши обители далекой
Развѣнчанный владыка оставался
Все тѣмъ же Никономъ, суровымъ, строгимъ,
Какимъ онъ былъ въ минувшія годины,
Во оны дни величья своего.
Какъ Божій инокъ, какъ служитель церкви,
Какъ ратникъ воинства безкровнаго Христа,
Онъ такъ же строго относился къ людямъ,
Отрекшимся отъ суеты мірской
И посвятившимъ жизнь служенью Богу,
Да подвигамъ смиренья и добра.
Онъ продолжалъ держать себя далѐко
Отъ монастырской братьи. Недоступенъ,
Великъ, суровъ онъ былъ всегда средь нихъ;
И не сломился духъ его гордыни
Подъ бременемъ изгнанья и тоски.
Но и его томилъ недугъ тяжелый
Онъ изнывалъ отъ вѣчнаго бездѣлья;
Онъ жаждалъ власти, жаждалъ прежнихъ дней.
Не для почета только иль покоя
Онъ жаждалъ ихъ; онъ сознавалъ въ себѣ
И твердость духа, и привычку къ власти,
И знаніе, и просвѣщенный умъ.
И онъ все ждалъ посла̀нца изъ Москвы

Съ почетнымъ зовомъ. О, тогда настанетъ
И день отмщенья всѣмъ его врагамъ!
Онъ приметъ власть — и всѣхъ покорно склóнитъ
Къ своимъ ногамъ, и отплатúтъ сторицей
Тому собору жалкому, который
Постановилъ постыдный приговоръ.
И вотъ, однажды, ночью, въ монастырь
Дѣйствительно пріѣхали посланцы
И привезли съ собой такую вѣсть:
Царь Алексѣй скончался, царь Ѳеодоръ
Вступилъ на прародительскій престолъ
Царей московскихъ, и, согласно волѣ
Усопшаго отца и государя,
Онъ дозволяетъ Никону, вернуться
Въ свой Воскресенскій новый монастырь.
Опальный Никонъ выслушалъ посланца
Спокойно, гордо. Не промолвивъ слова,
Направился онъ къ храму и велѣлъ
Ударить въ колоколъ поліелейный.
Раздался погребальный звонъ, стеклися
Монахи и народъ въ соборный храмъ,
И тамъ смущенный Никонъ совершилъ,
Соборне съ монастырскимъ духовенствомъ,
Поминовенье по усопшемъ, а затѣмъ
Вознесъ молитвы къ Господу о здравьи
И долголѣтьи новаго царя.

4.

Была пора осенняя. По Волгѣ,
На баркѣ скромной, возвращался Никонъ

Изъ ссылки въ Воскресенскій монастырь.
Года прошли не даромъ; расшатали
Они здоровье Никона и тяжко
На бодрости его отозвалйсь.
Его томилъ мучительный недугъ,
Подарокъ той болотистой рѣки,
По берегамъ которой онъ, въ опалѣ,
По цѣлымъ днямъ задумчиво бродилъ.
Смерть Алексѣя повліяла также
На черствую натуру старика.
Со смертью государя обрывалась
Послѣдняя надежда. Значитъ, втуне
Онъ столько лѣтъ все думалъ и мечталъ,
Что если царь при жизни не рѣшится
Его вернуть, то на одрѣ болѣзни,
Предъ смертнымъ часомъ, ужъ захочетъ вѣрно
Увидѣться съ своимъ собиннымъ другомъ
И отъ него прощенье получить.
Но Алексѣй скончался. Что-жъ? Остался
Для распри ихъ еще послѣдній судъ.
Не долго ждать. Онъ чувствовалъ, что скоро
И для него наступитъ смертный часъ,
Когда и онъ предстанетъ передъ Богомъ
И позоветъ на правый судъ Его
Своихъ враговъ, своихъ позорныхъ судей,
И въ ихъ главѣ — усопшаго царя.
Зажглись по небу полосы разсвѣта;
Но Никонъ не ложился. Много лѣтъ
Онъ мучился безсонницей. Не зная,
Чѣмъ скоротать томительную ночь,

Покинулъ онъ страдальческое ложе
И, не тревожа никого, одинъ
Пошелъ наверхъ. На палубѣ просторной
Все было тихо. Спали мертвымъ сномъ
Уставшіе рабочіе на до́скахъ,
И только на кормѣ стоялъ бурлакъ,
И твердою, испытанной рукою
Онъ правилъ баркой. Никонъ помолился
И тихо опустился на скамью,
Стоявшую подъ парусомъ у мачты.
Гонимая попутнымъ вѣтромъ барка
Неслась по Волгѣ быстро, оставляя
Вслѣдъ за собой журчащія струи.
Широкими и мутными волнами
Текла рѣка; вдали, изъ-за пригорка
Всходило солнце, прогоняя быстро
По берегамъ сгустившійся туманъ.
Осеннимъ жаромъ грѣло оно землю,
Прощаясь съ ней до радостной весны—
И овладѣлъ потокъ иного чувства
Озлобленной душою старика.
Согрѣтый воздухъ вѣялъ благодатно
На утомленный мозгъ и вызывалъ
Въ его душѣ минувшаго картины...
И вспомнилось ему былое время,
И вспомнилъ онъ минувшіе года.
Вотъ онъ ребенокъ. Сколько испытаній
Онъ перенесъ отъ мачихи. Она,
Какъ дикій звѣрь, его терзала, даже
Чуть не убила разъ; но все сносилъ

Онъ, бѣдный мальчикъ, хилый и больной.
А вотъ и монастырь, гдѣ такъ прилежно
Онъ занимался чтеніемъ священныхъ
Церковныхъ книгъ. Вотъ величавый старецъ,
Священный инокъ, просвѣтившій мудро
Его познаньемъ возбужденный умъ.
Затѣмъ — Москва... священство... бракъ... семья...
Потеря всѣхъ своихъ дѣтей... потомъ,
Влекомый жаждой подвиговъ священныхъ,
Ушелъ онъ къ морю Бѣлому и тамъ
Въ скиту Анзерскомъ принялъ постриженье.
Какъ онъ любилъ безмолвіе природы;
Какъ горячо молился онъ, мечтая
Всю жизнь свою въ обители священной
Провесть въ трудахъ, молитвѣ и тиши.
Какъ былъ тогда онъ чистъ душой. А послѣ:
Гордыня... суета... и жажда власти,
Желанье мести... самолюбье... злость...
И тутъ впервые, гордый, непреклонный,
Развѣнчанный владыка вдругъ почуялъ
Потребность всепрощенья. Предъ природой,
Подъ благотворными лучами солнца,
Подъ мѣрный шумъ рокочущей волны,
Вдыхая воздухъ благодатный утра,
Съ смиреніемъ смотря на бурлака,
Котораго мозолистыя руки
Всю жизнь трудились тяжко лишь затѣмъ,
Чтобы на хлѣбъ насущный заработать —
Сознàлъ тутъ Никонъ, какъ глубóко онъ
Погрязъ душой въ грѣховной суетѣ;

Созналъ и то, что судъ надъ нимъ былъ правый,
Что этотъ судъ, хотя лицепріятный,
Былъ справедливъ — зане, по волѣ Бога,
Онъ за гордыню покаралъ его.
Смягчилось сердце, подступили слезы
Къ его очамъ — и полились свободно
По изможденнымъ старческимъ щекамъ.
Палъ на колѣни Никонъ, и склонивши
Свою сѣдую гордую главу,
Онъ сталъ молить у Господа прощенья
Своимъ грѣхамъ, и добровольно, самъ,
Отъ всей души, отъ искренняго сердца,
Простилъ впервые всѣмъ своимъ врагамъ.
Какъ хорошо онъ чувствовалъ на сѐрдцѣ
Въ тотъ сладкій мигъ, въ тотъ примиренья часъ.
И долго онъ молился умиленно,
И долго плакалъ... наконецъ, поднялся,
Съ улыбкой оберпулся къ бурлаку,
Хотѣлъ къ нему приблизиться, чтобъ братски
Облобызаться съ нимъ отъ всей души —
Но вдругъ почуялъ, что въ его груди
Какъ будто что-то лопнуло у сердца,
И кровь изъ горла хлынула струей.
Онъ пошатнулся... слабыми руками
За грудь схватился и, склонившись тихо,
Упалъ на дѐски. Поднялàсь тревога.
Сбѣжались всѣ; хотѣли поскорѣе
Его снести въ каюту на постель;
Но онъ открылъ глаза и улыбнулся,
И слабою рукою указалъ,

Чтобы его перенесли на берегъ,
На луговую сторону рѣки.
Остановили барку. Осторожно
Его на берегъ на рукахъ снесли
И положили, на лугу зеленомъ,
На свѣжій стогъ разметанный травы.
Владыка былъ недвижимъ. Тонкой струйкой
Изъ устъ его слегка сочилась кровь;
Но очи были ясны, и съ улыбкой,
Давно незримой на его лицѣ,
Обвелъ вокругъ онъ взоромъ и направилъ
Его на небо. Въ вышинѣ, надъ нимъ,
Едва виднѣясь въ синевѣ глубокой,
Тянулася станица журавлей,
Въ далекій край на зиму отлетая
Къ веснѣ иной, гдѣ вѣчное тепло.
Вокругъ безмолвствовали. Долго, долго
Слѣдилъ полетъ ихъ Никонъ; а затѣмъ
Вдругъ застоналъ... хотѣлъ перекреститься...
Шепнулъ, но что́, понять ужь не могли...
И умеръ онъ, сынъ пахаря и жницы,
На лонѣ чистомъ матери-земли.

1878 г.

Иванъ Грозный подъ Псковомъ *).

Давно уже ночь опустилась надъ Псковомъ;
Но въ городѣ глàза никто не смыкалъ
И съ трепетомъ сердца, въ ужасномъ томленьи,
Грядущаго часа погибели ждалъ.

Тяжелая ночь... За стѣной городскою
Раскинулся станъ кровожадный царя,
Готовый во градъ неповинный ворваться,
Едва заалѣетъ на небѣ заря.

И въ станѣ опричномъ немногіе спали;
Точили ножи, заостряли мечи;
И только разсвѣта желаннаго ждали.
Готовились къ тяжкимъ трудамъ палачи.

Знакомы они, какъ чинится расправа
Надъ вольнолюбивой толпой городской;
Не сыты еще новгородскою кровью,
Сбирался нынѣ отвѣдать псковской.

---

*) Въ прежнихъ изданіяхъ этого стихотворенія, написаннаго въ 1871 году, оказались нѣкоторыя существенныя историческія неточности, которыя нынѣ исправлены.

Но въ ставкѣ Ивана темно и спокойно;
Не слышно движенья, хотя онъ не спитъ,
Но плотно въ соболій тулупъ завернувшись,
Безмолвно на ложѣ спокойномъ сидитъ.

Вдругъ звонъ колокольный во Псковѣ раздался,
Ему отозвался другой — и во слѣдъ
Повсюду въ церквахъ зазвонили печально
Особеннымъ звономъ, предвѣстникомъ бѣдъ.

Гудѣли протяжно могучіе звуки,
Сзывая къ молитвѣ своихъ прихожанъ,
И быстро стекались на звонъ погребальный
Толпы неповинныхъ псковскихъ горожанъ.

И мѣрному звону дыханіе вѣтра
До слуха царя долетѣть помогло,
И вздрогнулъ Иванъ, и минувшаго бремя,
Воспрянувъ, на душу его налегло.

Напомнилъ ли звонъ ему юность и время,
Когда онъ на русское царство вступалъ,
Когда непосильное юношѣ бремя
Съ мужами разумными онъ раздѣлялъ?

Напомнилъ ли время казанскихъ походовъ,
Когда онъ впервые враговъ побѣждалъ;
Когда, передъ мудростью царской склоняясь,
Народъ отъ него лишь добра ожидалъ?

Напомнилъ ли то пережитое утро,
Когда, обезумѣвъ предъ страшной бѣдой,
Стоялъ онъ во храмѣ надъ свѣжей могилой
Столь рано погибшей жены молодой?

Напомнилъ ли бездну кровавыхъ дѣяній,
Кощунствъ, истязаній, убійствъ безъ конца,
И близкую смерть, да отвѣтъ неизбѣжный
Раба передъ вѣчной державой Творца?

Извѣстно лишь Богу... но только глубоко
Вздохнулъ онъ и выслушалъ звонъ до конца,
И что-то, чего ужъ давно не видали,
Мелькнуло въ чертахъ испитого лица.

И вышелъ онъ къ войску. Вокругъ ужъ собрались
Сподвижники подвиговъ страшныхъ его,
И только призыва царя дожидались,
Чтобъ казни начать, не щадя никого.

Но вмѣсто былого призыва къ убійству,
Къ расправѣ крутой, какъ твердила молва,
Къ рѣзнѣ безпощадной, къ кровавому пиру, —
Услышали звѣри иныя слова.

— «Притупите мечи, ужъ довольно убійствъ,
И лежачаго бить не довлѣетъ;
Изрекаю пощаду я всѣмъ — и никто
Измѣнить мою волю не смѣетъ.

Никому никакого вреда не чинить;
Никого обижать не дерзайте;
Даже тѣхъ, кто надъ вэми худое свершитъ,
Безъ суда моего не карайте.

Въ эту ночь по церквамъ, предъ святымъ алтаремъ,
Всю крамолу они искупили.
Божьей волѣ служа не однимъ лишь мечемъ,
Мы вины ихъ охотно простили.

Изумленно глядѣли бойцы на царя,
И словамъ его молча внимали;
Но никто возразить не рѣшался ему —
Гнѣва царскаго всѣ избѣгали.

Хоть сурово онъ встрѣтилъ толпу горожанъ,
Что̀ предъ нимъ съ хлѣбомъ-солью склонились
И со страхомъ безмолвнымъ, предъ грознымъ царемъ,
Въ невершенныхъ дѣяньяхъ винились;

Но не звѣремъ онъ въ городъ опальный вошелъ,
И святынямъ псковскимъ поклонился,
И безъ страшныхъ убійствъ, безъ расправы крутой,
Не коснувшись богатой казны городской,
Черезъ день онъ въ Москву удалился.

1871 г.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ:
7	11	Ольговъ	Ольговичъ.
13	10	что	что̀
16	6	Далеко	Далеко,
26	14	смирился.	смирился;
32	4	И	Но
37	9	храмъ	храмѣ
»	»	(Ряжскомъ)	(Ряжскаго)
58	17	я»—	я.»—
59	19	надоѣло?»	надоѣло?
64	23	рѣшился,	рѣшился
70	20	заточенъ.	заточенъ;
6	8	Зящемило	Защемило
11	3	часть крестьянъ	крестьяне

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СКАЗАНІЯ МИНУВШАГО. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Часть 1-я **Содержаніе:** Злой городъ. — Новгородъ. — Псковъ. — Коромыслова башня. — Архимандритъ Порфирій. — Великая княгиня Соломонія. — Иванъ Грозный подъ Псковомъ. — Ермакъ. — Печальникъ Русской земли. — Юрьевъ день. — Царевна Ксенія. — Козьма Мининъ. — Царица Марья. — Иванъ Сусанинъ. — Патріархъ Гермогенъ. — Архимандритъ Діонисій. — Утесъ Стеньки Разина. — Патріархъ Никонъ. — Разбойничья пѣсня. — Пустынникъ. — Голытьба. — Бояринъ. — Смерть Петра Великаго. — Княжья могила. — Двѣ жертвы. — Москва. — Княжна Тараканова. — Царь-Освободитель. — Картина грядущаго. Цѣна 1 р. 75 к. — Складъ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ въ Петербургѣ.

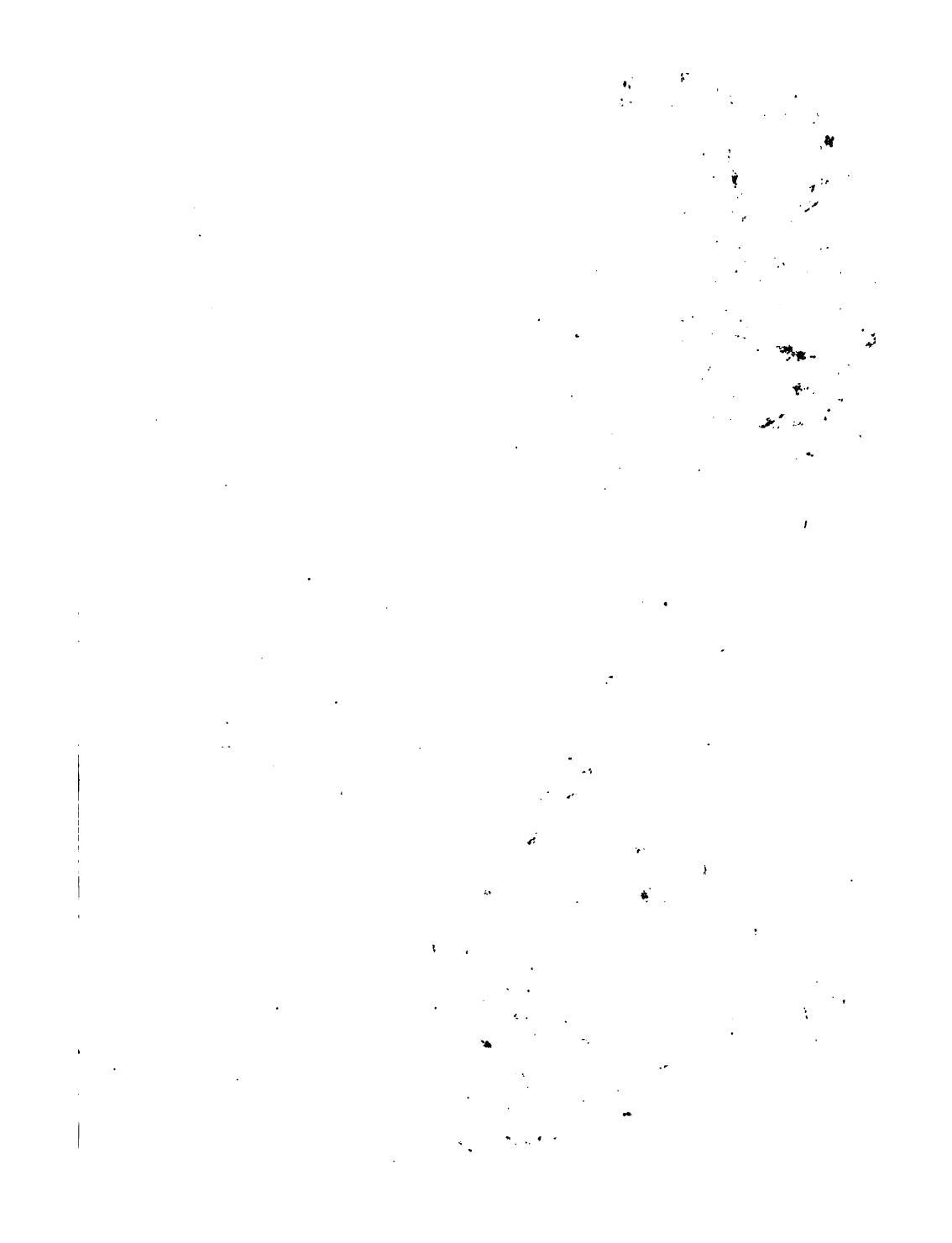
СКАЗАНІЯ МИНУВШАГО. Часть 2-я. **Содержаніе:** Великая княгиня Домникія. — Посадница Марѳа Борецкая. — Серафима. — Вѣчевой звонарь. — Царица Марья Долгорукая. — Набѣгъ Стеньки Разина. — Боярыня Морозова. — Князь Семенъ Пожарскій. — Царь-Миротворецъ. — Россія. — **Царевна Софья**, драматическая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ съ прологомъ. — **Боярское правленіе**, драматическій отрывокъ. — Сказка. Цѣна 2 руб.

ПАМЯТИ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА. Исторія, святыни и преданія Новгорода. Съ приложеніемъ исторической драмы въ стихахъ: **„Марѳа Посадница“**. Съ 6-ю рисунками. Цѣна 1 руб.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

Томъ первый. **ГОСУДАРЬ ЦАРЬ ІОАННЪ III ВАСИЛЬЕВИЧЪ,** трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. **БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНІЕ,** драматическій отрывокъ. Цѣна 1 руб.

Томъ второй **ЛИХОЛѢТЬЕ,** драматическая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. **БЫЛАЯ РУСЬ,** историческая драма, въ стихахъ. Цѣна 1 руб.



Stanford University Libraries
3 6105 010 576 796

MG
346
N28
S5
V.3

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

1995 DATE DUE

SEP 22 1995